

НЕВЛЯ

4 • 2005

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

Нильс Кристи Без наказания	4
Олег Зыков Сначала ребенку плохо с нами...	14
Тамара Морщакова К дискуссии о восстановительном правосудии	25
Людмила Карнозова К модели восстановительной ювенальной юстиции	35
Рустем Максудов Восстановительное правосудие	49
Моника Платек Восстановительное правосудие – теория, порожденная практикой	63
Лев Левинсон О вредном влиянии суда на юношество	81
Анна Лебедева Начало...	84
Джон Брэйтуэйт Восстановительное правосудие ради лучшего будущего	93

ЗА СТНОЙ. АРЕСТ

Юрий Александров Количество арестов выросло в два раза	100
--	-----

О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных... 104

Виталий Лозовский Арест 109

Герман Дрюбин Ночь последняя, ночь первая 119

Александр Маланкин В государевых тюрьмах 125

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Алексей Мокроусов Страна особого назначения 148

Юрий Александров «Шаг на 50 лет назад» 156

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталия Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Зам. главного редактора
Елена Ознобкина
Ответственный секретарь
Наталия Малыхина
Художник
Лев Михалевский
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталия Максимова

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

СПАСИТЕЛЬНОЕ ПРАВОСУДИЕ

Нильс Кристи

Без наказания

Два типа правосудия

Вот знакомая картина: женщины собираются у родника или около водоема. Они приходят сюда каждый день, в одно и то же время, чтобы набрать воды, постирать белье и обменяться новостями и мнениями. Темой их бесед всегда бывают какие-то конкретные происшествия или ситуации. Они рассказывают о них, сравнивают с аналогичными происшествиями в прошлом и выносят свою оценку происшедшему: хорошо это или плохо, правильно или неправильно, было ли это проявлением силы или слабости? Мужчины обычно делают то же самое – в местах своих собраний. Медленно, хотя и далеко не всегда, может сформироваться некое общее понимание того или иного происшествия. Это процесс, в котором через взаимодействие людей происходит выработка общепринятых норм. Давайте назовем это *горизонтальным* правосудием, выработанным людьми, которые в силу близости друг к другу обладают ярко выраженным равенством. Но, разумеется, не полным равенством. У кого-то одежда лучше, чем у других, кто-то происходит из более обеспеченной семьи, кто-то более умен. Но в сравнении с тем, о чем далее пойдет речь, все они равны. И принимаемые ими решения основаны на том, что все они являются участниками процесса.

Горизонтальному правосудию присущи три основных свойства.

1. Принимаемые решения коренятся в жизни *местной общины*. Как решаются подобные дела в какой-нибудь отдаленной деревне, людей

Публикуются фрагменты главы 6 книги Н. Кристи «Приемлемое количество преступления», которая готовится к изданию в России. Фрагменты предыдущих глав публиковались в журнале «Неволя» № 1 и № 2.

почти не интересует. Существенное значение имеет для них то, что происходит здесь и сейчас, в сравнении с прошлым и с заботой о будущем. Это может приводить к неравенству между районами, когда «такое же» деяние получает в районе А иную оценку, нежели в районе Б или районе В. Но в рамках каждого из этих районов может возникнуть единодушное мнение, что по-настоящему справедливое решение было принято именно в данной местности.

2. Вопрос существенности трактуется принципиально иным образом, нежели это происходит в судебной системе. Существенность имеет важнейшее значение, но в ситуациях с горизонтальным правосудием, которое не знает *заранее готовых решений*, существенность устанавливается в самом процессе. Существенно то, что считают существенным сами участники. Все заинтересованные стороны должны выработать хотя бы минимальный консенсус по вопросу существенности. То, что 15 лет назад Пер обидел Кари, должно расцениваться как факт чрезвычайной важности всеми заинтересованными участниками конфликта, вспыхнувшего из-за того, что младшая сестренка Кари вымала младшего братика Пера смолой и вываляла его в перьях.

3. Для колодезного правосудия компенсация считается куда более важной, нежели возмездие. Это связано с рядом структурных элементов малых сообществ. В таких сообществах, как правило, существует относительное равенство. Не обязательно в том смысле, что все члены общества равны по благосостоянию или престижу, но в том смысле, что если возникают конфликты, стороны начнут заключать союзы с родственниками и друзьями и таким образом мобилизуют свои силы, пока не достигнут равенства со своими оппонентами. Многие такие сообщества не знают института вышестоящей власти. Это означает, что они должны сами разрешать все возникающие у них конфликты. Это ситуация, когда все участники конфликтов знают друг друга с незапамятных времен и также знают, что им предстоит жить вместе в будущем. Они не могут поступать так, как современные люди, которые в случае возникновения опасности конфликта просто разрывают все отношения со своей общиной и перебираются на новое место жительства ивливаются в другую социальную систему. В таких системах наказание обычно дисфункционально. В неустойчивых социальных системах наказание – причинение боли ради самой боли – означает сползание к гражданской войне. Там же, где верховная власть находится очень далеко, где отсутствует институт высшей арбитражной власти, где нет возможности сменить место жительства, естественным выбором становится компенсация, а не боль.

А вот другая картина: Моисей спускается с горы. Он несет выбитые на каменных скрижалях заповеди, которые ему были продиктованы тем, кто обретается выше, чем вершина этой горы. Моисей был лишь вестником, а народ – население – были адресатами, подконтрольными высшему авторитету. Много позднее Иисус и Мухаммед действовали по тем же самым принципам. Это классические случаи того, что далее будет именоваться *«вертикальным правосудием»*.

Ситуация с Моисеем и его вертикальным правосудием весьма отличается от той, что имеет место при горизонтальном правосудии. Когда общепринятые правила выбиты в камне, формируется идея существования универсальной справедливости. Одинаковые конфликтные дела могут рассматриваться одинаково, исходя из общих правил. Но, если принимать в расчет все сопутствующие факторы, не бывает одинаковых конфликтов. Разумеется, нет. Поэтому в формальном праве *все факторы и не могут приниматься в расчет*. Отсюда возникает необходимость исключать большинство факторов, сопутствующих тому или иному деянию, чтобы получить судебное дело, которое можно счесть аналогичным или одинаковым. Этот процесс называется исключением *несущественного*. Но отличить существенное от несущественного можно, лишь исходя из системы ценностей. Чтобы добиться одинаковости, необходимо выработать правила для выявления несущественного. Это – догматически определяемое несущественное: простые люди часто попадают в ситуацию, когда адвокаты запрещают им в судебных заседаниях прибегать к тому, что, по их разумению, является их сильным аргументом. Но применять на практике подобную тактику ведения судебных тяжб и обучают студентов в наших юридических колледжах. Такой тип правосудия предполагает жесткое лимитирование того, что может браться в расчет, иначе искомое равенство никогда не будет достигнуто. Все это находится в резком противоречии с горизонтальным правосудием, где вопрос о существенном/несущественном решается самими участниками процесса.

При вертикальном правосудии – а в этом процессе подразумевается неравенство сторон – создается ситуация, в которой приветствуется применение наказания, то есть причинение боли ради боли. Современность в значительной степени есть жизнь сообществ людей, которую мы не понимаем и никогда не поймем. Это ситуация, при которой уголовное право может применяться с превеликой легкостью. Уголовное право и современная жизнь идеально подходят друг другу.

<...>

Отменить наказание?

В дискуссиях об уголовном праве существует важная позиция, именуется аболиционизмом.

Аболиционисты ставят подобные вопросы: «Что это за логика и этика, с точки зрения которой создается убеждение, будто наказание имеет приоритет над примирением? Вы потеряли глаз из-за моего возмутительного поведения – но я отдам вам свой дом. Вы нанесли мне увечье, сбив меня на машине, но я вас простил». Наказание есть намеренное причинение боли. Но имеет ли сознательное причинение боли какие-то преимущества как инструмент восстановления попраных ценностей? Имеет ли подобная боль преимущества, а следовательно, приоритет над примирением, компенсацией и прощением? Я разделяю философию, на которой базируются эти вопросы, но не могу полностью согласиться с аболиционистами.

Наиболее радикально настроенные среди них хотят вообще отменить уголовное право и институт формального наказания. Но если следовать этой философии до конца, возникает ряд серьезных проблем.

Первая обусловлена позицией тех, кто не желает участвовать в процессе примирения или в достижения возможного соглашения. Некоторые правонарушители не имеют ни сил, ни желания взглянуть своей жертве в глаза, не говоря уж об испрашивании для себя прощения. Такие подвержены паническому страху и требуют проведения безличной судебной процедуры. Точно так же далеко не все жертвы будут готовы рассмотреть вариант с примирением; они предпочли бы наказание своего обидчика. В обоих случаях применяется уголовный процесс. В современном государстве гражданский процесс разрешения конфликтов едва ли можно расценивать вне решений в области уголовного права, которые являются возможной альтернативой. Это может привести к тому, что некое лицо может быть прощено в рамках гражданского процесса, в то время как другое лицо наказано. Но это не противоречит этическому кодексу, согласно которому ряд членов общества, хотя и не все, могут получить прощение. Те же, кто подвергается наказанию, сталкиваются с участью, которая бы их постигла при отсутствии компенсации. Вероятно, осужденные получают чуть менее суровое наказание. Если же в ряде случаев прощение могло бы стать практической альтернативой, это, вероятно, привело бы в целом к снижению суровости наказания в той или иной социальной системе.

Другая серьезная проблема, которая возникла бы при полной отмене института наказания, связана с опасностью извращения сущности примирительного процесса. Правонарушитель или его ближайшие род-

стенники могут горяча надавать слишком много прекрасных обещаний, чтобы направить рассмотрение дела в благоприятное для себя русло. Арбитр, посредник или участники круга должны пресекать подобное, и, возможно, им придется вернуть дело в уголовный суд. Либо же правонарушитель может подвергнуться слишком сильному давлению противной стороны. Есть примеры дел, рассматривавшихся небольшими общинами, где мужчины играют в органе разрешения конфликтов доминирующую роль и где жертвы-женщины подвергаются постоянному притеснению. То же самое возражение можно высказать и в связи с конфликтами, рассматриваемыми на государственном уровне. <...>

Выступая за институт примирения, очень важно не забывать, что ритуалы и процедуры в уголовном суде могут выполнять важные защитные функции. Когда трения между сторонами растут, вплоть до угрозы вспышки насилия, формализованные, а зачастую однообразные и скучные ритуалы, предусмотренные судебной процедурой, могут оказать умиротворяющее воздействие. Формальные судебные процедуры снимают остроту некоторых конфликтных ситуаций и делают их более приемлемыми в моральном плане, точно так же, как церковные ритуалы – или стремительно развивающиеся сегодня новые «этические ритуалы» – помогают смягчить моральные и эмоциональные страдания на похоронах любимого человека.

Особая ситуация возникает в случае конфликта между отдельным гражданином и организацией. Это может быть магазинный воришка, на которого подала в суд крупная торговая фирма, или юный вандал, с которым судится муниципалитет, или пассажир, не оплативший проезд в метро. Специфика данной ситуации не в том, что тяжущиеся стороны неравны с точки зрения обладания властью, но в том, что одной из сторон в такой тяжбе будет представитель крупной организации. Это может быть представитель с огромным опытом рассмотрения подобных дел в суде, но проявляющий минимум личного интереса к конкретному конфликту. Наоборот, противная сторона, скорее всего, впервые в жизни будет представлять лично себя в суде. У нас в Норвегии официальные примирительные комиссии завалены делами о магазинных воришках – делами, которые не предназначены для института примирения. Вот почему система примирения может с легкостью выродиться в замаскированные суды для малолетних преступников. Хойгор подвергает обоснованной критике это явление в своей книге о граффити «Уличные галереи». То, что происходит на заседаниях таких комитетов, считает она, есть не что иное, как наказание детей.

Было бы разумно, если бы члены этих примирительных комиссий сумели включить в процесс разрешения конфликтов топ-менеджеров крупных компаний или представителей администрации метро или муниципалитета. В этом случае можно было бы затрагивать вопросы организации торговли в больших магазинах: почему товар выложен так, что у юных посетителей возникает почти непреодолимое искушение что-то стащить, почему магазин с целью увеличения прибыли сокращает число персонала в торговом зале? Либо можно было бы задаться вопросом, является ли граффити, которым покрыта стена, менее красивым и/или интересным, чем огромная реклама нижнего белья на этой самой стене. Подобные обсуждения были бы весьма полезны для социальной системы в целом. Хотя было бы, видимо, утопично думать, будто сегодня можно организовать эти обсуждения...

Третий случай уголовной процедуры – ситуация, когда отсутствует конкретная жертва. Так бывает, когда оскорблению подвергается религиозное верование: например, человек может помянуть дурным словом Бога или Аллаха в обществах, где это считается серьезным грехом. Или возникает необходимость упорядочить действия, производимые людьми над собой и своим телом. Борьба с употреблением наркотиков в настоящее время является наиболее ярким примером такого случая.

Наконец, есть и более тривиальное мнение, согласно которому, в конечном счете, придется ввести ряд простых правил. Так, некоторые водители настаивают на том, чтобы им разрешили движение с любой скоростью по их выбору. Административные меры, такие как изъятие водительских прав или арест транспортного средства, конечно, можно применять, но эти меры отнюдь не всегда эффективны, поэтому наказание в таких случаях должно применяться лишь как крайняя мера.

Кое-кто не сочтет перечисленные выше озабоченности сколь угодно важными. И они будут наказывать. Они скажут: «Общество должно так поступать. Вне зависимости от пользы и практического применения наказания некоторые деяния настолько ужасны, что общество просто обязано совершить акт мщения над злодеем (злодеями)». Таково их убеждение.

Зимняя ночь

В тот самый день, когда я писал эту главу, сорок тысяч жителей Осло вышли на улицы города. Это случилось в первый день февраля. Над городом сгустились сумерки, стоял пронизывающий холод. Сильный северный ветер продувал улицы, столбик термометра опустился

до 13 градусов ниже нуля, и тем не менее людей согревала мысль, что они собрались вместе.

Они вышли на улицы ради Бенджамина. Его друзья произнесли речи, с речью выступил и премьер-министр страны. Девушка спела песню. Затем скорбная процессия двинулась по городским улицам.

Бенджамина убили за три дня до этого. Ему только-только исполнилось 15 лет. Его закололи ножами трое подростков, симпатизирующих нацистской идеологии. «Довольно!» – казалось, решительно заявила вся страна. У Бенджамина была черная кожа. Год назад, выступая по национальному телевидению, он заклеил норвежский расизм. Это могло стать одной из причин его гибели.

Многотысячная процессия стала демонстрацией общих ценностей, а также примером возникающего похоронного ритуала нового типа – как цветы на площади для принцессы Дианы, свечи на могилах и на местах кровавых преступлений и страшных катастроф. Участие общественности в этой процессии было подготовлено и широко освещалось прессой.

Но возникает вопрос: достаточно ли этого?

Многое уже было сделано в стране для пресечения распространения нацистской идеологии и создания нацистских организаций. Государство выделяет средства молодым активистам, которые помогают подросткам, вовлеченным в деятельность нацистских групп, порвать с ними и вернуться к нормальной жизни. В эту работу активно включились родители и школа, ученые пытаются сблизиться с нацистскими группами, чтобы понять их поведение и мотивацию.

И снова зададимся вопросом: достаточно ли этого? В этом преступлении были обвинены два юноши и девушка¹. Возможно ли к данному случаю применить теорию компенсирующего правосудия? Преступники посягнули на ценность человеческой жизни. Но не только. Деяние было совершено лицами, которые, по крайней мере изначально, могли полагать, будто совершают правое дело, деяние, призванное дать отпор вторжению менее ценной культуры, а возможно, и менее ценной расы.

Стал бы я по-прежнему утверждать, что этот случай подпадает под юрисдикцию компенсирующего правосудия?

Есть и другие сложные случаи. Недавно в Норвегии все население страны было шокировано убийством двух маленьких девочек, которые собрались искупаться в небольшом лесном озере на юге страны. Их изнасиловали и убили. Виновными в этом преступлении были при-

¹ В феврале 2003 года один из молодых людей был приговорен к 17 годам тюрьмы, другой – к 18-ти.

знаны двое молодых людей, которых приговорили к длительным срокам заключения. Один из них чуть ли не смеялся, покидая зал суда. Общественность страны была возмущена – и я тоже.

Тем не менее давайте представим себе иной финал этой истории. Что бы произошло, если бы в дело вмешались примирители и родственники девочек, и после долгого процесса примирения они бы объявили: вы убили наших детей, но мы вас прощаем. Имея полное представление о вашей жизни за последние годы и принимая во внимание ваше искреннее раскаяние, мы вас прощаем. Мы знаем, что вас ждет в будущем, если вы проведете многие годы за тюремной решеткой, и поэтому мы просим власти освободить вас. Что бы случилось, если бы такие слова были произнесены родственниками убитых девочек и поддержаны властями?

У меня нет сомнений, что такое решение глубоко коренится в нашей морали. Но в то же самое время у меня нет никаких сомнений, что было бы совершенно неразумно ожидать выбора подобного решения, не говоря уж о том, чтобы требовать от ближайших родственников убитых девочек принять участие в процессе переговоров, которые могли бы привести к подобному результату. Ведь если бы ближайшие родственники этих девочек сделали выбор в пользу наказания, то это их решение было бы вполне понятно и с моральной точки зрения не подлежало бы осуждению. Но коль скоро имеет место примирение, можем ли мы представить ситуацию, где дело было бы исчерпано этим – было бы исчерпано именно прощением? И почему следует считать самоочевидным, что это дело должно непременно находиться в ведении прокурора и тюремной администрации?

Если бы все жертвы и родственники тех, кто уже лишен возможности высказаться, согласились с приоритетом прощения, тогда, возможно, социолог взял бы в руки томик Эмиля Дюркгейма и стал бы доказывать, что ради социальной гармонии данного общества любые отвратительные деяния, видимо, следует подвергать наказанию. Но возможность прощения, инициируемого заинтересованной стороной, настолько призрачна, что это заявление не более реалистично, чем предсказание о крахе нефтяного рынка на том основании, что люди вдруг сочтут аморальным использование частных автомобилей... Но если такое произойдет, я приму сторону тех родителей, которые будут выступать за прощение. Процесс исследования происшествия, определения вины, поиск прощения и акт прощения – все это было бы действенным разоблачением ужасных, невероятно жестоких деяний. Разоблачение этих злодеяний стало бы свидетельством нашей дистанцированности от них, и в то же самое время акт прощения стал бы утверждением иных, не в меньшей степени важных, фундаментальных ценностей нашего общества.

Но будет ли это справедливым? Ведь есть вопиющие случаи, когда дети подвергаются сексуальному насилию в извращенной форме, а потом их убивают. Разве это правильно, если виновный отделается лишь словесным порицанием? Но и противоположная позиция, возможно, дает неверный ответ. Наказание никогда не может уравновесить злодеяние. <...>

Наказание не может компенсировать ущерб. Родственники могут сказать: убийца получил только двенадцать лет, а наш мальчик потерял жизнь. Это неправильно! И они по-своему правы. Хотя они рассуждают с позиции, которая загоняет общество в тупиковую ситуацию. Если мы хотим сохранить свою человеческую сущность, вопрос не может упираться в простое возмездие. Погибшего сына нельзя вернуть, но аналогичный ущерб будет нанесен, если у виновного отнять жизнь точно так же, как он отнял ее у своей жертвы. Наша этика должна иметь более широкую перспективу. Если наказание имеет место, то это наказание должно демонстрировать всю полноту наших ценностей.

Жертвы преступлений наверняка будут оскорблены, если их страдания не станут компенсироваться наказанием, основанном на принципе «око за око». Свое негодование они будут выражать в резкой критике наших судов, критике, которую охотно подхватит пресса, а из прессы почерпнут наши политики.

Как же выйти из этой ситуации?

Нет иного способа, нежели обычный путь: контраргументы, обмен идеями, попытки прояснения позиций. Выбор уголовного преследования – вопрос культурный. Это не вопрос инстинктивных действий и реакций. Это пространство, заполненное глубокими вопросами морали. И они должны интересовать не только экспертов, отнюдь нет. Но в то же время они не должны интересовать только жертв. Должен зазвучать целый хор голосов, выражающих общую озабоченность множеством сложных проблем, в том числе и таких, которые не так-то просто переварить и которые во многом не находятся между собой в гармонии. И чем больше это обширное пространство видится как культурное поле, тем меньше места остается для упрощенных решений.

Минимализм

Все мои рассуждения, как я надеюсь, прояснили, что аболиционизм в чистом виде – недостижимая позиция. Мы не можем полностью отменить институт уголовного наказания. Но, как я надеюсь, в предыдущих главах мне удалось показать, что мы способны пройти в этом на-

правлении долгий путь. Преступление не является естественным феноменом. Преступление – это лишь один из ряда возможных способов восприятия и оценки возмутительных деяний. И мы свободны в своем выборе, а изменение в уровне наказаний в разные эпохи и в разных государствах, равно как и различия между наказаниями в разных государствах, служат иллюстрацией этой свободы.

В данной ситуации моей душе наиболее близка позиция, которую можно назвать *минимализмом*². Она близка к аболиционистской философии, но утверждает, что в определенных ситуациях наказание неизбежно. Как аболиционисты, так и минималисты строят свои умозаключения, исходя из нежелательных деяний – а не деяний, определяемых как преступление. И они задают вопрос, как следует реагировать на такие деяния? Может ли способствовать разрешению дела компенсация пострадавшей стороне, или создание комиссии установления истины, или помощь злоумышленнику в поиске прощения? Минималистская позиция открывает поле для выбора. А если исходить из оценки всей последовательности событий и поступков, приводящих к нежелательному деянию, то преступление становится одной, и только одной из ряда альтернатив. Анализ, основанный на оценке конфликтов, а не преступления, открывает обнадеживающую перспективу. Это означает, что мы избежим ловушки «уголовной необходимости» и получим свободу выбора.

Это хорошо – и плохо. Это избавляет нас от однозначного понимания преступления как непреложной юридической данности и заставляет искать аргументы для нашего выбора между наказанием и ненаказанием. <...>

Перевод с английского О. Алякринского

² Термин «аболиционизм» восходит к эпохе борьбы против рабства, в частности в США. Внутри самого движения существовали два конфликтующих лагеря: одни выступали за полную отмену рабства, другие – за его ограничение рядом мер. Как и в движении против рабства, в современном аболиционистском движении существует более умеренная группа – минималисты. В истории борьбы с рабством это плохой термин, зато он хорош, когда учитываются все сложности поиска адекватной реакции на вопиюще нежелательные деяния.

Олег Зыков

Сначала ребенку плохо с нами...

По своему базовому образованию я врач. Постепенно, лично и профессионально эволюционируя, я подошел к пониманию того, что основные причины детской наркомании, детской преступности, беспризорности сопряжены с нарушением прав детей. Занимаясь проблемами детской наркомании, осмысливая, какие технологии можно использовать в цивилизованном государстве, чтобы решать эти проблемы, я понял: не создавая системных механизмов защиты прав ребенка, даже приступить к решению проблемы асоциального поведения детей невозможно. Это ведь очень простая и очевидная жизненная логика. И почему только люди, представляющие то или иное ведомство, не хотят задумываться...

Когда ребенку плохо в семье (что не обязательно связано с физическим насилием, чаще – с насилием психологическим), когда его не замечают (а ребенок воспринимает это как насилие), он уходит из семьи, не обязательно в прямом смысле слова, но лично. Семья перестает на него влиять. Главная задача любого ребенка – явить себя миру, выстраивая вокруг себя различные системы взаимоотношений, не быть белой вороной. При этом в своей микросоциальной иерархии он должен обязательно подниматься все выше и выше, а значит, должен соответствовать определенным ценностям.

И вот он уходит в свой микросоциум – на улицу. Улица предлагает свои сюжеты: он может совершить правонарушение, сам подвергнуться

О. Зыков – Президент Фонда НАН, эксперт Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Материал подготовлен на основе интервью, которое О. Зыков дал редакции журнала «Неволя» в феврале 2005 года.

насилию, сесть на иглу или просто болтаться. Однако все это вторично, первична – проблема семейного насилия, это ключевая проблема.

Для меня совершенно очевидно: сегодня наше общество в отношениях с ребенком вовсе не ищет способы защитить его права, напротив, оно постоянно создает дополнительные технологии насилия. Что предложило общество (конечно, это было сделано чиновниками), чтобы решать проблему детской беспризорности? Построить кадетские корпуса, а внутри них детей построить. При этом ведь понятно: чем более закрыта система, тем это более питательная среда для насилия. Не прошло года, полутора или двух, и там начинает расцветать насилие, прежде всего сексуальное насилие.

Ответом на насилие может быть только развитие правовых технологий. Конечно, мы не имеем права произвольно вмешиваться в судьбу семьи. Но мы обязаны вмешаться, когда у семьи нет ресурса, чтобы решать собственные проблемы. Значит, надо выработать некую технологию, когда будет возможно реагировать уже на первые сигналы неблагополучия, найти правовой механизм, который обеспечит вмешательство в семью ровно тогда и настолько, когда и насколько мы будем иметь на это право. Отправной точкой в таком случае должно являться неблагополучие ребенка и риск того, что ребенок в результате этого неблагополучия будет вырастать социально, личностно, психологически, нравственно несостоятельной личностью. Это невыгодно обществу. Обществу выгодно, чтобы ребенок становился полноценной личностью в социальном, нравственном смысле, был способен реализоваться. Кстати, в том числе, стал и экономически состоятельным.

Пока же логика нашей судебной системы категорически не учитывает интересы общества. Традиционное для нас тоталитарное понимание справедливости – наказание виновного: «вор должен сидеть в тюрьме». Это относится как к взрослым, так и к ребенку. (Я категорически не согласен с этим штампом. С точки зрения общества гораздо более приемлема формула «вор должен перестать воровать», и это не значит, что он при этом должен сидеть в тюрьме.) В отношении ребенка этот подход категорически не правилен. Почему надо исходить из убогой дихотомии: или дать ребенку условное наказание (ты не совершил пока ничего чудовищного, иди еще погуляй), или посадить его в тюрьму (ты бабушку убил...)? В первом случае ребенок воспринимает судебное решение как безнаказанность, что провоцирует его на повторное правонарушение. Во втором случае – в зависимости от того, сколько он просидит в тюрьме, – он воспримет уголовную ментальность, идеологию насилия, ведь в тюрьме и нет ничего другого. Есте-

ственно, пафос насильника он будет нести в общество, он будет неотъемлемой компонентой его личности. Это мы сделали его насильником... Ведь насильниками не рождаются, насильниками становятся. Даже если существуют какие-то «генетические предпосылки» к правонарушению, – даже в этом случае насильниками становятся, коль скоро общество не выработало профилактические механизмы (только не такие, как в гитлеровской Германии!), которые учитывают природу этой предрасположенности. Однако наше общество никак не реагирует ни на какие, будь то генетические, психологические или социальные предпосылки, – пока не совершено преступление.

Я вообще не верю, что можно взять и поменять ментальность без включения определенных технологий – информационных, организационных. Так не бывает. Но сами бюрократические технологии, если они не основываются на определенных ментальных процессах, тоже ничего не стоят. Закон должен появиться ровно в тот момент, когда жизнь подвела к тому, чтобы этот закон был написан. Закон должен подкреплять нашу эволюцию, но первична все-таки наша эволюция. Конечно, закон должен быть написан и принят, иначе эта эволюция не будет закрепляться технологически.

С ювенальной юстицией как раз это и происходило. Проблема ювенальной юстиции – прежде всего ментальная проблема. Вся наша жизнь, а судебная система – это стержневой технологический элемент нашей жизни, отражает наши ментальные проблемы. Решать их через поиск виновного и наказание виновного – репрессивный стандарт мышления. И наша судебная система абсолютно репрессивна в своей идеологии и своей технологии. Ювенальная юстиция – антипод этого репрессивного мышления. Именно с сопротивлением ментальной основе ювенальной юстиции мы и столкнулись.

На мой взгляд (и в этом я присоединяюсь к точке зрения Тамары Георгиевны Морщаковой¹), ювенальная юстиция – самое первое звено перемен в судебной системе. В силу разных причин: здесь речь идет о детях, а детей «не надо обижать», нам близок пафос позитивного, а не репрессивного отношения к ребенку. Но «не жалеет» ребенка не только наша судебная система, мы все его не жалеем: до того момента, когда уже терпеть невозможно, когда он «бабушку убил», мы просто ничего не делаем... И этим провоцируем ребенка на то, чтобы он все-таки «убил бабушку».

Не надо играть в жалость, а потом сажать на десять лет. Посадив ребенка на десять лет, мы никак не соблюдаем интересы общества. В интересах общества, повторю, сделать ребенка во всех смыслах состоятельным членом этого общества. Чтобы человек работал, «плодился, размножался», деньги зарабатывал и налоги платил.

В прежнем и сегодняшнем (по сути, советском) подходе к ребенку меня не устраивает ни философия, ни технология. Для меня ребенок – это субъект реабилитации, личность, и главный инструмент реабилитации – мобилизация этой личности. Даже если это личность не очень-то развитая, у нее есть свой ресурс. В советское время все мы были объектами, объектами репрессивной манипуляции. Сегодня наша судебная система именно в этой парадигме и существует, касается ли это взрослых или детей. Пока правонарушение не достигло определенного уровня, репрессивная машина просто не срабатывает, если же человек перешел границу – он становится простым объектом для репрессии.

Идеологией ювенальной юстиции является рассмотрение ребенка как личности, а следовательно, как имеющего свой ресурс. Некоторые рассматривают ювенальную юстицию как некую дополнительную вседозволенность. Но этот взгляд – просто вторая сторона того же самого репрессивного мышления. Ребенок же нуждается во внимании с позиции диалога с ним как с личностью – и в обществе, и в семье. Родители часто не понимают, что ребенок не готовится к жизни – он уже живет. И он нуждается в том, чтобы вечером с ним поговорили о его проблемах, которые для него не менее актуальны, чем для взрослого человека свои. Когда все сводится к тому, чтобы выдать ему денег, накормить и т.д., когда нет понимания, что ребенок является личностью, – и возникают проблемы. Они вырастают из неуважения к ребенку как к личности.

Итак, если мы в семье и в обществе не адресуемся к ребенку как к личности, помочь ему мы ничем не можем. Конечно, если ребенок имеет свой большой внутренний ресурс, то он и при этом прессинге «выскакивает» (10–30% процентов детей не имеют особых проблем²).

Все эти вещи обсуждаются, в частности, в выпущенной фондом НАН книге «Ювенальные технологии»³. Здесь описывается то, что мы называли «реабилитационным пространством». Но ювенальные техноло-

² Здесь и далее приводятся данные Фонда НАН.

³ Ювенальные технологии: практическое руководство по реализации территориальной модели реабилитационного пространства для несовершеннолетних группы риска. М., Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2004.

гии нельзя вырывать из общего контекста социальных технологий. Кто должен в нашем обществе обращаться к ребенку как личности? Здесь возникает вопрос: как мобилизовать некие профессиональные кадры, обучить их, сформировать образовательные, информационные, иные стандарты? Откуда все это взять, если не привлечь людей неформально заинтересованных, мыслящих, чувствующих, готовых заниматься этими проблемами? А это вопрос прежде всего государственного финансирования позитивной инициативы.

Конечно, у меня не было возможности детально обсуждать с президентом эти вопросы. Но у меня была одна возможность представить ему тему ювенальной юстиции на встрече в декабре 2002 года на заседании Комиссии по правам человека. Мне было доверено произнести монолог. Реакция Путина на мой текст была предсказуема и очевидна. Первое, что он сказал: «А вот Верховный суд против!» Здесь у меня был заготовлен ответ: «Нет, не против. Перед Вами лежит письмо, подписанное Лебедевым⁴, – он «за». Второй, не менее предсказуемый, вопрос президента: «Сколько на это нужно денег?» Было понятно, что все его вопросы не столько отражали его собственную позицию, сколько были подсказаны, причем известно кем (справа от него сидел Сурков, который ему и подсказывал). Что при этом происходило в голове Владимира Владимировича, я не знаю. Но дальнейший ход событий привел к созданию определенного организационного, бюрократического ресурса, который позволил нам за два года подойти к итоговой резолюции на нашем письме: «Поддержать». Этот мучительный процесс был сопряжен не с сознанием президента, а с выстраиванием определенной бюрократической цепочки для принятия решения.

Ювенальная юстиция – это не столько создание новых рабочих мест и нового объема работы, сколько специализация. Детей ведь и сейчас судят. Вопрос в специализации и судьи, и судебной процедуры. Поэтому деньги, необходимые для создания этого института, надо будет тратить прежде всего на образовательный процесс: обучение судей, социальных работников (которые на нынешний день уже существуют). Сегодня, в соответствии с поручением президента, создана рабочая группа. В рамках этой рабочей группы мы договорились с Судебным департаментом о подсчете стоимости введения ювенальной юстиции в стране. По предварительным подсчетам Судебного департа-

мента, первый год внедрения ювенальной юстиции будет стоить 400 миллионов рублей, и для России это – три копейки. При этом эксперимент уже идет – в Таганроге открыли ювенальный суд.

Я не раз отвечал на возражения такого рода: вот ювенальный суд открыли, а почему не железнодорожный и т.д.? Действительно, почему? Дело в том, что изнутри железнодорожник ничем не отличается от сотрудника администрации президента, и лечить их надо одинаково с точки зрения физиологии, а вот ребенок – отличается, поэтому его лечит педиатр. Поэтому для детей суды должны быть специализированные, а для железнодорожников – нет. И еще одно наглядное сравнение: законы – это инструменты... Но представьте, все хирургические инструменты заточены, все лежат, их много, они очень хорошие, а хирурга – нет. А ведь именно так и обстоит дело в нашем государстве: законы есть, а хирурга, кто бы умело мог что-то вырезать, пришить и т.д., нет. Все хирурги у нас ведомственные, отрезают они не в пользу ребенка, а в пользу своего ведомства. То есть нет субъекта, кто осознанно и осмысленно мог бы воспользоваться правовым инструментарием. Им как раз и должен стать ювенальный судья.

Я постараюсь кратко описать, что такое ювенальные технологии. Есть два взгляда на процесс. Первый связан с социальными технологиями, с событиями на низовом уровне, второй – взгляд со стороны ювенальной юстиции. Сегодня мы подошли к тому, что эти два взгляда стали сопрягаться. Если отправной позицией для нас является эволюция юстиции, мы прежде всего говорим о специализации судебных процедур. О том, что ребенок, который заболел социально, должен лечиться соответствующим специалистом. Ведь когда он заболевает физически, его лечит педиатр. Почему же когда он заболевает социально, его может лечить кто угодно, люди, не понимающие природу криминального поведения. Здесь и возникает тема специализированной судебной процедуры. И – прежде всего – судьбы как личности. Это главное. Мы должны понимать: сколько бы мы ни говорили, что у нас есть хорошие законы, адресованные детям, если мы не понимаем, кто является субъектом, принимающим решения, кто является пользователем этих законов, – мы ничем ребенку помочь не сможем.

Вся предыдущая логика законотворчества была сопряжена с построением ведомственных границ. Здравоохранение должно заниматься наркоманами, МВД должно заниматься преступниками, социальная защита беспризорниками... При этом ребенком не собирался заниматься и не занимается никто. Никакое ведомство не заинтересовано

в судьбе «Пети Иванова». Оно заинтересовано в получении финансирования под решение «проблемы». Но решение проблем и получение финансирования – это разные вещи. Тогда какова эффективность принимаемых решений, какие здесь есть альтернативы? У нас существуют механизмы ведомственные и правовые, это разные вещи. Любое решение в отношении ребенка эффективно ровно в той степени, в какой оно законно, персонально адресно и квалифицированно. Являются ли ведомственные решения законными? Нет, они всегда подзаконны, они не действуют подобно федеральным законам. Подзаконный акт МВД необязателен для здравоохранения и наоборот. Это усиливает межведомственные границы. Является ли ведомственное решение персонально адресным? Нет, конечно. В нем идет речь не о «Пете Иванове», там в куче все преступники и т.д. Является ли оно квалифицированным? Нет, потому что вся квалификация направлена на получение денег под решение проблемы, а не на решение проблемы.

Далее, является ли судебное решение законным? Конечно, да. Судья судит в соответствии с федеральным законодательством. Является ли оно персонально адресным? Конечно. Ведь судят Петю Иванова. Является ли это решение квалифицированным? Это вопрос. Сегодня решения суда, категорически заявляю, неквалифицированные. Можно ли это изменить? Можно. Но для этого должен появиться специализированный судья, у него должен появиться социальный работник, вокруг этой пары должны кристаллизироваться новые технологии.

Одна очень важная вещь: практика ювенальной юстиции, эволюционируя, перешла к изучению более глубокого периода – не того, когда ребенок совершает правонарушение, но когда он сам является жертвой. Например, во Франции ювенальные суды в 80% случаев рассматривают дела, когда ребенок является жертвой. Еще нет никакого правонарушителя-ребенка, но ребенку плохо. И это повод для общества, прибегая к помощи правовых технологий, задуматься. Какие есть у общества ресурсы, чтобы ребенку стало лучше?

Наша ювенальная юстиция будет развиваться точно так же. И это неизбежно, потому что таким путем идет развитие данной ментальной парадигмы. По мере того как будут развиваться технологические элементы – специализированный судья, социальные работники, увязка всех реабилитационных программ на территории, – будут развиваться и два основных направления. Первое – будут развиваться процедуры помощи ребенку-жертве, а второе (самое главное с точки зрения общества) – на основании судьбы конкретного ребенка судья будет принимать

системное решение. Через частное определение, постановление суда. Анализируя, почему Пете Иванову стало плохо, он будет указывать: местная социальная защита не доработала – это вы, конкретно вы, не доработали; а вот вы, представители образования, выбросили его на улицу... Адресоваться этот судья будет не к абстрактному «образованию», но к директору школы Иван Ивановичу Иванову, который совершил, с точки зрения интересов ребенка, противоправное действие.

Главными нарушителями прав детей сегодня в нашей системе являются те, кто должен защищать эти права – исполнительные органы власти, органы опеки, комиссии по делам несовершеннолетних, те же самые суды. (Почитайте доклады уполномоченного по правам ребенка в Москве Алексея Голованя – и вам ясна будет вся глубина порочности и несостоятельности системы!) Потому что если мы не понимаем, что эти базисные элементы абсолютно недееспособны, что их надо менять, то мы в принципе ничего поменять не сможем.

Однако первичным звеном является суд. Именно его надо менять в первую очередь, сделав так, чтобы там появились люди и технологии, способные понять природу криминального поведения ребенка, защитить ребенка, когда в этом есть необходимость, понять, что и как надо менять в системе в целом. Причем, не обязательно глобально (хотя иногда можно и до глобального дойти). Например, для меня, как уже для многих, очевидно, что интернатная система – это плохо. Оттуда выходят социальные уроды. При этом в некоторых территориях интернаты для сирот закрывают – в Самарской области, в Пермской области, – а где-то их продолжают строить, вкладывать деньги. Кстати, элитарная система интернатов тоже порочна. Я читал исследование об элитарных заведениях Великобритании – там процветает насилие над детьми. Похоже, сама интернатная система порочна. Коллективное воспитание не позволяет ребенку в дальнейшем стать личностью.

Вот сегодняшняя пример: какой-то идиот-чиновник в Северном Бутове додумался давать квартиры сиротам в одном и том же подъезде. То есть все они из интерната переезжают в один подъезд... Получается большой интернат, где процветают насилие, безобразия, слабоумие. Если ребенок не знает, почему чай сладкий, а помидоры сначала бывают на грядке, он не может нормально жить в мире. А уж тем более не может оперировать деньгами, быть ответственным – у него нет ответственности, у него коллективная ответственность. В том подъезде открытые двери, сплошное пьянство: в Этом Бутове уже не домами, а улицами пьют. Потому что туда стекаются разнообразные асоциальные личности. И базовым эле-

ментом этого асоциального сообщества являются люди, которые не имеют опыта семейного воспитания, они воспитывались в коллективе.

А ведь когда ребенок воспитывается в интернате, то государство на него тратит на одну треть денег больше, чем если бы он был передан в опекунскую семью. При этом в опекунской семье у него появляется шанс стать личностью. А в интернате у него никакого шанса нет (конечно, есть исключения).

Если бы существовал ювенальный суд, то по цепочке разбирательство дошло бы до Верховного ювенального суда, и он принял бы судебное решение о том, что интернат – это плохо и экономически невыгодно, то есть у нас был бы инструмент, с помощью которого можно решать проблемы.

Ювенальный суд понимает, что базовая ценность – это семья. Поэтому задача суда, скажем, совсем не в том, чтобы наказать папу, который бьет ребенка, а постараться увидеть ресурс в этой семье. И если там есть какой-то ресурс, адресоваться к этому ресурсу. Суд примет в этом случае решение, адресованное к данной семье. В зависимости от ресурсов – возможны самые нестандартные и самые неожиданные решения. Но решение должно быть предметным и технологичным, опираться на социальные технологии.

Сегодня у нас появились эффективные технологии работы с семьями. Социальный работник, приходя домой к ребенку, знает, как он должен себя повести, что он должен сказать. Говоря о социальных работниках в ювенальной системе, я имел в виду увязку между судебным решением и реабилитационным процессом. Сам по себе ювенальный судья не решает никаких проблем. Он только закрепляет те рекомендации, которые готовятся для него социальными работниками, и эти же социальные работники отслеживают судьбу судебных решений. Основные элементы такой службы уже есть во многих регионах.

В книге о программе «Ребенок дома»⁵, которую также выпустила наша организация, описаны, например, технологии организации коррекционной работы, начиная с улицы. Как организовать коррекционную работу на улице – это вопрос технологии. Как социальный работник должен быть при этом одет, что при этом должен думать... Существует этика социальных работников. В этой же логике развивается вся концепция реабилитационного пространства, выстраивается весь технологический ряд – начи-

⁵ Социальная работа с несовершеннолетними. М., Российский благотворительный фонд «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН), 2000.

ная с уличной социальной работы и заканчивая тюрьмой. Формы работы с трудными детьми или с детьми группы риска, как я говорил, могут быть самые неожиданные. Например, из наших предложений – реабилитационный театр, реабилитационные клубы, программа «Перекресток», программа «Вызов» (экстремальный туризм), кстати, по нашему опыту, очень эффективная (эмоциональные выплески через физические сверхусилия проявляют лучшие качества человека).

У нас есть опыт работы с территорией, на которой было 18 уличных группировок, фактически – 18 банд. Мы организовали уличную социальную работу, в каждом районе было по четыре социальных работника – два уличных и два домашних. Эти два уличных социальных работника знали все банды (и банды знали их), у них хватило ума и хитрости контактировать с ними. Мы садились за стол и разговаривали, нам удавалось сделать их лидера своим союзником и через него проводить определенную идеологию. Самое главное – ничего не придумывать, надо слушать самих детей, выяснять, чего они хотят. В результате работы эти 18 банд стали 18-ю футбольными командами, которые между собой стали соревноваться – и выплескивали сильные эмоции. Местные главы управ им форму купили... Дети реализовывались... У многих наладились отношения в семьях.

Конечно, не существует никаких тотальных решений. Нельзя облагодетельствовать всех детей, можно облагодетельствовать Петю Иванова. И только при одном условии: если он сам того пожелает. Но это всегда вопрос нашего профессионализма и его ресурса.

Просто я предлагаю, чтобы государство не мешало творчеству. Само по себе государство на творчество не способно в принципе. Но государство или мешает творческому началу, или создаются определенные механизмы (пример – наш учебник), при которых государство начинает финансировать общественную инициативу. Потому что это технология, а государство может воспринять только технологию.

Скажем, у меня есть свои собственные ресурсы, свое понимание и стремление реформировать изнутри ту часть медицины, которая называется наркологией. Это получается с большим трудом, потому что систему реформировать всегда сложнее, нежели предоставить человеку реализоваться вне системы. Но если рассматривать все общество как ведомство, тогда все – сливай воду! Впрочем, это не что иное, как тоталитарное мышление. Если же верить в то, что общество в целом не есть ведомство, где есть начальник, ценные указания и т.д., но некое сообщество людей, которые свободно делегировали часть своих

прав государству, если поверить в эту идеальную картину, то вы начинаете автоматически разрабатывать технологии восприятия творческого начала как элемента построения социальной политики. И это происходит сейчас на наших глазах, слепой только может не увидеть. 30% бюджета города Перми тратится сегодня через социальный заказ. Мы сами, мучительно и напряженно, разрабатывали эту концепцию социального заказа, когда через конкурсный механизм финансируются общественные инициативы, а не даются деньги ведомству.

Значит, у нас должно быть две веры. Первая – вера в творческое начало людей, которые в нашей стране живут, и вторая – что мы эволюционируем позитивно. Главным врагом того, что я делаю, является тоталитарное мышление. Причем не абстрактно тоталитарное, а то, которое реализуется через определенные государственные механизмы. Можно ли с ним бороться? Можно. Да, старая система продолжала и продолжает существовать – у нас по-прежнему монополия на социальную сферу со стороны государства. Сегодня мы еще далеки от преодоления этой монополии: просто перераспределяются денежные потоки.

В 1992 году я открыл первый в Москве приют. Даже слова «приют» тогда не было, была только интернатная система. Вначале было очень тяжело. В тюрьму меня попытались посадить, дело завели. И, вообще, было непонятно, что это я занимаюсь – может, педофил... Были у меня и внутренние враги, и внешние. Но, в конечном счете, дело было в моем собственном ресурсе и способности выживания. Я хорошо выживаю в экстремальных ситуациях. Это была экстремальная ситуация, и я в ней выжил. Приют функционирует, о нем есть книжка. Через приют «Дорога к дому» прошло полторы тысячи детей.

Придумывая этот приют, я сам писал нормы и стандарты, санитарные нормы и т.д. Меня же пытались обвинить в том, что я нарушаю законы. Но я доказал, что я занимаюсь не противозаконной, а *беззаконной* деятельностью, то есть деятельностью, не регламентированной законом, и просто нужны новые нормы. Сейчас это очень достойное заведение, которое в 2000 году посетила принцесса Анна. Все замечательно... Но этот проект сегодня мне неинтересен, потому что он состоялся.

Кстати, эта история – как раз технологический пример изменения ментальности. Была придумана технология, при которой инертная чиновничья ментальность прошла (правда, за 10 лет) путь от полного отрицания и прессинга до того, что приют стал нормой бюрократического мышления. Теперь не иметь приюты – неприлично. Их наплодили в городе. Что за приюты – это уже другой вопрос, признаюсь, не те, что я имел в виду...

К дискуссии о восстановительном правосудии

Изучение иностранного опыта в области восстановительного правосудия всегда вызывает в России некоторое удивление. И это удивление – результат простого факта: мы пока не продвинулись на пути подобных форм правосудия, являющихся, может быть, одним из последних достижений, развивающих демократические гуманитарные ценности и процедуры. Формы восстановительного правосудия сегодня демонстрируют свою высокую социальную полезность, например, в Великобритании, Австралии, Канаде, Новой Зеландии.

Чтобы понять перспективы восстановительного правосудия в России, необходимо дать исходную обобщенную характеристику теоретических и практических позиций, позволяющих объяснить как нынешнее состояние дел, так и пути возможного развития у нас такого социально-правового и институционального явления, которое называется восстановительным правосудием и которое можно рассматривать в качестве продолжения уже давно пройденного многими странами этапа развития ювенальной юстиции.

Здесь представляется важным выделить три уровня. Это, условно говоря, уровень философский, уровень институциональный и уровень процедурный (процессуальный).

Говоря о философии вопроса, следует начать с общей проблемы: как ощущает себя личность в российском обществе? Государства, которые в своем прошлом имеют такие «родимые пятна», как тоталитаризм, должны отчетливо осознавать и решать именно проблему статуса личности. Есть такой ключ во всех правовых системах: реально признаваемый статус личности определяет возможность или невозмож-

ность тоталитарного образа действий власти внутри общества. Необходимо принять в качестве образа действия, а не только образа мысли, что личность не может рассматриваться государством как объект его деятельности, а должна рассматриваться как равноправный субъект. Не должно быть так, что над человеком, над сообществом граждан есть некто, кто определяет судьбу всех, жизнь всех и все вокруг. В демократическом обществе действует система взаимоотношений равноправных договаривающихся сторон.

Но ведь это именно то, что составляет основу восстановительного правосудия. При этом в нем культивируется – в отличие от обычно возлагаемой на человека за правонарушение пассивной ответственности – активная ответственность, что есть не просто претерпевание за правонарушение каких-либо неблагоприятных последствий, но активное участие правонарушителя в восстановлении нарушенного правового мира.

Конечно, возникает вопрос: можно ли рассматривать личность правонарушителя как такую, к которой обращено требование уважения человеческого достоинства? Да, безусловно можно и нужно, если ставится цель побудить того, кто нарушил запреты, начать действовать, исходя из интересов восстановления нарушенного общественного блага. Иначе это не может быть обеспечено, иначе будут множиться правонарушители и правонарушения. Ориентация на уважение достоинства и права личности вместо одного только исполнения публичной властью чисто карательной функции, связана с изменением ценностных ориентаций общества и личности.

В российском праве и практике пока нет осознания идеи защиты прав и интересов личности, то есть частного начала как основного содержания публичного интереса и цели публичной власти. Кажется, что власть противостоит человеку, а не служит ему. Особенно в ситуациях совершения правонарушений, рассматриваемых как конфликт между личностью и публичной властью. Однако публичная власть выполняет не только задачу преследования, но и задачу предотвращения правонарушений, хотя признание этой последней задачи пока не рождает идею ответственного и последовательного преобразования тех общественных условий, которые провоцируют нарушение установленных запретов.

Второе, на что требуется обратить внимание, – это современное состояние судебной системы, системы правосудия. Сказать, что оно плохое – это ничего не сказать. Если исходить из статистической ее картины, то имеющийся в ней потенциал – кадровый, интеллектуальный, гуманистический, мировоззренческий, организационно-материальный и, может быть, в последнюю очередь также и правовой – не

позволяет ожидать от нее ни подлинно справедливых процедур, ни действительно эффективной защиты как для пострадавших, так и для правонарушителей. Тем более нереалистично рассчитывать на социально необходимый позитивный результат в обычных процедурах при привлечении к ответственности несовершеннолетних правонарушителей. Слишком затратно выстраивать с ними отвечающие высоким социальным потребностям взаимоотношения... Поэтому так важно попытаться передать эти категории дел для рассмотрения ювенальным судам, выделив их из общего потока. Тогда можно создать условия и для несовершеннолетних, и для судей, чтобы правильно оценить произошедшее, найти адекватные формы воздействия и восстановления не только нарушенного права, но и искаженной картины миропонимания, осознать взаимную ответственность общества и личности. Именно эти процессы активизируются в восстановительном правосудии.

Развитие же ювенальной юстиции, обеспечивая более широкое участие представителей общества – профессионалов и должностных лиц, реализующих политику в области охраны семьи, молодежи, образования и воспитания, здравоохранения, а также предъявляя более высокие нравственные и процессуальные требования к судьям, само могло бы послужить преобразованию правосудия в целом. Более наглядным в этом случае стало бы и значение такой системы, как восстановительное правосудие – его элементы объективно необходимы и в ювенальных судах при разрешении конфликта между несовершеннолетним правонарушителем и социальной средой. Этот путь, который прошли многие страны, более чем актуален для России.

Связь восстановительного правосудия с действующей системой судопроизводства, их взаимопроникновение как раз и есть тот институциональный уровень, не осмыслив который невозможно решить проблему внедрения альтернативных форм правосудия.

Наконец, третий, не последний, однако, по своему теоретическому и практическому значению уровень необходимого анализа, названный выше процедурным (процессуальным), связан с принципами судопроизводства, которые провозглашены в качестве наиболее общих и которые в литературе, посвященной альтернативным формам правосудия, рассматриваются как препятствующие их внедрению.

Есть несколько правовых идей, место и значение которых необходимо точно оценивать, когда предлагается внедрение альтернативного, в частности восстановительного, правосудия. Многие нынешние противники этой формы исходят из того, что она влечет нарушение общепризнанных правовых принципов. Некоторые из этих принци-

пов сложились уже давно, другие же являются для нас не такими устоявшимися, а только осваиваемыми в процессе демократических реформ, и поэтому воспринимаются как наши достижения последних этапов развития, от которых нельзя отказаться (тем более, когда они конституционно декларированы).

Однако принципы альтернативного правосудия не могут и не должны полностью совпадать с правовыми идеями, реализуемыми в обычном судопроизводстве. Есть правовые принципы, на которых может быть построено только государственное правосудие со своей системой требований, запретов и принуждения. И этим принципам не оказывается места в таких формах правосудия, как восстановительное. Прежде всего к ним относится то, что многими правоведами определяется как принцип законности. Хотя теперь уже не говорят о «социалистической законности», но, по сути, представления о его содержании остаются прежними. Когда в нашей правовой системе идет речь о законности, то имеют в виду просто строгое следование имеющимся нормам закона и вовсе не имеют в виду, что эти законы должны отвечать неким «надзаконным» правовым принципам, включая такой, например, как принцип справедливости. И с таким узким пониманием законности каждый раз будет сталкиваться у нас идея восстановительного правосудия, когда ее попытаются осуществить на практике.

Конечно, речь не идет об отрицании требования законности как установленной формальной меры равенства и справедливости. Просто необходимо идти и дальше: от того, что формально законом признается как общеобязательное, к справедливости содержательной. Законы должны иметь правовое содержание, отвечать общепризнанным гуманитарным, нравственным стандартам. И при этом должны признаваться, в том числе, такие принципы, как уважение достоинства личности, обязательность восстановления нарушенного права, стремление к мирному урегулированию конфликта (если есть для этого определенные предпосылки), недопустимость ненужных несопоставимых ограничений (даже для правонарушителя), приоритет задач ресоциализации перед чисто карательной, по сути, «мстительной» направленностью применяемых в таких случаях мер. Это нельзя рассматривать как отступление от требований законности, что вытекает и из действующего регулирования, также ориентирующего нас на необходимость отказа от уголовного преследования, если социально одобряемые цели в ситуациях преодоления возникшего конфликта между обществом и личностью могут быть достигнуты более эффективно без использования карательного механизма.

Стремление подключить к нашей государственной практической юстиции элементы восстановительного правосудия, которые могут использоваться на самых первых этапах уголовного процесса и помогают обойтись без репрессивного механизма государственной юстиции, вызывает, однако, и другие вопросы. Восстановительное правосудие невозможно без осуществления целой системы гуманистических мероприятий по отношению к правонарушителю – с участием психологов, педагогов и других специалистов. Однако в этот момент лицо, которому эти меры адресованы, никем еще виновным не признано. Вправе ли государство допускать такие меры и исходить тем самым из молчаливого признания его виновности вместо того, чтобы исполнять свою публичную обязанность и собирать доказательства, на основе которых только и можно отвергнуть презумпцию невиновности данного лица? При этом восстановительное правосудие предполагает, что на этого субъекта будут возложены какие-то обязанности, по сути санкции (какими бы мягкими они ни были).

Рассуждая по поводу презумпции невиновности, можно сказать так: «Государство, которое обязано опровергать презумпцию невиновности по отношению к какому-то лицу, чтобы подвергнуть его мерам государственного принуждения, в данном случае отказывается от этих своих правомочий, давая обществу шанс обойтись иными средствами». Неверно утверждать, что при этом государство исходит из виновности лица. Да, процедуры восстановительного правосудия ориентированы на осознание вины. Но это не должно связываться с нашим понятием «виновности», поскольку виновность – это то, что обнаруживается в результате опровержения государством презумпции невиновности по отношению к лицу, являющемуся в конкретных обстоятельствах правонарушителем. Доказанная виновность – основание для государственного принуждения, но не для улаживания конфликта на основе достигнутого согласия. Лицо может признать свою вину и необходимость возмещения причиненного им вреда независимо от того, будет ли государство доказывать его виновность. В этом случае стыд и раскаяние могут иметь место и без помощи официального уголовного преследования.

Действующий сегодня уголовный и уголовно-процессуальный закон позволяет освобождать от уголовной ответственности до передачи дела в суд. Тем самым он как раз закрепляет право государства в установленных законом случаях отказаться от уголовного преследования. Собственно, условия такого отказа практически совпадают с теми, которые позволяют обычно прибегнуть к средствам восстановительного правосудия: раскаяние, возмещение вреда, признание возможно-

сти исправить ситуацию возникшего правового конфликта средствами общественного воздействия и общественной поддержки. То, что закон признает в определенных случаях возможность отказа государства от его обязанности опровергать презумпцию невиновности, было признано не противоречащим конституционным принципам в постановлении Конституционного суда РФ от 28 октября 1996 года (в связи с регламентацией освобождения лица до суда от уголовной ответственности и наказания – без судебной процедуры его реабилитации, но при условии, что лицо не возражает против этого и что ему предоставляется право требовать признания его виновности или невиновности по суду).

Обе эти процессуальные предпосылки налицо, когда речь идет о восстановительном правосудии. Вопрос же о том, возможно ли допустить отказ государства от опровержения презумпции невиновности по более широкому кругу дел, чем предусмотрено действующим законом, должен решаться законодателем, исходя из общественных потребностей, в том числе с учетом требований социальной адаптации правонарушителя, экономии уголовной репрессии и эффективности социального контроля за правонарушениями.

Еще одна проблема для нас труднопреодолима, когда речь идет об отказе от уголовного преследования. Английским коллегам, работающим в восстановительном правосудии, нередко задают вопрос о том, как же реализуется в нем идея защиты прав потерпевшего? И они отвечают, что это лучший способ защиты потерпевшего. В российском судопроизводстве да и в общественном мнении подход к этому совсем другой: «если государство освобождает человека от форм государственного принуждения, то тем самым ущемляются права жертвы». И пока не удастся поменять эту позицию, будут существовать большие трудности на пути к восстановительной юстиции.

Вопрос о правах потерпевшего очень не прост во всех процессах по уголовным делам, не только в процессах по делам несовершеннолетних. До сих пор в России подход к восстановлению прав потерпевших не отвечает ни международным стандартам их защиты, ни реальным потребностям в этой области. Считается, что права потерпевшего восстанавливаются в должной степени тогда, когда ему предоставлены широкие процессуальные возможности как лицу, выступающему на стороне обвинения: он вправе доказывать виновность обвиняемого, требовать строгого наказания, с этой же целью обжаловать судебные решения. И при этом не обращается должное внимание на то, чтобы реально, максимально был восстановлен нарушенный интерес потерпевшего. Представляется, что государство согласно конституционным предписаниям должно обеспе-

чивать потерпевшему не только доступ к суду, но и восстановление его прав независимо от того, найден ли их нарушитель. Права потерпевшего не могут быть защищены с помощью простого правила «око за око». Этот старый принцип ничему не учит кроме агрессии и никому не помогает – он не обеспечивает ни объективного обвинения, ни реальной поддержки жертве преступления. Восстановительное правосудие здесь демонстрирует большую эффективность.

В то же время в связи с чисто правовыми задачами, которые должны решаться с помощью этой альтернативной формы правосудия, следует говорить, например, о принципе состязательности. Недостатки в его реализации очень ярко проявляются в государственном правосудии. Это одна из причин, требующая дополнительных механизмов внедрения состязательности. К ним относится и восстановительная юстиция.

Какие выводы в этой связи актуальны для российской юстиции?

Восстановительная юстиция не может появиться у нас просто снизу. Она не пробьется, если не обеспечить ей поддержку сверху – но не в виде спонсоров или просто доброжелательного отношения властей, а в институциональном отношении. Развитие восстановительного правосудия в России может получить необходимую основу и поддержку благодаря развитию системы ювенальной юстиции. Мы нуждаемся в таких институтах, как ювенальная юстиция, в том числе для того, чтобы она, развивая современные идеи справедливого правосудия, использовала и опыт восстановительного правосудия. Ювенальные суды уже смогли бы востребовать общественную активность и весь потенциал, который связан с привлечением к деятельности судов специалистов в области педагогики и психологии несовершеннолетних, в области социальной работы с ними, все инфраструктуры, которые должны быть задействованы для того, чтобы помочь человеку вернуться в семью, в общество, справиться с проблемами образования, начать социально полезную трудовую и общественную деятельность.

К сожалению, правовая культура еще не является у нас таким мощным фактором, как в Великобритании, где восстановительное правосудие принято и властью, и гражданским обществом. Именно поэтому для его развития в России нужна институциональная поддержка. Нам нужны ювенальные суды, в том числе и как экспериментальное поле для внедрения технологий восстановительного правосудия. Однако я хотела бы обратить внимание инициаторов и энтузиастов восстановительного правосудия на один момент. Если в России начать говорить о восстановительном правосудии как замене общего правосудия, то идея понесет больше потерь, чем получит поддержки. И тактически, и стра-

тегически, исходя, в том числе из трудности изменения правовых представлений, необходимо готовить и создавать институции, которые могли бы развивать ювенальную юстицию в широком смысле слова, как включающую и организационные структуры, способные решать проблемы несовершеннолетних за пределами судебных учреждений. Проект закона «Об основах системы ювенальной юстиции», который сейчас предлагается рассмотреть в Государственной Думе, например, предполагает создание не только ювенальных судов, но и других ювенальных структур (включая и государственные, и общественные), которые на местном уровне могли бы сотрудничать с государственным судом по делам несовершеннолетних и образовали бы как раз ту институциональную базу юстиции по делам несовершеннолетних, которая намного шире государственного правосудия.

Уже одно появление такого проекта свидетельствует о том, что в обществе вызревает идея необходимости комплекса мер в сфере ювенального социального контроля. В Государственной Думе предлагается рассмотреть названный проект наряду с представленным во втором чтении проектом закона о внесении изменений в Федеральный Конституционный закон о судебной системе в РФ, которым предусматривается учреждение ювенальных судов. Принятие этих изменений практически не требует материальных затрат. Они только должны подтвердить возможность иметь особые подразделения судов, рассматривающие дела о правонарушениях и других связанных с несовершеннолетними спорах в системе судов общей юрисдикции. В развитие этого разрабатывается отдельный проект о ювенальных судах, который предполагает создание ювенальных судов на трех уровнях – внутри системы судов общей юрисдикции: в качестве судов первой инстанции имеется в виду окружной суд (в федеральном округе или районе); на уровне высших судов субъектов федерации должны создаваться ювенальные коллегии – то есть коллегии по делам несовершеннолетних в областных, краевых судах и верховных судах республик в качестве второй инстанции; и на третьем уровне – в Верховном суде – должна тоже существовать коллегия по делам несовершеннолетних в качестве кассационной и надзорной инстанции. Финансовая составляющая этой законотворческой деятельности, связанная с организацией инстанционного движения дел снизу вверх, является более затратной. Есть и еще более сложный в этом отношении документ – названный выше проект федерального закона «Об основах системы ювенальной юстиции» – именно этот проект планирует, что ювенальные суды в области уголовного судопроизводства должны стать центром рабо-

ты с несовершеннолетними, который будет использовать все возможности инфраструктуры на местах и будет опираться, собственно, на специалистов, занимающихся в том числе и восстановительным правосудием. Конечно, это требует и финансирования обучения людей, чтобы они могли успешно заниматься такой работой.

Важна еще одна идея, которую, мне кажется, надо всячески культивировать и поддерживать тем силам, которые отстаивают у нас идеи восстановительного правосудия. В области государственного правосудия по делам несовершеннолетних необходимо расширять процессуальные функции специалистов и представителей общественности. Это выражается (и должно выражаться) во всех судебных инстанциях по-разному. У нас есть особая процедура рассмотрения уголовных дел несовершеннолетних в судах, и там дозволительно привлекать к участию в процессе различных специалистов с тем, чтобы суду было легче оценить поведение такого правонарушителя с разных точек зрения, обеспечить лучший контакт с ним. В судах общей юрисдикции можно использовать такую процессуальную фигуру специалиста. Но надо, очевидно, начинать с более ранних этапов судебного процесса. Определенного процессуального закрепления требует положение такого специалиста в отношении несовершеннолетних (будь это социальный работник, или психолог, или педагог, это может быть специалист, являющийся носителем этих знаний в комплексе) и на досудебных стадиях производства по уголовному делу. Необходимо усиление процессуального оформления общественной заинтересованности по делам несовершеннолетних и на более высоких уровнях судебной системы, чтобы представителям общественности (это, например, может быть уполномоченный по правам ребенка или уполномоченный по правам человека) были даны особые функции, которые позволяли бы им обращаться с соответствующими жалобами, заявлениями, ходатайствами в пользу несовершеннолетних в отношении уже состоявшихся судебных решений, если такое уполномоченное лицо спорит с их справедливостью, обоснованностью или законностью. Уполномоченный по правам человека обладает такими процессуальными возможностями в институтах пересмотра судебных решений по всем делам, где он может поставить вопрос о нарушении прав, но практически это правомочие не востребовано. И суды, с одной стороны, и уполномоченный, с другой, ждут, когда такие процессуальные правомочия будут закреплены не в законе об уполномоченном по правам человека, а в Уголовно-процессуальном и Гражданском процессуальном кодексах. Учитывая такие тенденции практики, надо уже сейчас думать над расшире-

нием по делам несовершеннолетних процессуальных полномочий, предоставляемых тем лицам, которые должны защищать права подростков, в том числе и в уголовном судопроизводстве, исходя из того, что они отвечают за состояние защиты прав детей и молодежи, и, обеспечивая их поддержку в конкретных судебных делах, тем самым действуют также в публичных интересах.

То, как сейчас мыслится ювенальная юстиция, предполагает ее более широкое понимание, не ограничивающееся только судами по делам несовершеннолетних, а позволяющее объединить вокруг них – и, прежде всего на низшем уровне организации судебных учреждений, наиболее приближенных к населению, – разного рода общественные структуры, без содействия которых не могут быть решены проблемы социального контроля применительно к уголовным правонарушениям несовершеннолетних. Это должно также дать импульс внедрению в этой сфере восстановительных процедур. Развитие социальных структур совершенно необходимо и в области других правовых конфликтов, включая административные, экономические, а также другие гражданско-правовые споры.

Людмила Карнозова

К модели восстановительной ювенальной юстиции

Восстановительное правосудие и ювенальная юстиция

Восстановительный подход к реагированию на преступления в своем сегодняшнем виде пришел к нам из-за рубежа. И хотя быстрое и повсеместное его распространение в мире можно объяснить тем обстоятельством, что в его ядре лежат глубинные архетипы миротворчества, характерные для всех народов («худой мир лучше доброй ссоры»), базовые модели, которые служат прототипами применяемых нами программ, сложились в Канаде и США (программы примирения правонарушителя и жертвы) и Новой Зеландии (семейные конференции).

Основной областью применения восстановительного подхода стало *правосудие по делам несовершеннолетних*. На Западе эта область отделена от общеуголовной и оформилась в форме *ювенальной юстиции* как специфического вида судопроизводства и социальной практики со своими ориентирами, целями, принципами и технологиями, которые при всем разнообразии национальных систем ювенальной юстиции являются достаточно общими. Как правовой институт ювенальная юстиция основана на философии возрастной защиты¹, ее целевая установка в отношении правонарушителя состоит не в наказании, а в достижении *благополучия* ребенка (Конвенция ООН о правах ребенка, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские пра-

Л. Карнозова – кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, член коллегии Центра «Судебно-правовая реформа».

¹ В краткой форме этот принцип выражен в Международном пакте о гражданских и политических правах: «В отношении несовершеннолетних процесс должен быть таков, чтобы учитывались их возраст и желательность содействия их перевоспитанию» (п. 4 ст. 14) // Международные нормы о правах человека и применение их судами Российской Федерации. М., 1996. С. 247.

вила) и пр.) К числу основных принципов ювенальной юстиции относятся ее преимущественно *охранительная направленность* (ориентация в первую очередь на защиту прав ребенка) и *индивидуализация обращения*. Перечисленные ориентиры не могут быть воплощены исключительно в рамках юридической системы, и лишь с опорой на гуманитарные структуры, специализирующиеся на работе с детьми, достигаются поставленные цели. Это обстоятельство получило закрепление в виде еще одного принципа ювенальной юстиции – *социальной насыщенности*, указывающего на необходимость взаимодействия судов по делам несовершеннолетних с органами социальной защиты, социально-реабилитационными и медицинскими учреждениями, психотерапевтическими программами и т.п.²

В 60–70-х годах XX века в связи с ростом детской преступности в мире заговорили о кризисе ювенальной юстиции. Ее исходная модель строилась на представлении о том, что преступление, совершенное несовершеннолетним, есть симптом его неблагополучия – социального, психического и т.п.; следовательно, ребенку надо помочь. Отсюда классическая модель ювенальной юстиции – *реабилитация вместо наказания*, или *индивидуализация обращения*. (Несмотря на тождество значений слов «реабилитация» и «восстановление», речь идет, как мы увидим дальше, о *разных парадигмах* ювенальной юстиции – «реабилитационной» и «восстановительной», поскольку в их основе лежат разные принципы.) Классическая реабилитационная парадигма строилась *вне принципа ответственности*: во главу угла ставилось именно *благополучие* ребенка, а потому ответ на преступление состоял в выявлении и решении его проблем, но игнорировал факт причинения вреда жертве и обществу. И нарушитель оказывался в пассивной роли потребителя услуг.

Однако рост детской преступности сигнализировал о том, что модель неэффективна. Естественной реакцией стала ориентация на наказание, заимствованная из уголовного правосудия для взрослых. Карательная ориентация стала фактически разрушать ювенальную юстицию.

Восстановительное правосудие дает свой ответ на ограниченность каждой из этих парадигм – реабилитационной и карательной. Оно осуществило принципиальный поворот в «детском» правосудии, введя принцип *ответственности*, тем самым, как показывает Г. Бэйзмор, задав

² Подробнее см.: Мельникова Э.Б. Ювенальная юстиция. Проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. М., 2000.

новую парадигму ювенальной юстиции³. Оно вернуло детскому правосудию вопрос об ответственности, хотя содержание этого понятия меняется радикально: это не уголовно-правовая ответственность, где правонарушитель оказывается *объектом* претерпевания государственного принуждения. В концепции восстановительного правосудия правонарушитель рассматривается как *субъект*, способный и обязанный держать ответ за последствия своих действий. Однако – как и в целом в ювенальной юстиции – здесь учитываются особенности детского возраста.

Зависимость программ восстановительного правосудия от субъекта правонарушения

Формирование внутренних условий ответственного поведения входит составной частью в процесс развития и взросления. Иными словами, появление ответственности как механизма саморегуляции поведения и является одним из ключевых векторов возрастного развития. Отличие ребенка от взрослого определяется, в частности, степенью сформированности этого механизма. *Восстановительная ювенальная юстиция*, выдвигая на первый план необходимость осознания нарушителем негативных последствий совершенного им преступления и реального заглаживания причиненного им вреда, не «забыла» об этой особенности детского и подросткового возраста, но сама работа с подростком при этом фокусируется на интенсификации процесса формирования ответственного поведения. Ведь совершение противоправного деяния указывает, в частности, на этот дефект его социализации.

Восстановительные программы с несовершеннолетними нарушителями учитывают знания о психологических механизмах детского развития, и на этой основе выстраивается сотрудничество взрослых с ребенком. Важнейшей фигурой в программах восстановительного правосудия для несовершеннолетних становится не только ведущий программ (нейтральный посредник, медиатор), но и социальный работник, непосредственно работающий с правонарушителем. Значительная роль отводится семье (или другим значимым взрослым). Здесь следует сказать о *коллективно распределенной ответственности* – часть ее принимает на себя семья, ближайшее окружение, социальные службы. Но принципиальное отличие от «реабилитационной» парадигмы состоит в том, что нарушитель не становится *пассивным потребителем услуг* по решению его про-

³ Бэйзмор Г. Три парадигмы ювенальной юстиции // Правосудие по делам несовершеннолетних. Перспективы развития. Вып. 1. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1999. С. 67–99.

блем, он – активный ответчик, заглаживающий нанесенный им вред, а взрослые оказывают ему *помощь и поддержку*. Восстановительное правосудие «входит» в ювенальную юстицию с уже существующей социально-реабилитационной инфраструктурой, не отменяя ее, но привнося новые принципы и цели, в первую очередь: исцеление жертвы и обязательство правонарушителя по заглаживанию вреда.

В мировой практике восстановительный подход, как ценностно-предпочтительный и прагматически целесообразный, распространяется и на общеуголовное правосудие для взрослых. В первую очередь это касается корыстных преступлений и всех тех, где заглаживание вреда потерпевшему приносит больше пользы (и жертве, и обществу), чем наказание преступника.

В случае *взрослых правонарушителей* можно говорить – в отличие от ювенальной юстиции – о непосредственном «внедрении» восстановительных программ в уголовный процесс. Правда, с учетом наличия служб пробации, большой сети психологических программ здесь тоже следует иметь в виду гуманитарную инфраструктуру западной уголовной юстиции. Но сами программы восстановительного правосудия опираются прежде всего на наличие взрослого субъекта и в принципе могут обходиться без дополнительных фигур, разделяющих ответственность нарушителя. У взрослого человека механизм ответственности предполагается сформированным.

Интересен в этом плане опыт Новой Зеландии. Здесь восстановительное правосудие для несовершеннолетних реализуется в форме *семейных конференций*, участие в которых непременно принимает семья совершившего преступление подростка, причем не только нуклеарная семья, но и близкие родственники, пользующиеся авторитетом. За ребенка отвечает семья – в этом его принципиальное отличие от взрослого. После доклада полицейского, где говорится о предъявленном обвинении, и заслушивания жертвы семья удаляется в отдельное помещение и самостоятельно (вместе с юным нарушителем) вырабатывает предложения по заглаживанию вреда и реабилитационным мерам. Семья принимает на себя обеспечение реализации плана, выполнить который предстоит подростку. Все это выносится на общее обсуждение. Итоговые решения принимаются консенсусом всеми участниками. В семейной конференции наиболее отчетливо реализован механизм «коллективно распределенной» ответственности. Семейные конференции в Новой Зеландии – это основной правовой ответ на правонарушения несовершеннолетних, сюда поступают дела по всем

преступлениям молодых людей (если правонарушитель признает вину), за исключением убийств. Основные идеи детского правосудия – активная ответственность подростка, поддержка семьи и сообщества, уход от стигматизации и забота о будущем (как только план, выработанный на семейной конференции, выполнен, что официально удостоверяется в молодежном суде, все данные о правонарушителе удаляются из базы данных компьютера). В Новой Зеландии различаются *семейные конференции* и *восстановительное правосудие (медиация лицом к лицу)*, – последний термин применяется только в отношении взрослых правонарушителей.

Обсуждаемое отличие ответственности взрослого и ребенка в большей степени характерно для современного общества западного типа. До сих пор сохранились культуры с преобладанием общинного типа социальности, где община (сообщество) разделяет ответственность своих членов. В этих условиях и в основе процедур восстановительного правосудия лежат традиционные коллективные способы обсуждения проблем и принятия решений. Сюда относятся общинные конференции (Австралия) и круги правосудия (традиция индейцев Северной Америки), применяемые и для взрослых нарушителей. Коллективные способы используются также для разрешения, например, корпоративных конфликтов и нарушений⁴.

Начало

С недавнего времени в России стали проводиться, хотя и в весьма ограниченном масштабе, программы восстановительного правосудия по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Конечно, и здесь восстановительная переориентация уголовного судопроизводства происходит не так уж гладко и быстро, но все же – по крайней мере идеологически – это область наиболее благоприятного отношения к восстановительным идеям и новой практике. Так что правосудие по делам несовершеннолетних – единственная область в российском уголовном судопроизводстве, где проводятся программы восстановительного правосудия (программы примирения правонарушителя и потерпевшего, или, как сейчас мы предпочитаем их называть, программы по заглаживанию вреда). Происходит это в экспериментальном режиме – поэтому мы пока не вправе говорить о некой «практике». Но пилотные проекты дали положительные результаты (Москва, Дзер-

⁴ *Брэйтуэйт Дж.* Доклад на 2-й международной конференции по восстановительному правосудию. Москва, 2004. Архив Центра «Судебно-правовая реформа».

жинск Нижегородской области, Тюмень, Урай) и поставили на повестку дня вопросы формирования отечественных моделей.

Первые программы примирения правонарушителя и жертвы в России стали проводиться Общественным центром «Судебно-правовая реформа» в конце 90-х годов. За это время Центром подготовлено несколько региональных групп, способных осуществлять такую работу.

Существенное наше отличие от прототипа состоит в том, что в России сегодня нет автономной системы ювенальной юстиции. Тем не менее российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, хотя и относит производство по делам несовершеннолетних к общей системе уголовного судопроизводства, ориентированного на наказание, содержит ряд норм, обусловленных особенностями детского возраста и определяющих как специфические санкции, так и особые черты рассмотрения уголовных дел в отношении несовершеннолетних.

В конце 90-х годов в России началось движение за ювенальную юстицию, появились эксперименты в области правосудия для несовершеннолетних. Центрами инноваций оказались суды (Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Саратов). Сегодня география экспериментов значительно расширена: Ингушетия, Кабардино-Балкария, Волгоград, ряд городов Сибири. Главной здесь стала фигура социального работника при судье, рассматривающем дела в отношении несовершеннолетних. Социальный работник оказался реальным помощником судьи: он исследует социальную ситуацию и особенности личности правонарушителя, а также вырабатывает индивидуальные программы реабилитации⁵. Фигура социального работника символизировала поворот к ювенальной юстиции, гуманитарный поворот от главенства репрессии к главенству социально-реабилитационного подхода. Эксперименты оказались эффективными, и в последнее время необходимость ювенальной юстиции поддержана Верховным судом и Президентом РФ.

⁵ Отечественным законодательством предусмотрено выявление условий жизни и воспитания несовершеннолетнего обвиняемого, изучение особенностей его личности, факторов, способствовавших совершению преступления. В УПК РФ эти действия перечислены, но не указано, кто должен их осуществлять. Фактически социальный работник занял это как бы предусмотренное для него место. Уголовный кодекс РФ предусматривает в качестве санкций в отношении подростков не только наказания, но и принудительные меры воспитательного воздействия (правда, применялись они до последнего времени крайне редко). Так что исследование личности и социальной ситуации несовершеннолетнего вполне может ориентироваться на выработку соответствующих мер некарательного характера. Эти (отдельно взятые) нормы соответствуют международным стандартам правосудия в отношении несовершеннолетних, и в них содержится юридический ресурс для экспериментирования.

Российские эксперименты по ювенальной юстиции стали тем фоном, на котором в 1999 году началось взаимодействие Общественного центра «Судебно-правовая реформа» с Черемушкинским районным судом г. Москвы и Российским благотворительным фондом «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН). До этого (с 1997 года) сотрудники Центра проводили программы примирения правонарушителя и потерпевшего, получая информацию о тех или иных случаях из Таганской межрайонной прокуратуры г. Москвы; однако с уходом ключевых должностных лиц на другую работу взаимодействие с прокуратурой прекратилось. У Центра появился опыт в проведении программ, однако о выстраивании модели говорить пока не приходилось.

Поскольку к моменту начала сотрудничества с судом не было никакой социально-реабилитационной инфраструктуры (с несовершеннолетними обвиняемыми и подсудимыми работали только карательные органы), нам пришлось *одновременно решать две задачи*. Во-первых – в духе уже начавшихся экспериментов, – введение фигуры социального работника, собирающего для суда информацию о юном правонарушителе и разрабатывающего для него программы реабилитации. И, во-вторых, – проведение программ восстановительного правосудия. Социальный работник и ведущий программ восстановительного правосудия – принципиально разные позиции. «Клиентом» социального работника является несовершеннолетний правонарушитель, ведущий же как нейтральный посредник работает и с нарушителями, и с потерпевшими (и детьми, и взрослыми).

«Суд – социальная работа – программа по заглаживанию вреда» – таково ядро нашей рабочей модели.

Юридические последствия программ по заглаживанию вреда и социальной работы

Работая с подростками, попавшими в орбиту уголовного процесса, мы стремимся к тому, чтобы в судебной практике стала возможной реализация восстановительного способа реагирования на преступления. Причем для этого мы можем опираться исключительно на действующее законодательство – такую его интерпретацию, которая позволила бы в существующую практику ввести новые элементы.

В юридическом отношении задача состояла в том, чтобы сочленив работу новых участников с уголовным процессом таким образом, чтобы, с одной стороны, не нарушить действующий закон (в противном случае наша деятельность будет признана незаконной), с другой – сохранить существо самой инновации. Такой путь становится возможным благодаря высшей юридической силе и прямому действию на всей территории страны

Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью нашей правовой системы. Международные принципы правосудия в отношении несовершеннолетних и тенденции развития ювенальной юстиции в мире и стали опорой для нововведений в этой области. Идеология для реализации международных стандартов в отношении несовершеннолетних задана принятым 24 июля 1998 года Федеральным законом «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» (№ 124-ФЗ). Этим Законом введены понятия и принципы, доселе отсутствовавшие в нашем законодательстве, но ключевые для ювенальной юстиции: социальная реабилитация ребенка, специализация правоприменительных процедур с участием ребенка, приоритет его личного и социального благополучия, необходимость следования принципам международного права при решении вопроса о наказании несовершеннолетних, совершивших правонарушения. Этим же духом пронизано Постановление № 7 пленума Верховного суда РФ от 14 февраля 2000 года «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних». Однако законы, непосредственно регламентирующие рассмотрение уголовных дел в отношении несовершеннолетних, не приведены в соответствие с этими положениями. Поэтому – до принятия специального законодательства – остается задача вписывания новых элементов в поле действующих правовых норм.

Программы по заглаживанию вреда могут повлечь юридические последствия в связи с тем, что в общем случае на решение суда влияют не только характер и тяжесть совершенного деяния, но и иные факторы: посткриминальное поведение виновного, характеристики его личности и возраст. Такое влияние обеспечено тем, что относительно каждого преступления Уголовный кодекс предусматривает набор возможных решений – от менее репрессивных (в пределе – вообще освобождение от уголовной ответственности) к более суровым (в пределе – максимальный срок лишения свободы по данному преступлению).

В российском законодательстве содержатся и нормы, касающиеся непосредственно института примирения: в случае примирения и заглаживания вреда (частный случай посткриминального поведения) уголовное дело в отношении обвиняемого, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести, может быть прекращено (статьи 76 УК РФ, 25 УПК РФ). По остальным категориям преступлений заглаживание вреда рассматривается как *смягчающее обстоятельство* (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Обязательным является прекращение дел за примирением в случаях частного обвинения – тех, что возбуждаются исключительно по инициативе потерпевшего. Все эти нормы

относятся равным образом как к несовершеннолетним, так и к взрослым обвиняемым (подсудимым). *Несовершеннолетие* лица, признанного виновным, вносит ряд дополнительных условий: во-первых, ограничивает верхние пределы санкций при назначении наказания и снижает минимальные пределы, во-вторых, предусматривает специфическую санкцию – применение принудительных мер воспитательного воздействия, в-третьих, само по себе служит смягчающим обстоятельством. Кроме того, при вынесении обвинительного приговора несовершеннолетнему суд обязан рассмотреть возможность наказания, не связанного с лишением свободы.

Почему так важно иметь в виду эти возможности? Восстановительный подход ориентирован отнюдь не на снисхождение к преступникам (и освобождение от ответственности любой ценой), но, напротив, – на подлинную ответственность. Наказание же (в особенности в виде лишения свободы) блокирует этот механизм, поэтому нам так важно знать, каковы законные некарательные последствия социальной работы и программ примирения.

Итак, чтобы восстановительный ответ на преступление состоялся, к моменту принятия судебного решения желательно, чтобы восстановительные программы были проведены, а реабилитационные программы начаты. В этом случае у судьи появляется возможность учесть в своем решении посткриминальное поведение подсудимого, предпринятые им шаги по заглаживанию вреда.

От рабочей к принципиальной модели

Исторически судебная социальная работа на Западе складывалась в рамках *реабилитационной* парадигмы и с этими же ориентирами вводилась в российских экспериментах (ориентация на *благополучие* ребенка). В каком-то смысле логика российских экспериментов стала воспроизводить начальный период истории ювенальной юстиции (первый ювенальный суд появился в Чикаго в 1899 году). В противовес этому московская модель как прообраз *восстановительной ювенальной юстиции* доопределяет и перестраивает социальную работу, а последняя в этом случае становится *необходимым компонентом программы восстановительного правосудия* с несовершеннолетним обвиняемым.

Но точно так же и классическая модель программы восстановительного правосудия (медиация лицом к лицу), как только она попадает в рамку ювенальной юстиции, нуждается в уточнении. Целью классических программ является примирение сторон, в фокусе процесса должны быть отношения правонарушителя и жертвы – вот магистральный путь

восстановительного правосудия⁶. Но давайте посмотрим, как действуют программы восстановительного правосудия в других странах.

В апреле 2003 года мы с коллегами оказались на международной конференции по восстановительному правосудию в Лейстере (Великобритания), и там многие участники обсуждали вопрос о низкой доле участия жертв в программах восстановительного правосудия. Я тогда не совсем понимала даже постановку вопроса, поскольку в моем (и классическом) представлении такая программа предполагает встречу правонарушителя и жертвы, и если жертва не участвует – нет и программы.

Потом мы более подробно изучали ювенальную юстицию Англии и Уэльса, где с 1998 года стали проводиться серьезные реформы, и восстановительные программы стали частью этой системы. В частности, созданы муниципальные структуры по работе с правонарушениями несовершеннолетних, там в одной команде работают специалисты по работе с детьми – представители разных ведомств. Есть здесь и специалисты по восстановительному правосудию, а также волонтеры, которые проводят восстановительные программы. Так, например, в случаях, если несовершеннолетний прежде не был судим и признает свою вину, суд выносит постановление о направлении несовершеннолетнего в эти подразделения для проведения так называемых панельных встреч, где должен быть выработан план по возмещению ущерба и комплексу других мер, направленных на реинтеграцию подростка в социум и решение его проблем (алкоголизм, наркомания и пр.). Ни о какой добровольности участия в подобных мероприятиях речи нет. Встреча проводится независимо от того, участвует ли там жертва. Даже если жертва участвует, вопрос о финансовой компенсации ущерба практически не ставится (так как ущерб обычно покрывается за счет страховки). Под возмещением понимается спектр действий от принесения извинений до общественных работ. Работа выбирается с учетом интересов подростка. Здесь решается важная задача социализации и реинтеграции подростка, включение его в занятия, которые делают его полезным членом общества. Но при чем тут восстановительное правосудие? Мне казалось, что это отклонение в сторону реабилитационной модели, хотя ясно, что здесь сделаны некоторые попытки включить восстановительные элементы.

Ховард Зер еще в 1990 года писал о том, как легко под влиянием разных обстоятельств искажается смысл восстановительного правосудия при реализации концепции на практике.

⁶ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание: Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

Поворотным моментом в понимании масштаба и смысла нашей работы с судом стал вопрос: что делать, если потерпевший отказался от встречи с правонарушителем? Еще несколько лет назад такого вопроса даже не возникало, мы говорили «программа не состоялась». Чтобы было понятным значение появившегося вопроса, кратко поясню порядок нашей работы. Получив в суде информацию о деле, с правонарушителем начинает взаимодействовать социальный работник. Он выясняет, среди прочего, и отношение подростка к совершенному преступлению. И если тот испытывает чувство вины, готов обсудить, как ему загладить вред, причиненный потерпевшему, с ним встречается ведущий (мы придерживаемся принципа добровольности участия в программах). Ведущий проводит одну или несколько встреч с правонарушителем и его родителями, а затем, убедившись в их готовности к встрече с потерпевшим, идет к потерпевшему. Такая последовательность диктуется тем, чтобы не нанести потерпевшему дополнительную психологическую травму: на контакт с ним ведущий выходит тогда, когда он готов сообщить, что нарушитель хочет с ним встретиться и загладить вред. Примирительная встреча, таким образом, проводится после предварительных контактов ведущего со сторонами.

Теперь вернемся к ситуации отказа потерпевшего⁷. Проведя предварительные встречи с юным правонарушителем, ведущий стимулирует процессы осознания последствий совершенного им поступка, готовность встретиться с человеком, которому он принес беду, и деятельно ответить за свой поступок. То есть начинается та работа нарушителя, которую, согласно концепции восстановительного правосудия, он и должен проделывать. Но если потерпевшему от него ничего не надо – начавшийся процесс «зависает».

Тогда мы вновь стали анализировать английский опыт. Наряду с официальными подразделениями по работе с правонарушениями несовершеннолетних там действует и ряд независимых организаций, которые оказывают услуги по медиации, в том числе и по заказу этих подразделений. Мы обратили внимание, что в их «меню» не только программы примирения, но и множество других программ работы, как с нарушителями, так и с жертвами. Есть, к примеру, программы, направленные на осознание правонарушителями последствий преступлений для жертв. Они могут проводиться как при подготовке нарушителя к встрече с жертвой, так и в случаях отказа жертвы.

⁷ Здесь я не имею возможности обсудить весь спектр причин отказа потерпевших. В самом общем виде можно сказать, что поскольку мы начинаем работать, когда дело уже находится в суде, с момента правонарушения проходит довольно много времени (как правило, не меньше полугода). К этому времени для некоторых потерпевших ситуация потеряла актуальность, а часть из них отказывается не от программ как таковых, а вообще не приходит в суд – либо некогда, либо по каким-то причинам не хочется иметь дело с властью.

На семейных конференциях в Новой Зеландии тоже не всегда присутствуют жертвы – тем не менее конференции проводятся независимо от этого. Ведь для жертвы участие добровольно, а нарушитель, согласно закону, должен пройти эту процедуру, чтобы выработать план действий.

Как видим, огосударствление программ восстановительного правосудия приводит действительно к некоторым отклонениям от исходных идеальных представлений, но стоит ли это считать искажением? Здесь важно понять, что работа с несовершеннолетними правонарушителями ведется *в двух рамках – ювенальной юстиции и восстановительного правосудия*. Ничем здесь нельзя пренебречь, но важно понять, на каких целях и установках они смыкаются.

Рамка восстановительного правосудия означает иной, нежели карательный или реабилитационный, ответ на преступление, поскольку иначе рассматривается само понятие преступления. Со стороны правонарушителя имеется в виду его обязанность принять на себя ответственность за содеянное и загладить причиненный вред. На полюсе жертвы – важно исцеление, удовлетворение нужд, порожденных преступлением. На полюсе общества – принятие, помощь, предоставление возможности для активной деятельности. Процедурой, реализующей восстановительный подход, является организация такой встречи сторон (посредничество), где достигаются эти цели.

Для ювенальной юстиции на первом месте – реабилитация нарушителя. Но с точки зрения восстановительного подхода это понятие меняет содержание. Акцент здесь ставится на ресоциализации, на активности и субъектности нарушившего закон подростка, на его собственное решение вопроса «что нужно сделать, чтобы подобное не повторилось» (заметим, что этот вопрос обсуждается и на примирительных встречах, поскольку, как оказалось, его решение реально волнует потерпевших).

Если жертва отказывается от встречи, то ведущий вынужден работать в «усеченной» ситуации. Значит, необходимо переопределение основной задачи ведущего с учетом общих целевых установок восстановительной и ювенальной юстиции. В случае отказа потерпевшего мы можем говорить о *редуцированных* (неполных) программах восстановительного правосудия, но так или иначе для согласившегося участника программа *должна иметь завершенную форму*. Помня о главных целевых установках в отношении правонарушителя – осознание последствий совершенного преступления, обязательство загладить вред и формирование механизма ответственного поведения – следует продолжать работать в ориентации на достижение этих целей.

Осознав это, мы разработали и провели две индивидуальные программы в случаях отказа потерпевших, и работа оказалась довольно успешной. Но пока это было нашим «творчеством» и еще не стало элементом технологии; скорее, благодаря вопросу о работе в случае отказа потерпевших, мы впервые серьезно осознали нетривиальность задачи построения восстановительной ювенальной юстиции.

Восстановительная ювенальная юстиция – это не «сумма» традиционной социальной работы и программ примирения. Формирование такой системы детской юстиции предполагает разработку моделей, набора программ, технологий и правовых условий работы с несовершеннолетним нарушителем и потерпевшим, которые отвечали бы ценностям восстановительного подхода и особенностям детского возраста нарушителя.

Направления расширения рабочей модели

Важно, чтобы из предыдущего рассуждения не было сделано ложного вывода, будто в восстановительной ювенальной юстиции потребности жертв оттесняются на периферию. В таком случае действительно произойдет искажение, принципиально меняющее суть подхода, и мы снова вернемся к процессу, центрированному на правонарушителя. Напротив, фиксация ситуации с низким процентом участия жертв приводит в разных странах к развитию моделей программ восстановительного правосудия, в частности, к введению специалистов по работе с жертвами. Работа такого специалиста на ранних стадиях посткриминального периода помогает жертвам пережить последствия преступления и внимательно отнестись к возможностям программ восстановительного правосудия для решения возникших вследствие преступления проблем. В английских и новозеландских программах, если жертва отказывается от встречи с нарушителем, нередко ее интересы представлены этим специалистом либо родственниками. И перспективы нашей работы мы тоже связываем с привлечением подобного специалиста.

В рамках одной статьи не представляется возможным обсудить все вопросы, связанные с формированием восстановительной ювенальной юстиции, поэтому я лишь намечу те направления развертывания исходной рабочей модели, которые сегодня кажутся очевидными.

Территориальное расширение инфраструктуры помощи подростку-правонарушителю – складывание территориального реабилитационного пространства на базе организаций и учреждений социальной сферы, образования, медицины, психологической помощи, центров по трудоустройству, досуговых и спортивных учреждений. Подключение к взаимо-

действию комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП), подразделений по делам несовершеннолетних в органах МВД РФ (ПДН), уголовно-исполнительных инспекций. Правовым основанием такого взаимодействия служит Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (№ 120-ФЗ), принятый 24 июня 1999 года.

Содержательное расширение спектра программ восстановительно-го правосудия (работа с обвиняемым при отказе потерпевших от участия в программе, введение специалистов по работе с жертвой, налаживание практики семейных конференций).

Формирование инфраструктуры помощи жертвам – установление взаимодействия с психологическими службами и специализированными общественными организациями.

Процессуальное расширение. В перспективе желательно, чтобы социальный работник начинал взаимодействие с обвиняемым сразу после возбуждения уголовного дела. Соответственно и программы по заглаживанию вреда на более ранней стадии стали бы более эффективными и целесообразными как для правонарушителя и потерпевшего, так и для профессиональных участников уголовного судопроизводства.

Другое направление – взаимодействие с мировыми судьями, где с точки зрения юридической есть достаточно большая вероятность мирного разрешения дел.

В течение четырех лет я была координатором по взаимодействию Центра «Судебно-правовая реформа» с Черемушкинским судом. Отсюда и выбранный мною аспект обсуждения – движение Центра от проведения отдельных программ к пониманию необходимости особой *модели восстановительной ювенальной юстиции*. За рамками рассмотрения остались проблемы, связанные с контекстом, – принятие и непринятие восстановительного подхода юридическим сообществом, официальная поддержка и препятствия и пр. Экспериментальный характер работы ставит нас в достаточно уязвимое положение и с точки зрения финансирования (а следовательно, сохранения инновационных элементов), и с точки зрения надежности правовой платформы (ведь в процессуальном законе нет понятий «социальный работник», «ведущий», «реабилитационные программы» и пр.). Но в России ширится движение за восстановительное правосудие, поэтому мы должны быть готовы к тому, чтобы предложить не только общие идеи, но и реальные модели.

Рустем Максудов

Восстановительное правосудие¹

Разработка нового – восстановительного – способа реагирования на преступление стала реакцией на преимущественно карательную направленность существующего правосудия.

Прежде всего существующее правосудие отличается невниманием к нуждам жертв преступлений. Многие жертвы нуждаются в восстановлении чувства безопасности, доверия к людям, в компенсации материального ущерба. Болезненные переживания – страх, горе, незащищенность, недоверие к людям, самообвинение – могут много лет мучить жертву. Для некоторых жертв преступлений очень важна возможность поделиться личной историей и получить ответы на вопросы непосредственно от правонарушителей.

Жертвы преступлений вообще несут двойной ущерб: во-первых, от преступления и, во-вторых, от карательного способа организации правосудия, не позволяющего комплексно разрешать их проблемы. Карательная направленность уголовного правосудия прямо связана с трактовкой события преступления как нарушения законов государства, а не причинения вреда конкретным людям и их отношениям.

Следует отметить и то обстоятельство, что после совершения преступления чаще всего внимание общества сосредоточивается на преступнике. Вместе с тем о жертве и ее близких, которым в результате преступления причиняется вред, забывают. Прибегая к помощи потерпевшего, органы уголовного преследования решают главным образом свои служебные задачи. Ставя вопрос о конституционных пра-

Р. Максудов – Президент Межрегионального общественного Центра «Судебно-правовая реформа».

¹ Полный вариант данного текста будет опубликован в кн.: Программы восстановительного правосудия. Пособие для ведущих. Под ред. Л.М. Карнозовой и Р.Р. Максудова (в печати).

вах обвиняемых и осужденных преступников, мало кто говорит о нарушении конституционных прав жертвы преступлений.

При этом общество занимает в отношении потерпевшего различные позиции – сожаление, недоверие, а подчас и злорадство. Нередко лица из ближайшего окружения потерпевшего стараются избегать общения с ним. Иногда потерпевший сталкивается с открытой агрессивностью по отношению к себе.

Самый серьезный психический, социальный и моральный вред наносится жертвам насильственных преступлений. Жертвы грабежа, разбойного нападения, изнасилования, похищения, захвата в качестве заложников переживают очень глубокий психологический шок. При осознании понесенного ущерба у жертвы преступления наблюдаются симптомы, обнаруживаемые у людей, которым приходится столкнуться с неожиданной и тяжелой в моральном отношении потерей. У потерпевших развиваются апатия, депрессия, упадок духа, случаются приступы гнева. Исчезает уважение к себе, обостряется чувство ранимости, теряется доверие к окружающим.

После раскрытия преступления и осуждения преступника правоохранительные органы совсем перестают интересоваться состоянием и судьбой жертвы, поскольку основным критерием оценки их деятельности является раскрытие преступления, розыск и наказание преступника. Жертва преступления остается наедине со своим несчастьем, что нередко приводит к трагедии².

Вместе с тем, в отношении правонарушителя уголовный процесс носит клеймящий характер и затрудняет его реинтеграцию в общество. Места лишения свободы существенно углубляют отчуждение правонарушителей от законопослушного сообщества. Ужесточение наказаний, объединяя все большее количество правонарушителей в колониях и тюрьмах, содействует воспроизводству криминальной субкультуры.

Чем больше людей проходит через места лишения свободы, тем более это способствует распространению терпимости к преступному поведению, усилению враждебности к работникам правоохранительных органов и судов, закреплению ориентации населения на криминальные авторитеты как образцы поведения, а также на силовое разрешение конфликтов и агрессивное поведение как обычный стиль жизни³.

² См.: Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Защита прав жертв террористических актов и иных преступлений. 20 марта 2003 года // <http://ombudsman.gov.ru/docum/spvta.htm>.

³ Из рассказа Надежды Марченко, социального работника, о беседе с заключенным воспитательной колонии: «Во время одной из моих поездок в воспитательную коло-

Восстановительное правосудие – это новый взгляд на то, как обществу необходимо отвечать на преступление, и построенная в соответствии с этим взглядом практика. Суть предлагаемого ответа состоит в том, что всякое преступление приводит к обязательствам правонарушителя загладить вред, нанесенный жертве. Государство и социальное окружение жертвы и правонарушителя должны создавать для этого необходимые условия. Ядром программ восстановительного правосудия являются встречи жертвы и обидчика, предполагающие их добровольное участие.

Чем помогают такие встречи?

Жертвам они помогают восстановить чувство безопасности, дают возможность поделиться чувствами, возникшими в связи с криминальной ситуацией, и быть услышанными, получить ответы на волнующие вопросы, наконец, получить компенсацию за причиненный материальный ущерб. Для правонарушителей встречи создают условия для принятия на себя ответственности: правонарушитель совместно с жертвой принимает решение о размере и форме возмещения ущерба.

Ближайшему социальному окружению они помогают восстановить мир в сообществе, сохранить активную роль в решении конфликтов за счет оказания помощи и поддержки, оказываемой сторонам процесса.

В настоящее время в различных регионах мира (Европа, Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия и Южная Африка) многие криминальные ситуации разрешаются с помощью программ восстановительного правосудия; часть этих программ сформировалась под влиянием традиционной культуры коренных народов.

Согласно общей Декларации «Основные принципы использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах», принятой Экономическим и Социальным Советом ООН 24 июля 2002 года, программы восстановительного правосудия предполагают вовлечение и активное участие всех затронутых преступлением людей в работу по решению проблем, возникших в результате преступления, *с помощью посредника* – справедливой и беспристрастной третьей стороны. Результатом должно

нию, мы беседовали с подростком пятнадцати лет, осужденным за убийство. Втроем с друзьями они сожгли заживо божжа. К моменту нашего разговора в колонии он находился уже около года. Я спрашиваю: «Это, наверное, было страшно. Смог ли ты простить себя?» Он отвечает: «Первое время мне, действительно, снились кошмары. Хотелось все исправить, вернуть назад, чтобы этого всего не было. А потом прошло время, я попал в колонию. А здесь все нормально. Моя статья престижная. Меня здесь уважают».

стать соглашение (договор), достигаемое в результате восстановительного процесса. В данном соглашении фиксируется последовательность конкретных действий правонарушителя, направленных на возмещение ущерба, нанесенного жертве и способствующих восстановлению репутации правонарушителя в ближайшем социальном окружении (это может быть, например, труд, полезный для местного сообщества)⁴.

В Рекомендации Комитета Министров Совета Европы (Комментарий к Приложению, ч. I) говорится о различных формах восстановительного правосудия:

Подобная практика может принимать самые разные формы, часто комбинированные, например:

жертва и преступник делятся своими взглядами (мнением) на происшедшее для того, чтобы лучше понять друг друга;

принесение извинения и добровольное участие в достижении согласия – способы, с помощью которых правонарушитель пытается возместить ущерб;

добровольное согласие со стороны нарушителя предпринять какое-либо иное действие, например, поработать на сообщество или принять участие в реабилитационной программе (косвенная реабилитация);

разрешение любого конфликта между жертвой и правонарушителем или между их семьями или друзьями;

*программа согласованных санкций и решений, которая может быть предложена суду в качестве рекомендуемого приговора или судебного решения*⁵.

Важнейшей предпосылкой для оформления идеи и становления практики восстановительного правосудия⁶ явилась критика официального уголовного правосудия.

⁴ См.: Декларация основных принципов использования программ восстановительного правосудия в уголовных делах // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М.: МОУ Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 111–115.

⁵ Посредничество в уголовных делах. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 года, и пояснительные заметки. Впервые на русском языке опубликовано в: Вестник восстановительной юстиции. 2001. № 2. С. 95.

⁶ Понятие «правосудие» обычно трактуется как осуществляемая от имени государства деятельность судов по рассмотрению гражданских, уголовных и др. дел. Здесь мы будем использовать более широкое толкование правосудия как осуществления справедливости (справедливого разрешения конфликтной или криминальной ситуации), относя сюда работу судов, правоохранительных органов, социально-реабилитационных служб.

В последнем, когда виновность установлена, виновному назначают наказание, дальше следует его исполнение. Но в этом случае правонарушитель чаще всего уходит от осознания своей ответственности, а чувства и переживания жертвы игнорируются. Установление виновности и назначение наказания фактически происходят на основании отождествления преступления и человека, его совершившего.

Более того, в официальном российском правосудии – даже если подсудимый не приговаривается к лишению свободы – вся процедура построена на его отвержении (клеймении). Формальный язык судебного процесса, клетка, где находится подсудимый, форма обращения с ним – все демонстрирует, что человек, оказавшийся на скамье подсудимых, попал в особое пространство, специфику которого определяют *знаки клеймения, отвержения и позора*, создающие непроходимую границу между ним и законопослушными гражданами. Это зачастую приводит к тому, что он ищет такую референтную группу, где сможет найти понимание и сочувствие. Если он избирает группу криминальной направленности, она помогает ему оправдать свои действия. Тем самым процедуры уголовной юстиции, выталкивая из общества тех, кто нарушил уголовный закон, помещая их в тюрьмы, где объединяются отверженные и клейменные, содействуют устойчивости криминальных сообществ. Ведь фактическая задача тюрьмы – организовать и привести к единому знаменателю неоднородную массу людей⁷.

Карательная и полностью профессионализируемая организация процесса наказания затрудняет социальную реинтеграцию правонарушителей. В рамках господствующей парадигмы уголовного процесса почти невозможно добиться ответственного поведения правонарушителя, хотя принято говорить, что тот, кто совершил преступление, должен нести ответственность. Нести ответственность в официальном правосудии значит быть наказанным. Но часто бывает, что если правонарушителю назначается наказание (особенно в виде лишения свободы), он скорее считает себя *жертвой* обстоятельств и уголовного правосудия, нежели осознает причиненное им зло другому человеку. И практически ничего не делает для устранения негативных последствий содеянного. Причиной многих преступлений становятся отсутствие взаимопонимания, черствость и неумение сопереживать, отсутствие навыков позитивной самореализации и стремление к получе-

⁷ Роль тюрем в воспроизводстве преступности как института исследуется в работе Мишеля Фуко (Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999).

нию статуса в референтной группе, личная неустроенность и неспособность избавиться в одиночку от тех или иных зависимостей.

Понимание, что есть немало случаев, когда применение уголовной репрессии не только бессмысленно, но и вредно, приводит к иному пониманию «криминальной ситуации». В ней, оказывается, существуют новые грани, в частности, ее собственный ресурс (потенциал самих участников) в поисках выхода, компенсации негативных последствий и предотвращения подобного в дальнейшем. Такой взгляд присущ восстановительному правосудию.

Восстановительное правосудие понимает вопрос о реакции на преступление как вопрос *о заглаживании вреда, нанесенного жертве*. Вот как говорит об этом Ховард Зер:

«...жертвы проходят через три кризиса, три цикла, накладывающихся друг на друга. Существует кризис личности: что я за человек? хозяин ли я своей жизни? в состоянии ли я любить, если я так зол? Есть кризис взаимоотношений: кому я могу доверять, могу ли я доверять своим друзьям, могу ли я доверять своим соседям, могу ли я доверять своему партнеру в жизни? <...> И третий кризис – это кризис понимания: что это за мир, в котором мы живем? Состояние жертвы характеризуется очень глубоким кризисом.

<...> у жертв преступлений есть потребности, которые должны быть удовлетворены системой правосудия. <...>

Одной из них является чувство безопасности. Пострадавшие хотят знать, какие шаги будут предприняты, чтобы преступление не повторилось. Это еще и эмоциональная безопасность, когда жертвы могут излить свое горе и гнев и рассказать о своих потребностях.

Вторая потребность жертв во всем мире, удовлетворение которой они ждут от системы правосудия, это возмещение ущерба, компенсация потерь. Часто они понимают, что потери невосполнимы, но иногда важна символическая компенсация, сознание того, что кто-то взял на себя ответственность, возместив ущерб.

Третья потребность жертвы (и исследования в ряде стран ставят ее на первое место) состоит в необходимости получить ответы на вопросы о том, что же произошло на самом деле. Жертвы хотят знать, почему был выбран именно их дом, имеет ли преступник что-то против них лично...

Четвертая потребность жертвы – рассказать о случившемся, излить свои чувства. <...>

Пятая потребность состоит в необходимости вернуть власть над собственной жизнью. Правонарушитель отнял у пострадавшего эту власть, совершив преступление. Он забрал эту власть физически, ворвавшись в его дом или взяв его в заложники. Он забрал эту власть эмоционально, когда пострадавший настолько зол, что не может справиться с собой, не может контролировать себя. Жертве нужно вернуть эту власть, хотя бы символически⁸.

Одновременно восстановительный подход иначе, чем в официальном правосудии, трактует и понятие ответственности. Ответственность правонарушителя в восстановительном правосудии включает:

- осознание последствий причиненного вреда;
- принятие обязательств по «заглаживанию» вреда;
- определение такой стратегии дальнейшей жизни, которая исключала бы криминальные способы решения проблем.

При этом конструктивное обсуждение проблем правонарушителя и помощь ближайшего окружения в их решении создают условия для нормального возвращения человека в общество.

В отличие от существующих моделей официального уголовного правосудия, восстановительное правосудие строится на принципе самоопределения сторон, то есть передачи самим сторонам полномочий для поиска и принятия взаимоприемлемого решения.

Передача полномочий базируется на таком важнейшем социальном и эмоциональном ресурсе, как стремление людей договориться. Это стремление часто и осознается не сразу: барьеры взаимной подозрительности, агрессивные и властные привычки, нагнетание криминальной истерии со стороны масс-медиа мешают людям самостоятельно и конструктивно разрешать конфликты, в том числе криминальные. Поэтому этот ресурс нужно задействовать специально. В программах восстановительного правосудия это становится возможным благодаря участию *посредника* (в наших программах мы называем его *ведущим*), который создает условия для того, чтобы люди нормализовали свои отношения и сами нашли выход.

⁸ Зер Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание. Пер. с англ. / Общ. ред. Л.М. Карнозовой. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 1998. С. 117–118.

* * *

Реализация восстановительного подхода предполагает использование специфической формы организации процесса примирения.

Такой формой работы является *программа* восстановительного правосудия. Ядро таких программ составляет встреча жертвы и правонарушителя, предполагающая их добровольное участие. В 70-е годы XX века – после того, как успешно прошли первые программы в Канаде и США – такие, специально организованные, встречи получили название «программы примирения жертв и правонарушителей», или коротко «программы примирения».

В литературе по восстановительному правосудию термин «программа» используется как минимум в двух значениях:

- как типологическая единица работы по восстановительному правосудию (программа примирения жертв и правонарушителей, семейная конференция, «круги правосудия» и т.п.);
- как восстановительная работа по конкретному делу.

Соответственно, в каждом случае значение слова определяется из контекста.

В первую очередь встречи, проходящие в рамках программ восстановительного правосудия, ориентированы на удовлетворение потребностей жертвы: как мы уже говорили, это возмещение ущерба, восстановление чувства безопасности, возможность поделиться личной историей и быть услышанной, получить ответы на волнующие вопросы. Вторая задача встреч – создать условия для принятия ответственности правонарушителем: он должен совместно с жертвой принять решение о размере и форме возмещения ущерба. Третья задача – привлечь ближайшее социальное окружение для помощи и поддержки в этих процессах. Желательный эффект встречи состоит в осознании правонарушителем последствий содеянного, нормализации состояния жертвы, в возвращении людям возможности самостоятельно решать свои конфликты. Прагматический же результат состоит в достижении договоренности участников о способе выхода из ситуации и возмещении ущерба.

Встречи основаны на персонально ориентированном диалоге, где важная роль отводится сочувствию и сопереживанию, выслушиванию и поддержке. Непременным условием является нейтральность ведущего, которая в программах восстановительного правосудия трактуется особым образом. Вот как раскрывает эту специфику Марти Прайз:

«Необходимость внимательно относиться к нуждам жертвы требует прямого признания той несправедливости, которая была совершена по отношению к ней. Нужно говорить жертве следующее:

“Да, Вам причинили зло”, “это не должно было произойти с Вами”, “в этом нет Вашей вины”, “Вы этого не заслуживаете”. Под процессом оказания помощи правонарушителю в осознании своей ответственности часто подразумевается, что мы должны способствовать признанию им своего преступления, а также, что он за это преступление в ответе. Мы беспристрастны относительно людей: мы работаем равно как для жертвы, так и для правонарушителя. Но что касается самого правонарушения, мы не нейтральны. Вот в чем заключается совершенно иная, особая форма нейтральности»⁹.

Ведущий устанавливает правила (не допускать оскорбительных выражений, слушать друг друга, говорить по одному), соблюдение которых позволяет сохранить доброжелательную атмосферу. Его задача – облегчить переговоры и перевести поток взаимных обвинений в признание несправедливости сложившейся ситуации. За счет коммуникативных техник, умения работать с сильными эмоциями и других навыков ведущий помогает сторонам выразить свои чувства и одновременно способствует снижению агрессивности. Преодоление стереотипов, возможность увидеть друг в друге переживающих и сочувствующих людей является главным условием душевного исцеления жертвы, достижения взаимоприемлемого соглашения, а также принятия и реализации правонарушителем плана по нейтрализации негативных последствий ситуации.

Встречи жертвы и правонарушителя исключают клеймение, как это обычно происходит в официальном уголовном процессе, где обвиняемому внушают, что порочно не только его поведение – порочен он сам. Осужденному чрезвычайно сложно вернуться в общество: на нем поставили клеймо преступника. Поэтому если где-то рядом с его местом жительства совершается преступления, чаще всего сотрудники милиции в первую очередь приходят к нему.

Стыд, который может переживать правонарушитель, дополняется клеймением, что затрудняет понимание обидчиком последствий своих действий, содействует его самооправданию и тяготению к таким группам, где его будут признавать как личность.

В противоположность этому, программы восстановительного правосудия создают условия, в которых чувство стыда, переживаемое правонарушителем, можно поддерживать *реинтегрирующим* (вос-

⁹ Price Marty. A Victim Offender Mediation Model of Neutrality. VOMA Quarterly. Vol. 7. Number 1: Winter 1995–1996. 1 p. (Прайс Марти. Образец нейтральности для медиации жертвы и правонарушителя. Пер. с англ. Архив Центра СПР.)

соединяющим) способом. Согласно концепции Дж. Брэйтуэйта, воссоединяющая работа со стыдом – такое донесение до обидчика боли жертвы, которое предполагает, не оправдывая негативных действий обидчика, создание условий для прощения правонарушителя жертвой и интеграции его в сообщество. На это же направлена и помощь близких людей и сообщества в компенсации нанесенного ущерба, когда окружающие понимают проблемы правонарушителя и оказывают помощь в их разрешении¹⁰.

«Работа со стыдом по воссоединяющей модели – это такое выражение общественного неодобрения (от мягкого упрека до церемоний снижения статуса), за которым непременно следуют жесты обратного принятия преступника в общину законопослушных граждан»¹¹.

Обсуждение криминальных ситуаций на встречах жертвы и правонарушителя обнажает также проблемы бедственного положения тех или иных групп населения, пробелы в социализации молодежи, которые можно восполнить, привлекая к разрешению данных проблем сами эти группы, власть и позитивных лидеров местных сообществ¹².

Содержание принимаемого на встрече соглашения не навязывается со стороны, а формулируется на основе предложений участников, что является фактическим гарантом его выполнения. Ход встречи и план по разрешению ситуации (в том числе и шаги, направленные на изменение образа жизни правонарушителя) отражаются в договоре.

Сегодня в мире используются разнообразные программы восстановительного правосудия. Мы в своей работе ориентируемся на принципы и технологии, основанные на программе «примирения жертв и правонарушителей», известной также под названием «медиация жертв и правонарушителей»¹³.

¹⁰ В уже упомянутой работе Джона Брэйтуэйта «Преступление, стыд и воссоединение» термин «reintegration shaming» переведен как внушение чувства воссоединяющего стыда. В ходе консультаций с Джоном Брэйтуэйтом мы поняли, что он в своей книге вкладывал другой смысл в данный термин, мы предлагаем переводить его как «воссоединяющая работа со стыдом» или «работа со стыдом по воссоединяющей модели». Важная роль в прояснении этого вопроса принадлежит Анне Тихомировой и Вячеславу Москвичеву.

¹¹ Брэйтуэйт Дж. Преступление, стыд и воссоединение... С. 92.

¹² Пранис К. Восстановительное правосудие, социальная справедливость и возвращение полномочий маргинальным группам населения. Пер. с англ. // Вестник восстановительной юстиции. Вып. 5. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2003. С. 79–90.

¹³ Victim – Offender Mediation: VOM.

Существуют также программы «Круги правосудия»¹⁴ и «Семейные конференции»¹⁵, особенность которых состоит в привлечении представителей местных сообществ и социального окружения правонарушителя и жертвы: родственников, друзей. Кроме представителей ближайшего социального окружения в них участвуют социальные работники, адвокаты, полицейские. Решения здесь принимаются в результате обсуждений и при достижении консенсуса. В 90-е годы подобный опыт Новой Зеландии распространился и закрепился в Австралии.

Восстановительные программы по особо тяжким преступлениям ориентированы не столько на юридические последствия, сколько на исцеление жертв преступлений. Данные программы получили признание во многих странах, прежде всего, в Бельгии¹⁶.

На европейском и американском континентах наиболее распространенной остается медиация (посредничество) жертв и правонарушителей, предполагающая встречу «лицом к лицу». В настоящее время в ряде американских организаций вместо термина «программа примирения» стал использоваться термин «конференция жертв и правонарушителей».

В России мы используем несколько терминов. Остается термин «программа примирения жертв и правонарушителей». В последнее время мы стали называть наши программы встречами жертвы и правонарушителя по заглаживанию вреда. В определении «заглаживание вреда» подчеркивается гуманистическое ядро восстановительного правосудия. Здесь акцентируется то, что преступление налагает на правонарушителя обязательство загладить вред, который он нанес. В то же время здесь подчеркивается роль жертвы как реального «потребителя услуг» по заглаживанию вреда. Важно также, что заглаживание вреда присутствует в Уголовном кодексе России как смягчающее вину обстоятельство.

Программы восстановительного правосудия представляют собой альтернативу принятому сегодня карательному способу реакции государства на преступление. Хотя более точно будет сказать: восстановительное правосудие выполняет ту же функцию, что и уголовная юсти-

¹⁴ Sentencing Circles.

¹⁵ Family Group Conferences: FGC.

¹⁶ См.: Жертва встречается с преступником. Проведение программ восстановительного правосудия в тюрьмах. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.

ция в целом (понятие более широкое, чем правосудие); здесь дело разрешается «по существу» и действует механизм «исполнения решений». Прежде всего альтернативой карательному процессу является восстановительное правосудие *как идея, как способ*. Что же касается реализации, то в большинстве стран программы восстановительного правосудия используются в кооперации с обычным процессом, то есть, встраиваются в систему официального уголовного судопроизводства, где окончательное решение по делу осуществляется уполномоченным официальным органом. В этом плане пока имеет смысл говорить о *восстановительных программах*, но не об *альтернативном правосудии*, хотя сама по себе передача дел из официальных органов для проведения восстановительных программ и учет их результатов судом свидетельствует о появлении альтернативной трассы движения уголовного дела.

Сторонники восстановительного правосудия видят свою ближайшую задачу не в том, чтобы заменить официальное правосудие, а в том, чтобы дополнить его, акцентируя внимание на тех аспектах преступления (правонарушения), которые остаются вне поля внимания официального уголовного процесса.

На американском континенте программы восстановительного правосудия распространены в Канаде и многих штатах США. В США создана Ассоциация посредничества между жертвой и правонарушителем (VOMA). Программы восстановительного правосудия проводятся в Новой Зеландии, Австралии и Южной Африке. В Европе программы восстановительного правосудия активно действуют практически во всех странах. 8 декабря 2000 года состоялось официальное учреждение Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции – первой в Европе международной организации, объединяющей исследователей, практиков, государственные и неправительственные организации, работающие в этой сфере¹⁷. В рамках Европейского Комитета по проблемам преступности (Совет Европы) создан Комитет экспертов по организации посредничества в уголовных делах, который составил Рекомендацию, где освещаются основные принципы, правовая основа, вопросы организации и развития посредничества в

¹⁷ См.: Устав Европейского форума программ посредничества между жертвой и правонарушителем и восстановительной юстиции // Вестник восстановительной юстиции. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа, 2001. № 2. С. 80–85; *Флямер М.* Сообщение об организации движения за восстановительное правосудие в Европе // Там же. С. 73–79.

уголовных делах. Данная Рекомендация № R (99) 19 была принята Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 года¹⁸.

ООН, играя ключевую роль в выработке стратегий, международных правил, стандартов и рекомендаций по уголовному правосудию, в Венской декларации о преступности и правосудии (принятой на Десятом конгрессе по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями – Вена, 10–17 апреля 2000 года), отмечает, наряду с прочим, «возможности реституционных подходов к правосудию, которые направлены на сокращение преступности и содействие исцелению жертв, правонарушителей и оздоровлению общин»¹⁹. Пункты 27 и 28 Декларации непосредственно посвящены вопросам посредничества в уголовном правосудии.

В рамках ООН создана специальная рабочая группа, усилиями которой Экономическим и Социальным Советом ООН (ECOSOC) принята резолюция № 2000\14 в качестве проекта «Декларация об основных принципах использования программ восстановительного правосудия в уголовной юстиции»²⁰.

В России по инициативе Общественного центра «Судебно-правовая реформа» программы восстановительного правосудия проводятся с 1997 года. Сотрудниками Центра подготовлены ведущие в Тюмени, Дзержинске (Нижегородская область), Перми, Лысьве, Великом Новгороде, Урае (Ханты-Мансийский автономный округ). В этих городах ведется работа с помощью программ восстановительного правосудия как по случаям уголовных преступлений, так и для разрешения конфликтов в социальной сфере. Работа, которая проводилась Центром «Судебно-правовая реформа» совместно с Нижегородским отделением Центра «Судебно-правовая реформа», Новгородским отделением Центра «Судебно-правовая реформа», Комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав Администрации Тюмени и Урая, Благотворительным фондом развития Тюмени, Центром внешкольной работы «Дзержинец» в Тюмени, Центром поддержки растущего поколения «Перекресток» в Москве, позволила выработать основные элементы модели проведения программ восстановительного правосудия, подходящей для России.

¹⁸ Посредничество в уголовных делах. Рекомендация № R (99) 19, принятая Комитетом Министров Совета Европы 15 сентября 1999 года, и пояснительные заметки.

¹⁹ См.: *Лунеев В.В.* Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95–100.

²⁰ См.: Вестник восстановительной юстиции. Вып. 3. М.: МОО Центр «Судебно-правовая реформа», 2001. С. 111–115.

Общественный центр «Судебно-правовая реформа»

e-mail: center_SPR@mtu-net.ru

<http://www.sprc.ru>

Центр «Судебно-правовая реформа» существует уже семь лет и занимается организацией восстановительного правосудия в России. Основным технологическим ядром является проведение восстановительных программ по уголовным делам из Черемушкинского суда г. Москвы на основании программы сотрудничества. Информацию о фактах дела и координатах сторон получает социальный работник, работающий в суде, и он же первый встречается с обвиняемым подростком. Если подросток признает свою неправоту и высказывает желание загладить причиненный вред, то в работу вступает ведущий восстановительных встреч. Он готовит людей к примирительной встрече. Программа проводится только на добровольных началах, и ведущий выступает в качестве нейтрального посредника. Его задача – помочь людям начать такой диалог, который приведет к **восстановительным действиям** и затем к разрешению ситуации.

В конце встречи стороны обсуждают вопрос, «как сделать, чтобы подобного в дальнейшем не повторилось», и подписывают примирительный договор, который будет передан судье. Суд состоится в любом случае, но обычно судья приобщает к делу отчет социального работника с заявлением потерпевшего о примирении с обвиняемым и выносит решение с учетом этих документов. Большинство программ проводилось по делам средней тяжести и тяжким: кража, хулиганство, разбой, грабеж, угон, причинение тяжких телесных повреждений и т.п.

Работа Центра не ограничивается проведением примирительных встреч по делам из Черемушкинского суда. Одним из последних направлений нашей деятельности является работа с колониями, в перспективе разворачиваемая в два направления:

- примирение жертвы с находящимся в колонии обвиняемым;
- гуманизация и налаживание отношений в самой колонии.

В настоящее время начата работа в Шаховской колонии, где уже прошел практический семинар по ознакомлению активной группы (состоящей из персонала и заключенных) с основами деятельности ведущего примирительных встреч. Безусловно, работа в колонии имеет свою специфику, однако несколько осужденных уже попробовали разрешать конфликты через процесс посредничества.

Моника Платек

Восстановительное правосудие – теория, порожденная практикой

Вместо вступления

В Гданьске молодой человек двадцати трех лет насильовал и грабил. На его счету было убийство, которое он совершил четырнадцати лет отроду. Тогда он ударил ножом пожилую женщину; раненая скончалась. Следующей жертвой стала женщина, чью квартиру он попытался ограбить. Позвонил, она его впустила, потому что ждала сына. Сын действительно через некоторое время пришел и тем самым спас ей жизнь. Защищая мать, он сумел сорвать с грабителя рюкзак. Установить личность преступника оказалось нетрудно, его нашли; оказалось, что его разыскивает полиция. Потерпевших было много, но ими никто не занялся, несмотря на то, что преступник засыпал их угрозами. Когда начался судебный процесс, не все из них осмелились прийти в суд. Поскольку по мнению суда неявка потерпевших на судебное заседание была необоснованной, их приговорили к штрафной мере наказания – задержанию сроком до 30 дней¹.

Было ли в этом деле место восстановительному правосудию? Не знаю. Знаю только, что суд в нарушение правил проигнорировал интересы потерпевших. Можно еще задуматься над тем, этично ли повели себя судьи.

В другом городе – почти классическая ситуация: муж – агрессивный алкоголик, рабочий на стройке; безработная жена; психически неуравновешенный девятилетний ребенок. Супруги состоят в браке десять лет, и примерно столько же в доме суший ад, глава семейства

М. Платек – профессор Варшавского Университета, исполнительный директор Польской ассоциации юридического образования.

Печатается в сокращенном виде.

¹ Все приведенные здесь примеры выборочно почерпнуты из дел, поступивших в Бюро защитника гражданских прав, где я отвечаю за защиту прав потерпевших.

мучает жену и ребенка. Жена несколько раз подавала заявления об измывательстве над ними мужа, но через некоторое время сообщала в прокуратуру, что помирилась с супругом. «Взяла заявление обратно», «забирала заявление, поскольку муж либо ей угрожал, либо обещал исправиться» – и прокурор неизменно прекращал дело.

Так происходило много раз, хотя в Уголовном кодексе нет таких понятий, как обвинение в преступлении на основании жалобы, отзыв потерпевшим своего заявления или возбуждение уголовного дела по обвинению в измыательствах (ст. 207 УК). В случае подобного преступления возбуждается уголовное дело на основании общественно-го обвинения, и согласно принципу легализма (ст. 10 УПК) следственные органы обязаны начать предварительное производство.

Чтобы прекратить дело, прокурор, вероятно, указывал, что совершенный проступок не носил характер запрещенного деяния или что общественный вред был ничтожным (ст. 17 УПК). Ничто больше не принималось во внимание, и всякий раз принятое прокурором на основании той или другой предпосылки решение фактически приводило к усугублению насилия в этой семье; кроме того преступник убеждался в своей полной безнаказанности.

Таким образом, с точки зрения общественных интересов действия прокурора были крайне опасны: они способствовали расширению преступности и росту социальной напряженности. Не уверена, что прокурор отдавал себе в этом отчет. Для него это были лишь до смерти надоевшие дела об «измыательствах», от которых хлопот не оберешься и надо поскорее от них избавиться. Чересчур часто можно услышать как от полицейских, так и от прокуроров, что «глупые бабы» или заслужили такое обращение, или сами не знают, чего хотят.

Очередную жалобу потерпевшая не стала забирать обратно, поскольку муж жестоко избил не только ее, но и ребенка. Прокурор, чтобы облегчить себе работу и придать весомость основаниям для производства, возобновил все прежде прекращенные им дела. Последним обвинением он заниматься не стал и передал все в суд.

Прокурору, разумеется, должно быть известно, что прекращенное на законных основаниях предварительное производство против лица, выступающего в качестве подозреваемого, возобновляется на основании постановления прокурора, вышестоящего по отношению к тому, кто распорядился или утвердил распоряжение о прекращении производства (ст. 327 п. 2 УПК).

И тем более он должен знать, что не существует предписания, разъясняющего, как следует поступить, если прокурор совершает ошиб-

ку или недостаточно обучен, а суд это игнорирует и не ставит в известность генерального прокурора, который, если не вмешается из-за нехватки предоставленного ему времени (ст. 328 КПК), то уже не сумеет исправить ошибку.

Должен – но в данном случае ничего подобного не произошло, поэтому суд обоснованно счел, что возобновление производства противоречило правилам, и выбросил в корзину весь девятилетний период изымательства, оставив для рассмотрения лишь последний случай, плохо подготовленный прокурором, который рассчитывал, что предыдущего материала будет достаточно для осуждения правонарушителя. В результате по причине недостаточности доказательного материала суд просто оправдал преступника.

Взгляд из подвала

«Если кому-то причинено зло, он хочет отомстить, и в этом нет ничего предосудительного. Иногда месть исцеляет, иногда – нет. С точки зрения цивилизации месть недопустима, поскольку, в противном случае, она запустит механизм эскалации, который вряд ли удастся обуздать. Преступления наказываются... Для жертвы наказание имеет колоссальное значение. Не потому, что удовлетворяет его потребность в возмездии – как правило, этого не случается, – а потому, что наказание демонстрирует солидарность с жертвой»².

Эти слова написаны Ианом Филипом Реемстма, которого 33 дня удерживали в заложниках на цепи в маленьком темном подвале. Выйдя на свободу, он написал небольшую по объему, но имеющую огромное значение книгу. В ней – о, ирония – лучше, чем в учебнике и кодексах, представлено состояние человека, оказавшегося в затруднительном положении – в любом затруднительном положении.

В книге идет речь о переживаниях заложника, похищенного с целью получения выкупа, однако одновременно она является едва ли не лучшим документом, описывающим ситуацию человека, подвергнутого домашнему насилию. Опыт Реемстма во многом совпадает с тем, о чем рассказала Элис Себолд в своем первом, автобиографическом романе «Счастливица»³. Книга Себолд – потрясающее документальное свидетельство: читатель узнает, что довелось пережить жертве насилия и как она выходит из этого страшного испытания.

² Иан Филип Реемстма. В подвале. Краков: Знак, 1998. С. 185–186.

³ Элис Себолд. Счастливица. Варшава: Альбатрос, 2004.

Жертвы наносящих тяжелые травмы, грубо попирающих закон преступлений требуют справедливого суда и наказания преступников. Их мир, вся их жизнь оказываются разделенными на периоды «до» и «после» случившегося, и они это сознают. Время «после» искажено, изувечено – потерпевшему кажется, что возврат к нормальной жизни невозможен.

Реемстма и Себолд, будучи жертвами, считают, что располагают только доступными в рамках традиционного карательного правосудия средствами. Оба они не задумываются над тем, учитывает ли правосудие интересы потерпевшего или только продемонстрирует власть государства. Какова цель наказания: сурово покарать преступника или пристыдить его и склонить к принятию на себя ответственности за содеянное? Потерпевшие не изучают теории, потерпевшие нуждаются в справедливом правосудии. Они не вникают в смысл этого понятия, они считают, что правосудие должно учитывать и их интересы. Чаще всего, не получив ожидаемого, они не обвиняют ни государственную власть, ни систему, полагая, что виноваты сами. Сосредотачиваясь исключительно на карательной стороне правосудия, мы не замечаем тех шансов, которые дает восстановительное правосудие.

Имели ли право Реемстма и Себолд добиваться сурового наказания преступников? Разумеется. Однако это слишком узкая постановка вопроса. Следовало бы спросить, имеют ли Реемстма и Себолд право настаивать на таких процедурах правосудия, которые вернут им чувство собственного достоинства, уверенность в своей неприкосновенности, возможность контроля над своей жизнью, внутреннюю гармонию и веру в справедливость, предсказуемость событий и надежду на окончательный разрыв с прошлым? Или они обречены только на крохи проявления солидарности, выражающейся в наказании виновника их страданий?

Кто-то может спросить: а откуда уверенность, что им хотелось бы чего-то большего? Да они сами отчетливо об этом говорят. Они хотят, чтобы преступники были наказаны, но, желая вновь обрести почву под ногами, хотят также, чтобы те осознали, какое причинили зло. Без этого потерпевшие чувствуют себя так, будто их лишили пропуска, позволяющего вернуться в прежнюю реальность. Для жертвы огромное значение имеет сама возможность выбора и даже отказа – сознательного отказа – от доступной процедуры иного или дополнительного решения проблемы. Чтобы сделать выбор, надо иметь из чего выбирать. Недоступное выбору не подлежит.

Карательное правосудие versus восстановительного правосудия

В «Малой книге восстановительного правосудия» ведущий теоретик этого направления Ховард Зер задает традиционный вопрос: как

общество должно реагировать на неправомерное поведение? Если совершено преступление или с кем-то поступили несправедливо, что следует предпринять, дабы иметь возможность сказать: виновный получил по заслугам? У традиционного карательного правосудия есть как достоинства, так и недостатки. Иногда вместо того, чтобы умерять боль и врачевать раны, оно их растревляет. Судья обязан осуществлять беспристрастный судебный контроль, восстановительное правосудие предоставляет право голоса всем без исключения участникам процесса. Восстановительное правосудие – попытка учета потребностей каждого и заполнения пробелов, существующих в традиционной системе карательного правосудия. Однако вначале, во избежание скопившихся в связи с этим понятием недоразумений, следует объяснить, чем восстановительное правосудие **не является**.

Восстановительное правосудие не стремится любой ценой простить правонарушителя и примирить с ним жертву.

Некоторые относятся к восстановительному правосудию отрицательно, опасаясь, что оно будет стремиться любой ценой простить правонарушителя и примирить с ним жертву. На самом же деле восстановительное правосудие допускает соглашение и/или примирение, однако зависит это исключительно от заинтересованных лиц и не является обязательным условием такой процедуры улаживания споров.

Восстановительное правосудие и арбитраж не одно и то же.

Различные формы восстановительного правосудия, как и арбитраж, направлены на организацию встречи жертвы и преступника. Но в рамках восстановительного правосудия возможны встречи, в которых жертва не принимает участия, а также встречи в отсутствие преступника, если тот, например, не пойман. Однако даже если встреча правонарушителя и потерпевшего происходит, она отличается от арбитражных встреч.

Условием для начала арбитража является добровольное согласие на встречу обеих сторон. А целью – удовлетворение интересов потерпевшего при том, что признание правонарушителем своей вины и ответственности за содеянное не обязательно. Достаточно, чтобы он признал, что факты, послужившие основанием для встречи, действительно имели место, – остальное подлежит разработке в рамках арбитражного производства.

Нередко итогом арбитража становится распределение ответственности между всеми участниками дела. Жертвы как домашнего, так и сексуального насилия из-за своего психического состояния и доминирующих в обществе стереотипов довольно часто склонны к самообвинению.

Нейтральный язык, которым пользуются в процессе арбитража, не всегда позволяет извлечь на поверхность то, что ставится во главу угла восстановительным правосудием, а именно: принятие на себя правонарушителем ответственности за случившееся. Восстановительное правосудие требует от правонарушителя, чтобы тот осознал свою вину, признался в ней, выразил раскаяние и предпринял какие-то действия с целью возмещения причиненного зла.

Восстановительное правосудие не ставит своей целью уменьшение рецидивной преступности.

Для оценки эффективности многих программ восстановительного правосудия, в том числе арбитража, применяется коэффициент рецидива. Это неудачный показатель, приводящий к необоснованным упрощенным оценкам, как, например, в случае с программой «Атлантис», ориентированной на излечение алкоголиков, где учитывается доля вернувшихся к пьянству и преступности, или с процедурами арбитража, когда учитывается участие в арбитраже и рецидивы. Есть много причин (в том числе и чисто случайных), заставляющих человека нарушить закон или снова начать пить. Попытка оценить таким образом программу «Атлантис» или арбитраж доказывает лишь отсутствие понимания динамики явлений, приводящих к возникновению своеобразной «модели» рецидива. Модель эта учитывает воздействие на позицию человека определенной программы («Атлантис», арбитраж и т.д.) в сочетании с другими элементами воздействия правосудия (например, вид и срок наказания, место и условия отбывания наказания, отношение к приговоренному других заключенных и лиц, ответственных за исполнение наказания, и т.д.), а также степень открытости общества, готового принять человека после того, как он отбудет срок наказания. Как справедливо подчеркивал Густав Радбрух, «закон резко выделяет комплекс признаков преступного действия, а судебный процесс направляет узкий луч света своего прожектора на отдельный поступок, заслуживающий наказания, – однако можно сказать, и это не прозвучит парадоксально, что нет отдельных поступков, есть только человек как единое целое, или, говоря шире: только изменчивая целостность его жизни. Пока мы будем наказывать правонарушителей, а не заниматься людьми, до тех пор справедливого карательного права не будет»⁴.

⁴ Ханс Хольцхайдер. Месть или наказание. Форум, 2004. № 31/2004. С. 35. См. также: Адам Лещинский. Образец рецидива. Политика, 2005. № 5/2005 от 5.02.05. С.76–77. Описанная в этой статье система guidelines – директив, позволяющих прогнозировать, кто повторно совершит преступление, – больше говорит о нашей склонности давать оценки, нежели о поведении конкретных лиц. Предложенная Ричардом Кер-

Восстановительное правосудие не служит решению мелких проблем.

Восстановительное правосудие не является специальной процедурой, предназначенной для рассмотрения незначительных дел, мелких преступлений и дел, когда правонарушители впервые привлекаются к ответственности.

Возможно, такая постановка вопроса приведет к одобрению новых форм разрешения споров. Это, однако, не меняет того факта, что восстановительное правосудие предлагает адекватные процедуры для решения сложных проблем и рассмотрения тех случаев, когда преступники ранее уже сталкивались с правоохранительными органами.

Восстановительное правосудие – не альтернатива тюремному заключению. Применение процедур восстановительного правосудия может, но не должно ограничивать применение тюремного заключения; восстановительное правосудие, ставя своей целью принятие подсудимым ответственности за совершенный проступок и учет интересов потерпевшего, может с равным успехом применяться параллельно с тюремным заключением.

И, что не менее важно, ***восстановительное правосудие не является ни панацеей, ни заменой действующей системы правосудия.***

Восстановительное правосудие имеет возможность различными способами оказывать положительное влияние на традиционные акты карательного правосудия. Решение вопросов в рамках процедур восстановительного правосудия и путем арбитража способно освободить органы карательного правосудия от ведения дел, которые можно легче и лучше решить методами восстановительного правосудия.

Восстановительное правосудие, однако, не задумано как средство, которому надлежит заменить традиционное карательное правосудие. У последнего есть свои границы, хотя то же самое относится и к восстановительному правосудию. Оно применимо не всегда и не во всех случаях, то есть может существовать как дополнительная система наряду с системой карательного правосудия.

Три основополагающих принципа восстановительного правосудия

Восстановительное правосудие основывается на трех принципах:

1. Право потерпевшего получить компенсацию.

ном (Виргиния) система указывает не столько, кто совершит преступление, сколько чье поведение мы склонны оценивать как преступное.

2. Получение от правонарушителя обязательства взять на себя ответственность за свои деяния и возместить причиненный ущерб.

3. Участие сторон и местной общественности в процессе, ставящем своей целью возмещение правонарушителем причиненного потерпевшему ущерба.

Восстановительное правосудие рассматривает преступление прежде всего как нанесение вреда, причинение ущерба потерпевшему, а не как в первую очередь нарушение норм уголовного права. Преступление понимается как нарушение равновесия в местном сообществе вследствие причиненного потерпевшему зла.

Восстановительное правосудие ставит во главу угла выявление и учет потребностей потерпевшего. Важнейшая задача – возместить причиненный ущерб как в реальности, так и символически.

Второй основополагающий принцип восстановительного правосудия: правонарушитель должен взять на себя ответственность за содеянное и предпринять конкретные действия, направленные на возмещение ущерба.

Больше всего проблем возникает с ответственностью. Кажется, что наша сегодняшняя культура освобождает от ответственности. Кроме того, у нас путают ответственность и реституцию с наказанием. Практически для любого периода мы можем привести примеры неоднородных стандартов, применяемых к данному лицу в зависимости не от его поступков, а от принадлежности к тому или иному классу (в прошлом) либо к той или иной социальной группе (сейчас)⁵. Осуждать и сажать –

⁵ Данный текст написан в январе 2005 года. За примерами не понадобилось далеко ходить: их легко найти практически в любое время. На этот раз политики из правящей коалиции возмущались по поводу приговора, вынесенного представителям парламентско-правительственного истеблишмента за нарушение закона, которое могло стоить жизни рядовым полицейским, – и это самый показательный пример. Политические вожди (например, Ю.Олекса, Р.Калиш) всячески подчеркивали в средствах массовой информации, что обвиняемых и приговоренных нельзя считать деморализованными личностями. Иными словами, прямо говорили, что произошла ошибка, недоразумение – ведь те не принадлежат к категории людей, которых надлежит сажать за решетку, на которых мы символически – и в основном только символически – возлагаем ответственность за нарушение закона. Позиция этих политиков не должна вызывать удивление. В польской действительности как лица, имеющие отношение к власти, так и их близкие не относятся к категории, к которой применимы нормы уголовного права. Сын бывшего президента или сын нынешнего или бывшего руководителя президентской администрации, независимо от политических предпочтений президента, практически не подлежат наказанию, что подтверждается конкретными примерами.

предназначение «других», избранных. Эти «другие» не входят в категории людей, не имеющих привилегий, не слишком состоятельных, не обладающих влиянием. Последних мы приговариваем к лишению свободы, полагая, что это удовлетворит потерпевших, станет для них утешением, суррогатом возмещения ущерба.

В центре внимания восстановительного правосудия не нарушение закона, а ущерб в результате совершенного преступления, и не наказание, а ответственность виновника за причиненное зло.

Третий основополагающий принцип восстановительного правосудия – участие и вовлеченность. Предполагается, что лицам, имеющим непосредственное отношение к делу, будет предоставлена возможность высказаться. Это касается не только преступника и жертвы, но и тех, кого так или иначе задела действия правонарушителя и причиненный потерпевшему ущерб и кто входит в число близких людей каждой из сторон или в социальный круг, в котором произошло рассматриваемое событие. Эти лица имеют право и возможность активно участвовать в процессе восстановительного правосудия.

Каково различие между процессом восстановительного правосудия и традиционным карательным процессом – если говорить об этом третьем принципе – необычайно образно показал Нильс Кристи в своей последней книге «Приемлемое количество преступлений».

«Вот только дела – если приняты во внимание все нюансы – никогда не бывают одинаковыми. Это очевидно. Оттого и в официальном правосудии *не все может быть принято во внимание*. Неизбежно из рассмотрения исключается большая часть связанных с конкретным случаем фактов с целью вычленить, сформировать казус, который можно будет посчитать подобным или идентичным уже существующим. Задача такого процесса – исключение всего несущественного. Но несущественность устанавливается догматически – с этим очень часто сталкиваются обычные люди, когда их адвокат запрещает им в суде даже упоминать о том, что они сами считают наиболее важным аргументом. Такой вид правосудия достигается путем установления границ того, что может быть принято во внимание, ибо в противном случае равенство недостижимо»⁶.

Это составляет явный контраст с восстановительным правосудием, когда обо всем, что связано с делом, решение принимают участники процесса. Им также – в отличие от обычных судебных процедур – пре-

⁶ Нильс Кристи. Приемлемое количество преступлений. Польское объединение правового образования. Варшава, 2004. С. 83–84.

доставляется возможность высказываться гораздо менее формально и каждому гарантировано сохранение чувство собственного достоинства.

В начале была практика

Мы оперируем общепризнанными понятиями: действия органов правосудия должны соответствовать принципам, заложенным в основу кодексов. Для того чтобы подвергнуть сомнению соответствие между теорией и практикой и признать необходимость изменений, нужно время, наблюдения и размышления; нужен опыт и чуткость.

Jus ripiendi как способ осуществления правосудия служит государству. Стало быть, это понятие относится не столько к наказанию, сколько к нормам правосудия. Наблюдения за практикой привели к разработке теории восстановительного правосудия. Теория эта не ставит под сомнение *jus ripiendi* государства, не призывает вернуть право мести – она заполняет пробелы, давая возможность *jus ripiendi*, осуществляемому государством, стать справедливым правосудием. Она предлагает путь к восстановлению равновесия и гармонии; задаваясь вопросом, о чем и каком правосудии, о каких нормах правосудия идет речь, настаивает на защите интересов потерпевшего, возвращает потерпевшему то место, которого он заслуживает. И делается это не случайно. Нынешняя практика показывает, что пренебрежение интересами потерпевшего может привести к серьезному кризису не только правосудие, но и государство.

Восстановительное правосудие не придумано. Оно не родилось в тиши кабинетов и библиотек – оно рождено практикой. Теории я коснулась, чтобы показать этапы ее развития и возможные теоретические варианты подхода к идее восстановительного правосудия. Смысл такого анализа я вижу в тесной связи, существующей, по моему мнению, между причинами, которые привели к развитию восстановительного правосудия в Новой Зеландии, Канаде, Австралии, Англии, и практикой, с которой мы сталкиваемся на отечественной почве.

По-моему, теорию восстановительного правосудия слишком часто рассматривают как романтический возврат к прошлому и слишком редко замечают и понимают, что и теория, и связанная с ней практика восстановительного правосудия – прежде всего реакция на нынешнее состояние правосудия, которое в недостаточной степени защищает интересы потерпевшего.

Это не означает, что теория и практика восстановительного правосудия не развились бы, если бы карательное правосудие действовало безупречно. Однако кризис традиционного карательного правосудия

безусловно привел как к ускорению развития теоретической мысли, так и к возникновению множества дифференцированных программ, опирающихся на принципы восстановительного правосудия.

Сторонники восстановительного правосудия полагают, что правовая защита интересов потерпевшего идет в паре с идеей справедливости. Это звучит едва ли не банально, ведь теоретически известно, что именно такова цель наказания преступника – компенсировать причиненное потерпевшему зло.

На практике, однако, оказывается, что как концепция наказания, так и концепция справедливого правосудия и компенсации подвергаются изменениям. По мере развития карательного права потерпевшему – с тех пор, как его место заняло государство, – отводилось все более скромное положение, нередко его роль (как в американском правопорядке) ограничивалась всего лишь ролью свидетеля. Восстановительное правосудие возвращает причитающееся потерпевшему место.

Похоже, что вместо того, чтобы сокрушаться по поводу статистики рассматриваемых формально, «для галочки», дел, следует позаботиться о благе людей, чьи дела попадают в суд. Тогда (и тут нет никакого чуда), вероятно, и статистика эта улучшится. От статистики «улаженных» дел пора перейти к статистике людей, знающих, что в судах серьезно относятся к таким понятиям, как причиненное зло и справедливость.

От ресоциализации к ретрибуции

Разочарование в ресоциализации наблюдается с начала 70-х годов прошлого века. Переломным моментом считается опубликованная в 1974 году статья Роберта Мартинсона «Что эффективно; вопросы и ответы относительно тюремной реформы». Со временем эта статья дала толчок развитию идеи, получившей название доктрины «Nothing works» – «Ничто не эффективно».

В конце 70-х годов XX века было сочтено, что наказание, ставящее своей целью исправление преступника, не способствует его ресоциализации и не запугивает. Также был сделан верный вывод о том, что наказание как средство, удовлетворяющее потерпевших, себя не оправдывает. Нельзя отождествлять долговременное тюремное заключение правонарушителей с удовлетворением потребностей потерпевших и возмещением понесенного ими ущерба. Однако это не повлияло на изменение отношений государство – правонарушитель – потерпевший и не ввело в карательный процесс принципа реституции. Зато были ликвидированы как несправедливые неограниченные наказания, обосновываемые процессом ресоциализации. Кроме того, в особенности в США, была поставлена под со-

мнение политика условного освобождения как поощряющая неравенство, и такую меру наказания существенно ограничили.

Вместо ресоциализации была введена доктрина справедливого возмездия – *just desert*, объединяющего идею расплаты/мести с идеей правосудия. Главное при назначении меры наказания – не задачи ресоциализации, а масштаб причиненного зла. Отсюда понятие *just desert* – столько, сколько тебе причитается.

На практике эта концепция привела к значительному сокращению сроков тюремного заключения в тех странах Западной Европы, где были отменены неограниченные наказания и увеличение сроков изоляции осужденных ради их ресоциализации. Одновременно в этих странах получила развитие неизоляционная система наказания.

Применение *just desert* в Соединенных Штатах повлекло за собой существенное ограничение института *parole* (эквивалент условного досрочного освобождения) и введение в начале 90-х годов XX века политики *three strikes and out*, которая допускала при третьем нарушении закона долготее тюремное заключение вплоть до пожизненного, что привело к бурному развитию строительства пенитенциарных учреждений и появлению двух с лишним миллионов заключенных⁷. Последствиями этой политики стали брутализация общественной жизни и прогрессирующее отмирание гражданского общества.

По другую сторону зеркала, или новаторская идея Мишеля Фуко

Теориям ресоциализации, а затем и возрождению идей ретрибуции сопутствовало третье течение, касающееся теории карательной политики. Значительно менее заметное в области практики, оно имеет столь же важное значение, сколь и вышеназванные теории. Начало ему в 70-х годах XX века положили работы Мишеля Фуко, требующие пересмотра взглядов на основы и цели практически применяемых методов наказания.

Фуко доказывает, что институты, деятельность которых не соответствует поставленным перед ними целям, изживают себя и сходят со сцены общественной жизни. Если они продолжают существовать несмотря на то, что не выполняют официально возложенных на них задач, то не в силу привычки, а потому, что исполняют иные – скрытые,

⁷ Не исключено, что на введение такого закона повлияло лоббирование со стороны широко развитого бизнеса, связанного со строительством и обслуживанием тюрем. О лоббировании производителями оружия и боеприпасов в США см.: *Моника Платек*. Новый закон о предотвращении преступности в Соединенных Штатах Америки (*Crime Bill and its chances to Prevent Crimes in the USA*) // Государство и право. 1995. № 3. С. 64–71.

неофициальные – задачи. Официальные цели служат лишь маскировкой целей фактически осуществляемых. Теоретические рассуждения по поводу наказания чаще всего связаны с официальными целями, не имеющими значения для практики. Поэтому неудивительно, что общественность, видя, что официально поставленные уголовными кодексами задачи не выполняются, постоянно требует проведения реформ. Наказание – и особенно тюремное заключение – не пугает, не способствует ресоциализации и не приводит к общему уменьшению преступности. Ибо, как утверждает Мишель Фуко, не такова его задача. Тюремное заключение, как и вообще все правосудие, – лишь предлог для демонстрации *jus puniendi* теми, в чьих руках власть. Оно служит не возмещению ущерба и причиненного зла, а запугиванию.

Фуко с подозрением относится к утверждению, что с течением времени, параллельно с общественными переменами, происходит значительная гуманизация мер наказания. Он решительно не согласен с мнением, будто современная пенитенциарная система считается гуманной лишь потому, что в старину людей жгли на кострах. Это сравнение некорректно, ибо понятие гуманизации должно быть увязано с нормами жизни. Так можно прийти к заключению, что сегодняшняя тюрьма не менее жестокое наказание, чем вчерашний костер.

Верность суждений Фуко подтверждают аргументы историка права Петера Сперенбурга и криминолога Нильса Кристи. Оба они независимо друг от друга критически относились к идее прогрессирующей со временем гуманизации мер наказания.

Действительно ли более гуманно, спрашивает Кристи, на 10 лет лишить человека свободы, чем отрезать ему палец? Действительно ли, сомневается Сперенбург, можно считать прогрессом расширение строительства невидимых глазу темниц в эпоху, когда публичные экзекуции перестали забавлять людей, а напротив, вызывают их возмущение? Какое отношение к гуманизации имеет использование рабочей силы заключенных, которых прежде – во имя той же самой гуманизации – безжалостно казнили на площадях? Почему речь о гуманизации заводят преимущественно тогда, когда нужно продемонстрировать мощь властей предрержащих? И что общего у всего этого с пророческими целями наказания, провозглашаемыми философами в отрыве от реалий общественной и политической жизни и экономики?⁸

⁸ Мишель Фуко. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. Варшава: Алетейя-Спадия, 1993; Нильс Кристи, Петер Сперенбург *The broken spell. A cultural and anthropological history of preindustrial Europe*. New Brunswick, Rutgers University Press, 1991.

Фуко не отрицает философский смысл дебатов, посвященных целям наказания, но четко указывает на их отрыв от практики.

Со времен Фуко общественные науки коренным образом изменились. Фуко ввел новый подход к размышлениям об обществе. Начиная с него, стали изучать и учитывать не только то, что декларируется, но и то, что реально осуществляется.

Коротко о долгом прошлом восстановительного правосудия

Ретрибуция и ресоциализация – не новость. Они издавна сопутствуют правосудию. Не иначе обстоит дело и с компенсацией. Она не изобретена восстановительным правосудием. Восстановительное правосудие лишь возвращает компенсации и потерпевшему надлежащее место (которые они раньше занимали), по меньшей мере наравне с ретрибуцией и ресоциализацией.

Элмар П.М. Вайтекамп, описывая историю восстановительного правосудия, ссылается на работы Рэя Михаловского, который решительно разграничивал два вида обществ: ацефаличные, то есть свободные от государственности, и общества, организованные в рамках государства⁹.

В своей популярной книге «Порядок, закон и преступление» («Order, Law and Crime») Михаловский доказывает, что существовавшие 30 000 лет назад клановые сообщества, независимо от того, оседлый или бродячий образ жизни они вели, предпочитали скорее мирные способы разрешения споров, а поскольку были небольшими и опирались на экономическую кооперацию, тяготели к эгалитарности¹⁰.

Михаловский утверждает, что из-за своей немногочисленности и взаимозависимости этим обществам должна была быть присуща менее выраженная тенденция к эгоистическим действиям и к неформальному разрешению споров, ведущему к возмещению ущерба. Развивая свою мысль, Михаловский, к счастью, избегает ошибки Жан-Жака Руссо (1712–1778). Последний, оспаривая взгляды на человеческую природу Томаса Гоббса (1588–1679), утверждал, что людям, пребывающим в естественном состоянии, были свойственны бескорыстие, незлобивость и беззаботность. Сформировавшегося в естественных условиях благородного дикаря цивилизация по мере своего развития

⁹ Elmar G.M. Weitekamp. The history of restorative justice // A restorative justice reader. Texts, sources, context. Ed. By Gerry Johnstone. Willan Publishing. Plymouth, 2004. P. 111–125.

¹⁰ Ray J. Michalowski. Order, law and crime. New York: Random House, 1985.

склоняла к алчности, страху и насилию¹¹. Подобные рассказы трогательны, жаль только, что в наши дни они звучат наивно и больше смахивают на сказки. Как археологические, так и антропологические исследования не оставляют иллюзий. Жестокие методы разрешения споров, внутренняя борьба и взаимоуничтожение – не вымысел последних тысячелетий. На основании этнографических исследований установлено, что конфликты, произвол, месть, ревность, стремление к господству и коллективное насилие входят в перечень общечеловеческих понятий¹².

Таким образом, прав Михаловский, который в числе способов разрешения конфликтов назвал поочередно: (1) кровную месть, (2) расплату, (3) ритуальное возмездие, (4) реституцию.

Дело в том, что в современных уголовных кодексах кровная месть, расплата и ритуальное возмездие постепенно слились воедино в по-разному обосновываемое возмездие, а вот реституции места не нашлось, хотя раньше она там присутствовала и имела не менее важное значение.

Реституция, вероятно, была достаточно распространена, на что указывает семантическое значение слова, суть которого сегодня мы понимаем иначе, приравнивая его к кровной мести. В понятие «расплата» входит цена, вознаграждение, деньги. Хотя сегодня, говоря о расплате, мы чаще всего подразумеваем месть, хорошо было бы вернуться к этимологии и первоначальному основному смыслу этого слова – то была явно не кровная месть, а возмещение ущерба, упорядочивание взаимоотношений, создание условий, которые не разбивали общество и группы и способствовали их выживанию и дальнейшему развитию.

Главные функции восстановительного правосудия

Л.Надер и Э.Комбс-Шиллинг говорят о шести главных функциях восстановительного правосудия. Восстановительное правосудие (1) позво-

¹¹ *Стивен Пинкер*. *Tabula rasa*. Споры о человеческой природе. Гданьск: Гданьское психологическое издательство, 2005. С. 22–23.

¹² Известные описания Маргарет Мид миролюбивых обитателей Новой Гвинеи и отверженных сексуальной свободе самоанцев опирались на поверхностные наблюдения и оказались почти полностью ошибочными, что со временем доказали повторные, более глубокие исследования Дерека Фримана. Элизабет Маршалл, изучавшая живущее в пустыне Калахари племя бушменов кунг, назвала его «добродушным народом», однако после длительного и тщательного изучения оказалось, что в жизни этого племени присутствует насилие. Антропологи, которые прожили в тех краях достаточно долго, чтобы досконально изучить местные обычаи и собрать достоверные данные, установили, что показатель убийств среди членов племени кунг выше, чем в самых бедных районах американских городов.

ляет избежать дальнейшей эскалации конфликта, (2) способствует более быстрому возвращению правонарушителя в общество, (3) удовлетворяет потребности потерпевшего от преступления, (4) возвращает былое значение основополагающим общественным ценностям, успешно прививает членам общества обязательные для исполнения нормы, предлагает процедуры судопроизводства в случае нарушения общепринятых правил¹³.

Если рассматривать преступность как проявление распада существующих в обществе связей, формальная реакция не ведет к их восстановлению. Для восстановления связей необходимо примирение, а с этим в карательном правосудии дело обстоит очень плохо. Поэтому Михаловский считает, что применение развитых современных технологий затрудняет достижение того, что может быть достигнуто простыми методами, основанными на межличностных контактах.

Парадокс? Только на первый взгляд. Использование техники и новых технологий служит не столько примирению, сколько преследованию и наказанию правонарушителей. Этому сопутствует неравномерное распределение средств воздействия. Преследованию подвергаются не все, а лишь избранные нарушители закона. Решающим является не сам факт нарушения закона, а принадлежность к группе, чье предназначение – быть судимой и «сидеть». В результате это приводит к уменьшению доверия к закону как элементу, цементирующему общество и общественные нормы.

Восстановительное правосудие позволяет подвергнуть критическому анализу структуры осужденных и верифицировать принцип всеобщего равенства перед законом.

Для иллюстрации приведу ряд примеров. Австралийские аборигены составляют 1% нынешнего населения страны и 30% отбывающих тюремное заключение. Только их в Австралии принудительно отправляют на поселение. Долгое время у них насильственно отбирали детей, и лишь недавно это признали бесчеловечным и незаконным. Также было признано, что статистика применения тюремного заключения отражает не тенденцию к нарушению закона, а дискриминационную тенденцию отправлять за решетку людей из-за способа их поведения¹⁴.

¹³ L. Nader, E. Combs-Schilling. Restitution in cross-cultural perspectives // J. Hudson, B. Galaway (eds.) Restitution in Criminal Justice. Lexington MA: Lexington Books, 1977. P. 34–35.

¹⁴ Jenny Barga, Director, Youth Justice Conferencing, New South Wales, Department of Juvenile Justice, Australia, 2005; Regulating Police Discretion: An Assessment of the Impact of the New South Wales Young Offenders Act 1997 Paper from 'Building a Global Alliance for Restorative Practices and Family Empowerment, Part 3', the IIRP's Sixth International Conference on Conferencing, Circles and other Restorative Practices, March 3–5, 2005, Penrith, New South Wales, Australia.

В Новой Зеландии преобладающее большинство в тюрьмах составляли маори, что в 70-е годы XX века привлекло внимание властей и заставило вернуться к традиционным методам маорийского восстановительного правосудия. В 1989 году был принят закон (The Children, Young Persons and their Families Act¹⁵), вводящий конференции восстановительного правосудия как равноправную с процедурами карательного правосудия форму рассмотрения уголовных дел несовершеннолетних. Со временем этот закон распространился на всех несовершеннолетних, а сейчас он может применяться и по отношению к взрослым¹⁶.

В Соединенных Штатах чернокожих граждан в тюрьмах в пять раз больше, чем в учебных заведениях. В стране, где представителей иных, нежели белая, рас около 16%, количество чернокожих среди заключенных превышает 70%¹⁷.

Случайность? Нет. Однако кто-то может сказать, что это трудно назвать проявлением дискриминации *sensu stricto*¹⁸ – ведь, в конце концов, в тюрьму отправляют тех, кто признан виновником преступления. Это верно. Однако приведенные примеры свидетельствуют о том, что решение о лишении свободы сплошь и рядом носит дискриминационный характер: к тюремному заключению приговаривают представителей наиболее слабой в политическом, общественном и зачастую финансовом смысле части населения.

Восстановительное правосудие, таким образом, позволяет не только учитывать реальные потребности потерпевшего и возлагать на правонарушителя ответственность за содеянное. Оно также действует как лакмусовая бумажка на систему, вынуждая изучать ее и оценивать с учетом интересов клиентов, что в рамках общего правосудия происходит лишь выборочно.

Подведение итогов

Посредничество, конференции восстановительного правосудия, соглашение между преступником и жертвой, примирение – все эти

¹⁵ Дети, молодежь и семейное законодательство (англ.).

¹⁶ Shannon Pakura, Chief Social Worker New Zealand Department of Child, Youth and Family Services Wellington, New Zealand (2005) The family Group Conference 14-Year Journey: Celebrating the Successes, Learning the Lessons, Embracing the Challenges. Paper from 'Building a Global Alliance for Restorative Practices and Family Empowerment, Part 3', the IIRP's Sixth International Conference on Conferencing, Circles and other Restoratives Practices, March 3-5, 2005, Penrith, New South Wales, Australia.

¹⁷ Jean-Guy Allard. Is this Australia's future? The US «prison industry» exposed. Guardian. August 22, 2001.

¹⁸ В узком смысле (лат.).

формы восстановительного правосудия уже присутствуют в польском правосудии. Теоретическая сторона проблемы ранее обсуждалась в польской литературе. В последнее время польский читатель получил возможность подробнее ознакомиться с взглядами Джима Конседина и Нильса Кристи.

«Если кому-то причинено зло, он хочет отомстить, и в этом нет ничего предосудительного. Иногда месть исцеляет, иногда – нет. Не потому, что удовлетворяет потребность в возмездии – как правило, этого не случается, – а потому, что наказание демонстрирует солидарность с жертвой»¹⁹.

Если бы Иану Филипу Реетсма, которого 33 дня продержали в заложниках на цепи в маленьком темном подвале, и жестоко изнасилованной Элис Себолд предоставили возможность не только требовать возмездия, но и воспользоваться процедурой восстановительного правосудия, что бы они сделали? Воспользовались бы ею?

Реетсма и Себолд не скрывали острого желания взглянуть в глаза преступнику, поговорить с ним. Однако такой возможности у них не было. Выбирать не приходилось.

Долгое время после судебного процесса, после того, как преступникам был вынесен приговор, Реетсма и Себолд продолжали носить на себе клеймо жертв преступления. И ощущали невозможность возвращения к нормальной жизни.

Восстановительное правосудие – не панацея от любого зла. Однако эта процедура создает условия, помогающие жертве преступления вернуться к полноценной жизни.

Вместо наложения на правонарушителя символической ответственности, каковой является наказание, восстановительное правосудие позволяет предпринимать реальные действия и открывает возможность для реституции. Таким образом у правонарушителя появляется шанс интеграции с обществом, а жизнь и жертвы, и преступника, и всего общества может качественно улучшиться.

С точки зрения цивилизации месть недопустима, поскольку, в противном случае, она запустит механизм эскалации, которую вряд ли удастся обуздать.

Перевод с польского К. Старосельской

Лев Левинсон

О вредном влиянии суда на юношество

Российские криминалисты конца XIX – начала XX веков, рассматривавшие последствия принятия Закона 1897 года о малолетних и несовершеннолетних преступниках, пришли к неутешительному выводу: закон не решил основной задачи, а именно – не устранил вредное влияние суда на юношество¹. Высказывание чрезвычайно глубокое, пусть даже авторы и не вкладывали в него того обобщения, которое в нем звучит.

Но именно официальные институты, профессиональные суды и дипломированные психологи, состоящие на государственной службе, есть, как видится, наихудшие из лекарств, которые применяют для того, чтобы обратить на путь истинный («социализировать») детей.

Такому неприятию судебных и иных официальных процедур в отношении подростков созвучны Эр-Риядские руководящие принципы предупреждения преступности среди несовершеннолетних, принятые Генеральной Ассамблеей ООН 14 декабря 1990 года. Вступили или не вступили молодые люди в конфликт с законом, не это важно, – говорится в преамбуле этого документа. Важно другое: они «брошены родителями, лишены внимания, подвергаются жестокому обращению, риску злоупотребления наркотиками, находятся в обстоятельствах маргинальности, а также в целом пребывают в социально опасном положении». Именно поэтому, утверждается в Принципах, «определение молодого человека как «нарушителя», «правонарушителя» или «начинающего правонарушителя» во многих случаях способствует развитию устойчивого стереотипа нежелательного поведения у молодых людей».

Помочь ребенку не сломаться и состояться способны лишь семья, община, общность единомышленников, люди, заслуживающие его доверия, с которыми ему интересно и которые, главное, не обладают по

¹ См.: *Бабуркин А.В.* Настольная книга юриста-ювеналиста. М., 1999. С. 8.

отношению к нему властными полномочиями. «Официальные учреждения социального контроля должны использоваться лишь в крайних случаях». Так говорится в Принципах.

Ювенальная юстиция продвигается в России пока на общественном энтузиазме. Ее адептов нет нужды убеждать в том, что код ювенальной юстиции должен быть восстановительным и реабилитационным. Опасность, однако, в том, что будучи перехваченным государством, строение ювенальной юстиции, прежде всего, судопроизводства по делам несовершеннолетних станет той же бюрократической системой, нивелирующей и подавляющей личность, антитезой которой оно, вроде бы, должно было по замыслу стать. Дело не в вывеске – есть в России ювенальные суды или их нет, а в том, будут ли это помогающие молодым людям и воспринимаемые ими общественные службы, которые лишь поддерживаются государством, или это будут казенные учреждения, определяющие юношей и девушек в казенные дома к казенным «дядькам».

Не восторжествует ли, как это обычно бывает, индустриальный подход к детям как к материалу для новой системы органов, требующих топлива? Не станут ли суды по делам несовершеннолетних и, шире, ювенальная юстиция, новой человекоемкой машиной, поглощающей подростков в большем объеме, чем на то оказываются способны неспециализированные органы?

Эти вопросы стоят особо остро при знакомстве с первым официальным законопроектом в сфере ювенальной юстиции, вот уже несколько лет находящимся на рассмотрении Государственной Думы.

Это проект федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», внесенный в декабре 2000 года группой депутатов третьего созыва и принятый в первом чтении 15 февраля 2002 года.

Проектом решается лишь общий, базовый вопрос о существовании специализированных детских судов. Конституционный закон дополняется статьей, указывающей, что «для осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних в качестве системы специализированных судов создаются ювенальные суды в системе судов общей юрисдикции. Ювенальные суды в пределах своей компетенции рассматривают дела, хотя бы одним из участников в которых является несовершеннолетний, в качестве суда первой и второй инстанции, в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. Полномочия, по-

рядок образования и деятельности ювенальных судов устанавливаются федеральным конституционным законом.»

Помимо нескольких юридических недоумений, порождаемых этим текстом (прежде всего, относительно пределов подсудности дел ювенальным судам, оказывающихся, при такой формулировке, безразмерно широкими), прочтение пакета документов, сопровождающих законопроект, наводит на ключевой вопрос о направленности такого судопроизводства. Так, в пояснительной записке говорится об одной из основных целей специализации детского правосудия – обеспечении «более ранней профилактики преступности». По мысли авторов проекта, это должно воплощаться в рассмотрении ювенальными судами дел «о детях, находящихся в ситуации опасности, еще не совершивших правонарушение или преступление».

Что это за дела, на каком основании и кто будет их рассматривать? Чиновник-судья с чиновником-психологом? И кто эти дети? «Трудные подростки»? Дети улиц? Дети, курящие марихуану? Те дети, что еще не вовлечены сегодня в орбиту юстиции? Одно дело – пробуждение у них позитивного интереса, когда общественная организация в качестве наказания за кражу или за драки наказывает подростка спортклубом, джаз-бендом, походами на байдарках, и даже ребенок-убийца может найти не надзирателя, а наставника, и будет жить с ним на пасеке. Другое – наказание, но «реабилитационное», по особым правилам. Взрослых, скажем, плетями, а детей – розгами. Помещение не в тюрьму, а в другое закрытое заведение.

Почитая тех, кто, видя, как перемалывает детей традиционное правосудие, бьется за ювенальную юстицию, рискуя писать это не потому, что предпочитаю оставить все, как есть, а потому, что очень не хочется получить в результате все тот же «автомат Калашникова».

Анна Лебедева

Начало...

Сколько уже копий сломано вокруг судебной реформы, а дискуссия о том, какой она должна быть, продолжается. Мне запомнилось выступление перед журналистами на семинаре гильдии судебных репортеров заместителя председателя Верховного суда Владимира Радченко. Он рассказывал о своей недавней поездке в Англию, где знакомился с судебной системой. В одном из судов ему случилось присутствовать на рассмотрении самого обычного дела: группа школяров решила отметить в пабе успешную сдачу экзаменов. Выпили лишнего, затеяли драку, переросшую в форменный дебош, и слегка поколотили подоспевший наряд полиции. Ничего примечательного в этой истории нет, но российского законника в высоких чинах поразил приговор. Судья учел чистосердечное раскаяние проспавшихся школяров, а также возмещение их родителями материального вреда, причиненного пабу, и назначил наказание в виде лишения свободы сроком... на один месяц.

– Так в Англии берегут свою молодежь, у нас бы бузотерам впяли будь здоров!

И Радченко перечислил все статьи, по которым пацанов на много лет упекли бы за решетку: злостное хулиганство, совершенное группой лиц, избиение сотрудников милиции, находящихся «при исполнении», и так далее. Года по три-четыре им бы точно дали, а то и все пять... Какие бы жизненные «университеты» прошли ребята в колонии, говорить, наверное, не стоит...

Значит, мы свое молодое поколение не бережем? Получается, что так. Не случайно Россия занимает второе место в мире по числу заключенных на душу населения (уступая только США). Так нужна ли нам

реформа судебной системы, в первую очередь той, которая занимается несовершеннолетними правонарушителями?

Думаю, ответ очевиден: Россия просто обязана привести ювенальную юстицию в соответствие с нормами международного права, Конвенцией о правах ребенка, Минимальными стандартными правилами ООН, касающимися отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, и другими документами ООН, которые подписала наша страна. Не говоря уже о том, что гуманизация судебной системы отвечает нашим национальным интересам.

Но для начала ювенальную юстицию надо создать...

Первый ювенальный суд в новейшей российской истории появился в Ростовской области, в городе Таганроге. До Великой Октябрьской революции специальные суды, рассматривающие только дела несовершеннолетних, на Дону тоже были, в отличие от многих других российских губерний, – так что связь времен явно прослеживается... Причем сегодня инициатива создания ювенальных судов исходила от самого судебского сообщества. В течение трех лет Ростовским областным судом и Управлением судебного департамента при поддержке Программы развития ООН в Российской Федерации (ПРООН) внедрялся пилотный проект «Поддержка осуществления правосудия в отношении несовершеннолетних».

Вот что рассказывает об этом проекте Елена Леонидовна Воронова, судья Ростовского областного суда¹:

«Суть проекта состояла в том, чтобы внедрить в нашу систему правосудия, при отсутствии специального закона о ювенальной юстиции, элементы опыта европейских стран, Канады и США. Прежде всего мы начали работать с судьями, ведь кроме знаний законов, они должны еще быть хорошо подготовлены в области подростковой психологии и педагогики. А главное, это должны быть справедливые, чуткие люди, понимающие сложные жизненные ситуации, в которые попадают подростки зачастую помимо собственной воли. Для них вынести приговор – не главное, они преследуют другую цель – не покарать, а попытаться решить проблемы подростка с помощью социальных служб. Поэтому во время эксперимента в судах Ростовской об-

¹ А также соучредитель и член Совета общественной организации «Ювенальный центр» (полное название: «Региональная ассоциация специалистов по поддержке судебно-правовой реформы и ювенальной юстиции в Ростовской области»), доцент Ростовского филиала Российской академии правосудия.

ласти были созданы новые должности – помощника судьи с функциями социального работника. И после того, как проект завершился, они остались работать в судах. Эти специалисты изучают личность ребенка, семью, в которой он вырос, его ближайшее окружение, отношения со сверстниками. Вся это помогает судье глубже изучить дело и принять правильное решение. И если было совершено нетяжкое преступление (тем более, в первый раз) – не выносить обвинительный приговор, связанный с лишением свободы. Возможно, ребенка из неблагополучной семьи, где он вряд ли сможет исправиться, или попавшего под влияние плохой компании, откуда ему трудно будет вырваться, лучше направить в воспитательное учреждение закрытого типа. Значит, судья должен знать, что это за учреждения, какие там созданы условия для перевоспитания... К этой сложной аналитической работе обязательно привлекается психолог.

Мы хотим выстроить систему взаимодействия ювенальных судов и социальных служб. У нас есть законодательство, которое предписывает этим службам заниматься профилактикой безнадзорности и правонарушений среди подростков, и, если они не выполняют эту работу, судья должен вынести частное постановление в их адрес, дать поручение службам профилактики составить программу воспитательной работы с подростком и сделать ее руководством к действию. Во всем мире им в этом помогают волонтеры из общественных организаций (вспомните, у нас тоже к трудным подросткам прикреплялись общественные воспитатели из числа мастеров-наставников). Думаю, и у нас немало таких неравнодушных людей, которые возьмутся за это трудное дело – помогать споткнувшимся подросткам встать на ноги, найти себя и свою дорогу в жизни».

Сейчас «Ювенальный центр» начинает новый проект, на этот раз российско-канадский. Его цель – попытаться перенести на нашу отечественную почву опыт Канады по работе с несовершеннолетними правонарушителями уже после вынесения судебного решения. Она достаточно эффективна. В монреальском ювенальном суде, например, работает три работника пробации, которые следят за исправлением подростков после суда. Конечно, они не смогли бы справиться сами, без помощи 20 общественных организаций, получивших право заниматься этой работой. Фактически работники пробации только координируют и, при необходимости, контролируют работу общественных

организаций. Среди волонтеров есть и такие, кому доверяют сопровождать подростка в суд – одни провожают в суд мальчиков, другие девочек и помогают ребенку пережить этот стресс с наименьшими последствиями для неокрепшей психики.

Возможно, именно в этом, в поддержке всего общества, секрет успеха канадских офицеров PROBATION? И неудач наших инспекторов по делам несовершеннолетних? Как он, один инспектор, может справиться с десятками трудных подростков? А помочь ему пока некому: гражданского общества с разветвленной сетью всевозможных фондов, благотворительных, некоммерческих организаций у нас еще нет.

Нет, по сути дела, и ювенальной юстиции, – ведь это не только ювенальное правосудие (специализированные суды для несовершеннолетних), которое у нас только-только начинает появляться, но еще и огромный спектр социальных и общественных служб в помощь подрастающему поколению. Когда они у нас появятся, сказать трудно, но, похоже, увы, не скоро.

«Помещение несовершеннолетнего в какое-либо исправительное учреждение всегда должно быть крайней мерой, применяемой в течение минимально необходимого срока».

Ст. 19 «Минимальных стандартных правил Организации Объединенных наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» (Пекинские правила).

Оправдывают ли себя более мягкие приговоры? Это вопрос я задала судье ювенального суда города Таганрога Виталию Игоревичу Быкину. Вот его мнение:

«Я считаю, что в большинстве случаев это оправданно. Если подросток поддался уговорам или не посмел послушаться «приказа» старших товарищей и забрался в чей-то гараж, вытащил оттуда запчасти, то я даю ему шанс исправиться. Отправляю под наблюдение комиссии по делам несовершеннолетних. На днях несколько подобных дел были прекращены до вынесения приговора, это значит, что подростки не получили судимости. В их биографии не будет этого позорного, как у нас принято считать, пятна, если только они сумеют остановиться, не совершат новые правонарушения. Правда, за год работы ювенальным судьей у меня было только два таких случая. Одного парня уже после прекращения дела несколько раз в позднее время в рестора-

не пьяным задерживала милиция. Пришлось пересмотреть его дело, он получил срок, но пока условный, с отсрочкой исполнения наказания. У него есть еще время подумать и взяться за ум.

Другого подростка пришлось отправить в спецшколу – воспитательное учреждение закрытого типа в Чертковском районе Ростовской области. Прежде об этой школе отзывались не очень лестно, по сути, это была полутюрьма, но теперь, как рассказывают возвращающиеся домой ее воспитанники, в спецшколе совсем другие порядки. Ребятам там нравится: хорошее отношение со стороны учителей и воспитателей, очень много спортивных, технических, художественных секций и кружков. Многие оттуда не хотят уезжать, тем более, что некоторым уезжать некуда. Парень, которого я туда направил, дома никому не нужен: семья неблагополучная, мать пьет и все время рождает новое пополнение ораве голодных детей. Не вырвавшись из этой обстановки, он не сможет исправиться».

Таганрогский ювенальный суд рассмотрел в 2004 году 109 дел в отношении 141 подростка. Десять из них, совершивших тяжкие преступления, получили реальные сроки лишения свободы, к исправительным работам приговорены условно четырнадцать человек, в отношении еще девятнадцати применены принудительные меры воспитательного воздействия согласно ст.90 УК РФ, семь человек освобождены от наказания путем помещения в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа Министерства образования. В отношении шестнадцати подростков дела были прекращены за примирением сторон.

Для сравнения: в 2002 году, до открытия в городе ювенального суда, в Таганроге было рассмотрено 107 дел в отношении 157 подростков, 41 из них были приговорены к реальному лишению свободы. Исправительные работы условно не получил никто, и ни один подросток не был направлен в учебно-воспитательные учреждения закрытого типа. А освобожден от ответственности за примирением сторон только один несовершеннолетний правонарушитель.

Почему первый в новой, демократической России ювенальный суд появился именно в Таганроге с его тремястами тысячами жителей, а, например, не в миллионном Ростове? Потому что администрация Таганрога выделили суду прекрасное помещение – крепкий двухэтажный особнячок в центре города. После ремонта он очень стал похож на монреальский ювенальный суд, только размерами, конечно, поменьше. В зале судебных заседаний нет привычной «клетки», новая мебель светлого дере-

ва под цвет стен радует глаз и никак не вызывает того безотчетного страха, который появляется у всякого, кто переступает порог «взрослого» суда. Сотрудники ювенального суда не хотят вызвать шок, нанести психическую травму, наконец, просто испугать... Они хотят вразумить. Этой цели все и подчинено – и обстановка, и доброжелательная атмосфера в кабинетах судей и социального работника, и в зале заседаний, и в комнатах адвокатов, которым здесь тоже выделены помещения для «постоянного базирования». Для общественных организаций – помощников суду и самим подросткам – место тоже зарезервировано.

В июне ювенальный суд должен открыться в городе Шахты; а вот ростовская мэрия все никак не найдет подходящее помещение. Это не значит, что в Ростове нет судей, занятых исключительно рассмотрением дел несовершеннолетних. Они есть в каждом районном суде, как и помощники судей с функциями социальных работников. Однако, собрав всех вместе, можно было бы наладить их работу гораздо эффективнее.

Объединяться, действительно, нужно – всем, кто хочет работать в ювенальной юстиции.

Для всех, кого волнует эта проблема, ростовский «Ювенальный центр» скоро откроет информационный портал в Интернете, который так и будет называться: «Ювенальная юстиция в России».

Эти благородные идеи реформы судебной системы, в первую очередь, ювенальной, ее гуманизации, все равно пробьются, как трава через асфальт...

В качестве послесловия – еще две цитаты² ...

«Наше специализированное управление состоит из семи тысяч человек. В основном это воспитатели, люди, получившие специальную подготовку и постоянно работающие с несовершеннолетними. Они сразу после принятия судом решения о том или ином наказании подростка вступают с ним в контакт и как можно более тесно общаются для того, что обеспечить воспитательную или восстановительную программу. Французское законодательство не снимает с судьи ответственности за судьбу несовершеннолетнего даже после вынесения судебного решения. Остается ли несовершеннолетний в рамках своей семьи, пере-

² Фрагменты выступлений на международном семинаре в Ростове-на-Дону В. Губо, сотрудника Управления судебной защиты молодежи Министерства юстиции Франции, и П. Рив, специалиста по ювенальной юстиции, Швейцария.

водится ли он в приемную семью или в какое-то специализированное учреждение, воспитательные работники должны регулярно подавать судье отчеты о том, как ребенок адаптируется к новым условиям и как проходит процесс его перевоспитания.

В зависимости от рекомендаций судьи мы разрабатываем специальную программу мер, которая согласовывается с самим подростком. И он сам, и его родители могут в любой момент обратиться к судье с просьбой эти меры пересмотреть и назначить другие. Довольно часто применяются промежуточные воспитательные меры, предположим, на полгода, чтобы проследить, насколько изменения в поведении подростка соответствуют тем, что мы ожидали. В зависимости от этого принимается окончательное решение, в каком направлении двигаться.

Воспитатель всегда остается для подростка-правонарушителя старшим товарищем. Он, конечно, не приятель, с которым можно поиграть, не родитель, который от подростка что-то требует, а именно товарищ – старший и более опытный, направленный к нему для того, чтобы помочь ему вырваться из неприятной ситуации. Когда ребенок по решению судьи остается в семье, воспитатель должен приходить в эту семью раз в неделю или каждый день – в зависимости от того, как потребуют обстоятельства. Он должен встречаться с подростком и его родителями, учителями или руководителями, если подросток работает, и постоянно на основе своего педагогического опыта вносить коррективы и помогать ребенку.

Другая распространенная ситуация, когда ребенка по решению судьи помещают в специализированное учреждение для правонарушителей или же для тех детей, которые находятся в неблагоприятной жизненной ситуации. В былые времена эти учреждения могли принимать сотни подростков, но после 1945 года в них в среднем воспитывается десять несовершеннолетних, и на них приходится примерно столько же воспитателей и других взрослых сотрудников. Как правило, эти учреждения являются смешанными, то есть для обоих полов. Однако, учитывая, что психология 11-летнего подростка разительно отличается от психологии 16-летнего, учреждения разбиваются по возрастным группам: в одном живут дети 11–13 лет, в другом – 13–15 и т.д. Сейчас рассматриваются новые модели аналогичных заведений, где в одном доме будет не больше шести подростков и на них будет приходиться шесть воспитателей. Это будут учреждения для подрост-

ков, которые полностью потеряли ориентацию в мире и вообще не имеют представления, что такое норма, что такое подчинение какому-то закону. Этим абсолютно дезориентированным людям надо помочь в течение трех месяцев хотя бы осознать себя, свое место в обществе, чтобы потом их можно было перевести в другие, более обычные учреждения.

Однако я хочу подчеркнуть, что речь не идет о заключении под стражу в общепринятом понимании. Эти учреждения носят относительно открытый характер, мы не закрываем их на ключ, и любой из этих подростков может убежать оттуда. Мы исходим из главного нашего принципа: основное в работе с несовершеннолетними – это их воспитание. Такую возможность побега мы даже иногда предвидим и включаем в программу воспитательной работы. Это не значит, что мы подталкиваем или содействуем этому. Нет, конечно. Но если это побег, значит, мы должны подумать о том, что этот подросток своим бегством хотел сказать, что тут у нас не совсем нормально. Представьте себе, что причиной побега явились тесные взаимоотношения с семьей и что ребенок тяжело переживает разлуку с близкими. Возможно, когда судья выносил решение, отношения подростка с родителями были прохладными, но со временем его снова потянуло в семью. А потом, не каждому ребенку удастся психологически адаптироваться в группе из 10–12 человек.

А возможно, у него назревает конфликт с кем-то из персонала. Мы специально предоставляем подростку возможность убежать, чтобы не доводить до какого-то психологического или психического срыва.

Примерно треть таких специализированных учреждений входят у нас в систему Министерства юстиции и две трети – частные учреждения, владельцы которых получили у государства соответствующую лицензию и работают в тесном контакте с Министерством юстиции».

«Я хотела бы акцентировать ваше внимание на том, что швейцарская ювенальная юстиция категорически против меры лишения свободы. В рамках всей страны 95% приговоров, связанных с лишением свободы, сегодня назначаются с отсрочкой, либо условно. Только 5% из приговоренных реально лишаются свободы и то не потому, что такова мера наказания за совер-

шенное злодейское преступление, а потому, что эти 5% не выдерживают этого условного срока и их помещают в тюрьму. И профессионалы в этой сфере, и общественное мнение Швейцарии единодушны в том, что лишение свободы должно всегда оставаться исключительной мерой.

Широко распространена в Швейцарии такая мера наказания как штраф. 30% всех судебных вердиктов, вынесенных в стране, – это штрафы. Подвергнуться этому наказанию можно только с 15 лет. Это минимальный возраст, когда несовершеннолетний может начать работать, а штраф должен платить он сам, а не родители. Если судья устанавливает, что подросток работает, допустим, учеником слесаря, то он может платить штраф, который в Швейцарии по закону не может превышать 2000 швейцарских франков (1100 долларов).

Приведу один конкретный пример. Подростка приговорили к штрафу за порчу чужого имущества: он краской рисовал на домах, поездах, заборах – всего успел «украсить» 40 объектов. Судья назначил ему наказание: во-первых, вытереть все свои «художества», а во-вторых, выплатить максимальный штраф. Подросток взмолился: где же ему взять такие деньги? А надо сказать, что этот «художник» работал учеником у какого-то мастера и это значит, что ему была гарантирована зарплата 1800 франков в месяц. За несколько месяцев он мог бы выплатить штраф. Потом судья спросил, чем подросток увлекается. Тот ответил, что обожает кино и ходит туда 5–6 раз в месяц. И судья говорит: хорошо, теперь ты будешь ходить только 4 раза, а сэкономленные таким образом 25 франков пойдут в бюджет правосудия. Эта мера сработала великолепно: парень в минимальный срок стер все, что нарисовал на стенах, и потом попросил судью: а можно, я не буду выплачивать 25 франков? Лучше я вымою еще несколько зданий... Мой педагог по уголовному праву в Швейцарии говорил: как только вы затронете кошелек швейцарца, все пойдет нормально».

Джон Брэйтуэйт

Восстановительное правосудие ради лучшего будущего

Универсальность восстановительной традиции

Мне до сих пор ничего неизвестно о культуре, в глубине которой не коренится восстановительная традиция. Однако и карательная традиция тоже существует во всех культурах. Карательный подход когда-то был необходим для выживания. Культуры, неспособные или не желающие оказывать сопротивление, зачастую уничтожались культурами, более склонными к целенаправленному. Однако, в отличие от того мира, к которому мы принадлежим по своему биологическому происхождению, в наши дни чувства, вызываемые карательными мерами, утратили свою ценность для выживания. Эти чувства сейчас скорее создают нам – отдельным людям, группам и целым нациям – проблемы, а не помогают нам справиться с ними, поскольку управление рисками стало теперь институционализированным.

Мы хотели бы, чтобы все культуры двадцать первого века осознали, что их восстановительные традиции принесут больше пользы, чем карательные. К сожалению, доминирующие ныне культурные силы транслируют абсолютно противоположный тезис. Голливудские фильмы вбивают нам в голову, что лучший способ разобраться с «плохими парнями» – насилие. О том же часто твердят и политические лидеры. Но многие современные духовные вожди – Далай-лама, например, все же помогают нам вернуться к восстановительной традиции. Архиепископ Десмонд Туту в своем предисловии к новому изданию «Восстановительного правосудия», которое готовит Джим Конседайн, верно отмечает, что в основе этой традиции лежит «древняя истина, в которой мы нуждаемся, как никогда» – восстановительные процессы «глубоко

заложены во всех коренных культурах, в том числе и африканских». Свою Комиссию по установлению истины и примирения в ЮАР он считает примером восстановительного правосудия.

Все ценности восстановительного правосудия являются культурными универсалиями. Во всех культурах ценят возмещение ущерба, причиненного личности и/или собственности, надежность, достоинство, предоставление возможностей и поддержку, совещательную демократию и гармонию, основанную на чувстве справедливости и взаимовыручки. Эти ценности универсальны потому, что все они важны для эмоционального выживания людей, для возможности жить, не испытывая при этом постоянной угрозы насилия. Великие религии мира признают, что желание следовать ценностям восстановительного правосудия универсально; именно поэтому некоторые духовные руководители становятся опорой в надежде выстоять против тех политических лидеров, которые желают править, вселяя страх и уничтожая совещательную демократию. Рано или поздно эти политические лидеры поймут, что им придется учитывать и набирающее силу социальное движение, которое использует и распространяет восстановительные практики, и великие религии, которым эти политики противостоят. Почему? Сейчас уже достаточно свидетельств того, что обычные граждане поддерживают идею восстановительного правосудия. Когда крупнейшие политические партии во время последних выборов в Канберре встречались с населением, они поняли, что тысячи граждан, участвовавших в восстановительных конференциях, поддерживают этот вид правосудия.

Действительно, ценности, на которых основывается восстановительное правосудие в разных культурах, видятся по-разному, и мнения о том, как воплощать эти ценности в конкретной культуре, сильно различаются. Следовательно, восстановительное правосудие должно быть культурно-конкретным социальным движением, признающим богатство и многообразие стратегий в достижении тех истин, которые оно считает универсальными. Восстановительное правосудие призывает к тому, чтобы происходили встречи и взаимообогащение культур; чтобы было понято и признано: в разных культурах переживание конкретной человеческой ситуации имеет много общего; чтобы культуры учились друг у друга на основе общего для них всех опыта; чтобы, признавая ценность разнообразия, сохранять действенные восстановительные традиции, укорененные в прошлом. Научная криминология никогда не найдет единственный, наилучший и универсальный способ осуществления восстановительного правосудия. Если наша цель – достижение общих для всех культур восстановительных ценностей,

лучший путь к этой цели – поощрение культурного разнообразия, плюрализма.

Путь к культурному плюрализму в правосудии

Чтобы следовать этому пути, восстановительное правосудие должно решить две задачи.

1. Провести исследования конкретных культур с тем, чтобы выяснить, как можно сохранить и оживить восстановительные практики, имеющиеся в данном обществе.

2. Провести исследования конкретных культур с тем, чтобы выяснить, как можно преобразовать государственную систему уголовного правосудия, придав ему характеристики восстановительного, и как в рамках этой системы с помощью восстановительного правосудия бороться со злоупотреблениями властью.

По первому пункту могу сказать, что в городах едва ли существует глубокие традиции восстановительных практик, хотя и полностью их наличие нельзя отрицать. У нас более чем достаточно данных по городам США, подтверждающих, что на уровне нуклеарной семьи восстановительное правосудие продолжает работать; дети из семей, чаще прибегающих к восстановительным процедурам, проявляют меньше склонности к делинквентному поведению, чем дети из семей, где принято более «карательное», «клеймящее» воспитание.

Поскольку семьи зачастую начинают клеймить провинившихся родственников и считать их чудовищами, утратившими человеческий облик, мы и нуждаемся в том, чтобы восстановительное правосудие было институционализировано в более широком контексте, чтобы подобные семьи оказались включены в него и тоже были бы «восстановлены». В большинстве обществ такими «расширенными» контекстами, в которых можно черпать восстановительный этос и соответствующие ритуалы и практики, являются школы, церкви и удаленные сообщества коренных народов. Если в муниципалитетах трудно найти примеры организаций, занимающихся восстановительными практиками, опыт последних лет показывает, что часто встречаются в городских школах, так как этос заботы и интеграции является частью западного идеала образования (в пределе полностью исключаящую какую бы то ни было стигматизацию), а еще потому, что интенсивность взаимодействия членов школьного сообщества, как правило, выше, чем интенсивность взаимодействия жителей района. Школы, как и семьи, стали более склонны к восстановительным практикам – по сравнению со зверской жестокостью, царившей в XIX веке. В современных школах очень успешно проходят примирительные конфе-

ренции. Нам также известно о программах преодоления травмы в школах, что тоже входит в восстановительные практики – после проведения таких программ случаи травмы сокращались вдвое.

Силу движению за восстановительное правосудие придают в первую очередь церкви. Даже в Индонезии, где государство осуществляет жесткую тиранию, некоторая отделенность церкви от государства дала возможность церквям стать анклавами, где сохраняется восстановительная традиция. В таких религиях, как ислам и христианство, помимо восстановительных, есть, конечно, и сильные карательные традиции, но эти религии предпочитают оставить «грязную работу» возмездия государству.

Когда я в прошлом месяце участвовал в восстановительной конференции в Индонезии, у меня состоялся разговор с тремя местными жителями. Один из них был христианином, второй – мусульманином, а третий – индуистом. И каждый осмысливал восстановительное правосудие исходя из духовных оснований, духовного опыта своей религии, что мне как агносту было недоступно. Не менее глубоко я был тронут духовностью подходов народа кри к восстановительному правосудию, когда несколько представителей коренного населения Канады посетили в прошлом году Канберру. Нам необходимо научиться лучше понимать и духовность коренных жителей Америки, и то, каким образом она обогащает восстановительные практики. Я понимаю, что обогащение налицо, но вот как именно оно происходит, пока не понимаю. Возможно, присутствующие здесь сегодня смогут помочь мне.

Сообщества коренных жителей Канады – культурный ресурс для всего мира, потому что в их среде кодифицированное западное правосудие не стало доминирующим и единственным, также и биологическое разнообразие австралийского континента является генетическим ресурсом для всего мира. Те люди, которые в силу удаленности своих поселений последними подчинились западной модели правосудия, те, кто дольше находился вне зоны влияния Голливуда, те, кого западный человек считает наиболее «отсталыми», – именно они обладают самыми богатыми культурными ресурсами для восстановительного движения.

Сейчас проводятся серьезные исследования, направленные на то, чтобы расшифровать культурный код восстановительного правосудия в коренных сообществах Австралии. Какая глубина скрыта в том, что именуется «кругами исцеления»! Практика «кругов исцеления» общины Холлоу-Уотер может многому научить нас преодоления эпидемии жестокого обращения с детьми. Отчет Терезы Лаженес об общине Холлоу-Уотер уже представляет собой замечательный ресурс для всего мира. Джоан Пеннелл и Гэйл Берфорд проделали отличную работу по

документированию ньюфаундлендских конференций, направленных на преодоление насилия в семье; эти конференции значительно отличаются от тех моделей, которые мы применяли в Южном полушарии, и в некоторых аспектах существенно их превосходят. Я настойчиво советовал им собрать результаты этого исследования в книгу, которая также будет иметь международное значение. Таким образом, первой задачей восстановительного движения должна стать программа исследований восстановительных практик, существующих не только в сообществах коренных жителей, но также в школах и церквях доминирующих урбанистических культур.

Вторая задача – изучение путей преобразования государственной системы уголовного правосудия. Как я уже говорил, в наших многонациональных, мультикультурных городах мы не можем рассчитывать на то, что восстановительное правосудие будет вводиться в муниципалитетах спонтанно. Катализаторами новой системы должны стать государственные деятели, реформаторы. В крупных городах, где жители получают минимум социальной поддержки от соседей, восстановительные практики могут принести огромную пользу. Если полицейский арестует за правонарушение подростка из сельской общины, где все тесно связаны друг с другом, подростка, которого любят дома, о котором заботятся школа и церковь, тогда не особенно важно, придерживается ли полицейский идеалов и практик восстановительного правосудия. Что бы ни сделала полиция в этом случае, система социальной поддержки ребенка, скорее всего, разберется с проблемой так, чтобы этот серьезный проступок не повторился. Но если полицейский арестовывает, например, Сэма, бездомного бродяжку из мегаполиса, который ненавидит своих родителей за то, что они жестоко с ним обращались, давно бросил школу и одинок в этом мире, тогда приверженность полицейского восстановительным практиками и идеалам может сыграть ключевую роль. Восстановительный подход окажется более эффективным для профилактики повторных правонарушений, нежели карательный. По крайней мере, такова моя гипотеза, которую вполне возможно проверить эмпирически, что уже и делается.

В отчужденности города, где общины с нужными свойствами не появляются сами собой, система уголовного правосудия, нацеленная на восстановление, может специально выстроить сообщество заботы вокруг правонарушителя или пострадавшего. На восстановительные конференции, которые мы проводим в таких мультикультурных мегаполисах, как Окленд, Аделаида, Сидней и Сингапур, мы приглашаем совсем не тех, кого вызвали бы в суд. В суд мы вызываем тех, кто мо-

жет причинить максимальный вред другой стороне, а на конференции – тех, кто может оказать максимальную поддержку своей стороне – сестру Сэма, его дядю, его тренера по хоккею и дочь пострадавшего.

Действуя в рамках теории воссоединяющего стыда, мы приглашаем на конференцию, с одной стороны, тех людей, которые поддерживают жертву и способствуют возникновению чувства стыда у нарушителя, а с другой – тех, кто поддерживает нарушителя, что помогает обеспечить воссоединение в ходе такой конференции. Они могут проходить по-разному, не обязательно так, как в случае с гипотетическим Сэмом. Маори в Новой Зеландии обычно предпочитают начинать и завершать конференцию молитвой. Восстановительные организации, которые мы создаем в городах, должны принимать в расчет культурное многообразие и быть разными – в зависимости от сообщества, от культуры тех, кто вовлечен в процесс. Это возможно благодаря основополагающему принципу восстановительного правосудия – контролю над восстановительным процессом.

С точки зрения сторонников восстановительного правосудия, гражданское общество должно иметь институты, которые бы прямо реагировали на возникающие проблемы, такие, как насилие, например, а не замечать их по углам. Причем делать это отнюдь не с помощью карательных и стигматизирующих практик. Насилие не может эффективно контролироваться сообществами до тех пор, пока их членам не станет ясно, что насилие – постыдно. Это вовсе не означает, что нам нужны такие институты уголовного правосудия, которые увеличивали бы степень стыда. Напротив, в таком случае мы рискуем столкнуться с возникновением институтов клеймения. Нам нужны лишь микроинституты совещательной демократии, которые дали бы возможность гражданам обсуждать последствия преступных деяний, выяснять, кто несет за них ответственность, кто и как должен восстановить нарушенную гармонию. Подобные совещательные процессы естественным образом дают тем, кто несет ответственность за преступное деяние, испытать стыд и найти в себе силы исправить ситуацию. А если мы правильно составим список участников и пригласим на конференцию нужных людей – тех, кого уважают и кому доверяют и преступник, и пострадавший, – тогда шансы на воссоединение возрастают.

Перевела с английского Д. Кутузова

ЗАКОН И/ИЛИ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

АРЕСТ

Юрий Александров

Количество арестов выросло в два раза

Мы уже привыкли к тому, что число заключенных в стране в последние годы постоянно уменьшается. Россия даже уступила сомнительное первенство по числу заключенных, приходящихся на 100 тысяч населения, Соединенным Штатам. Казалось бы, надо только радоваться. Но если проанализировать статистику, то картина получается иной.

Действительно, общее число заключенных – и подсудимых, и уже осужденных – постепенно уменьшается. Сокращение идет по двум причинам: либерализация Уголовного кодекса и широкое применение условно-досрочного освобождения. Должна бы быть и третья – гуманный и справедливый суд, о чем постоянно говорят судебские начальники.

Однако о гуманности и справедливости суда можно было бы судить по числу оправдательных приговоров (а их в целом по стране меньше одного процента), что же касается судебной практике по арестам, то она вызывает, мягко говоря, недоумение. До введения в действие нового УПК РФ в месяц по всей России арестовывалось около 30 тысяч человек. В июле 2002 года (а именно тогда начал действовать новый УПК) было арестовано всего 16,5 тысяч человек, то есть количество арестов сократилось почти в два раза. Казалось, по этому показателю мы приблизились к Европе. Сложилось мнение, что суды стали прислушиваться к адвокатам, тщательно взвешивать все «за и против», подходить к делу ответственно, беспристрастно и т.д. Поначалу так оно и было.

Но уже со следующего месяца картина начала меняться. Достаточно проследить динамику: в августе 2002 года было арестовано уже 18 тысяч человек, в январе 2003 – более 23 тысяч, в марте 2004 – почти 29 тысяч, в ноябре 2004 – 31 тысяча и, наконец, в феврале 2005 – 32 с половиной тысячи человек. То есть мы опять пришли к тем же цифрам, которые были до введения нового УПК.

Мне могут возразить: преступность тоже выросла. И действительно, количество преступлений в стране за это время увеличилось примерно на 10%. Но количество арестов увеличилось почти на 100! Иные меры пресечения, такие как домашний арест, залог или личное поручительство, практически не получают распространения. В качестве причины называется бедность населения, которому не под силу внести залогов. Но под залогом понимают ведь не только деньги. В качестве залога можно использовать, например, автомобиль, ювелирные украшения или компьютерная техника. А для личного поручительства вообще никаких ценностей не нужно.

Следует обратить внимание и на следующие факты: если в июле 2002 года за преступления небольшой и средней тяжести (за такие преступления должны брать под стражу в порядке исключения) был арестован каждый пятый от общего числа арестованных, то в феврале этого года – каждый третий, а число арестованных несовершеннолетних и женщин выросло в два с половиной раза, причем резко выросло количество арестов этих двух категорий именно по преступлениям небольшой и средней тяжести.

Конечно, без арестов в области уголовного преследования часто не обойтись, и арест может являться единственно возможной мерой пресечения к определенной категории преступников. Например, к убийцам, участникам различных организованных преступных групп и бандформирований и т.д. Но если сажать за решетку за мелкие правонарушения, то это свидетельствует только об одном: репрессивная сторона вновь стала брать верх в уголовной политике.

Не многим известно, что ежемесячно из следственных изоляторов освобождается около 5–6 тысяч человек. По различным причинам: кто-то осужден условно, кому-то присудили штраф, кому-то изменили меру пресечения и т.д. То есть все эти люди и не должны были находиться в СИЗО. ФСИН¹ постоянно информирует суды и прокуратуру по таким случаям, но ничего не меняется. Например, некто М. пробыл в одном из московских СИЗО 3 месяца и 25 дней. Освобожден за отсутствием состава преступления. Или А. из Санкт-Петербурга за скандал с официанткой был арестован и почти два месяца провел в СИЗО. Освобожден. Другой А., тоже из Петербурга за кражу двух пар перчаток больше месяца провел в СИЗО. Также освобожден. И таких примеров по всей стране тысячи.

¹ Федеральная служба исполнения наказаний, преимица Главного управления исполнения наказаний.

Можно еще понять, когда такие вещи происходят в судах небольших городков или поселках. Там прокуроры, следователи и судьи составляют одно небольшое юридическое сообщество, хорошо знают друг друга, зачастую дружат семьями, ходят париться в одну баню и, естественно, оказывают друг другу услуги. Но подобное очень часто происходит и в больших городах, где, казалось бы, нет такой «семейственности». Кстати, и адвокаты, на которых было столько надежды, иногда ведут себя, мягко говоря, странно. Известны случаи, когда защитники при рассмотрении вопроса, арестовывать или нет их клиента, высказывали свое мнение одной фразой: «На усмотрение суда». Какой бы символической ни была плата за дела по назначению, это нельзя не рассматривать как верх цинизма.

Есть и другие категории арестованных, которые до приговора вполне могли бы находиться на свободе. Например, те, кого приговаривают к 1–2 годам лишения свободы или к колонии-поселению. Нередки случаи, когда арестованного приговаривают, скажем, к 1 году 2 месяцам и 3 дням лишения свободы. Такие странные сроки означают, что суд, понимая невиновность подсудимого или незначительность его вины, оказывает следствию услугу, легализуя тот факт, что человек сидел практически незаконно.

А часто бывает и так, что суд, в нарушение законодательства, безо всяких причин продлевает срок содержания под стражей, не заслушивая при этом ни адвокатов, ни прокуроров, ни подсудимых. Если, скажем, человек мог мешать ведению следствия, то после того, как дело передано в суд, он уже никому помешать не может. Зачем держать его за решеткой, учитывая к тому же, что суды у нас зачастую делятся месяцами и даже годами. Об этом недавно был вынужден напомнить Конституционный суд, указав, что такая практика незаконна.

Кроме того, подобная практика стоит немалых денег бюджету России, то есть российским налогоплательщикам. В день на одного следственно-арестованного тратится вроде бы не очень много – 50 рублей. Но умножьте эти 50 рублей на 30 дней, затем на 5–6 тысяч человек в месяц, а затем на 12 месяцев. По самым скромным подсчетам выйдет более 3 миллионов долларов в год. Однако, судя по всему, это беспокоит только сотрудников тюремного ведомства, а для прокуроров, следователей и судей это не является проблемой. Ведь не им приходится краснеть перед инспекциями Совета Европы за то, что до сих пор во многих СИЗО люди находятся в неприемлемых условиях. И как бы ФСИН не старалась выполнить норму в 4 квадратных метра на одного арестованного (а именно столько должно приходиться на человека согласно и нашему законодательству, и

международному), при таком подходе к аресту со стороны судов вряд ли можно добиться ее выполнения.

При такой судебной практике по арестам, нам, судя по всему, никогда не удастся привести наши СИЗО в соответствие с законодательством, поскольку для этого требуется либо уменьшать численность арестованных и оставлять под стражей только тех, кого действительно нельзя отпускать, либо строить новые СИЗО. Надо учитывать, что одно человеко-место при строительстве СИЗО стоит около миллиона рублей. Это обходится так дорого, потому что надо не только построить здание, но и оборудовать камеры, создать систему охраны, построить подсобные помещения, подъездные пути и т.д.

Очевидно, что ситуация с арестами в стране по меньшей мере тревожная, и, видимо, пришло время сказать свое слово законодателям. Расплывчатые фразы (арест допускается «в исключительных случаях», например) следует заменить точными формулировками этих «исключительных случаев», а также определить случаи, когда арест как мера пресечения вообще недопустим.

В противном случае любое исключение почему-то через некоторое время превращается в правило. Видимо, силен «репрессивный синдром», которым страдают прокуроры и иные работники Фемиды. Ходят слухи, что, в Москве, например, судьям дано четкое указание: удовлетворять все требования прокуратуры об арестах. Не знаю, правда ли это, но, судя по практике, очень похоже на правду. И не только в Москве.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА РФ от 11 апреля 2005 г. № 205

О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время

Правительство Российской Федерации **постановляет:**

1. Утвердить прилагаемую минимальную норму питания для осужденных к лишению свободы, содержащихся в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время. Дополнительно к указанной норме для осужденных, занятых на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда, выдается (на 1 человека в сутки): 50 граммов хлеба из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной I сорта, 50 граммов хлеба пшеничного из муки II сорта, 20 граммов макаронных изделий, 40 граммов мяса, 20 граммов рыбы, 20 граммов маргариновой продукции, 5 граммов сахара, 0,2 грамма чая натурального, 50 граммов картофеля, 50 граммов овощей.

Питание детей, находящихся с матерями в исправительных колониях, а также детей, содержащихся в домах ребенка в исправительных колониях, осуществляется по нормам питания, установленным для детей, находящихся в домах ребенка системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

Работающим осужденным, имеющим рост 190 сантиметров и выше, выдается дополнительное питание по заключению врача, но не более 50 процентов суточного рациона.

2. Утвердить прилагаемую норму питания для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время.

Дополнительно к указанной норме выдается (на 1 человека в сутки): несовершеннолетним – 15 граммов масла коровьего, 10 граммов сахара, 15 граммов сыра жирного;

беременным женщинам и женщинам, имеющим при себе детей, – 50 граммов хлеба из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной I сор-

та, 100 граммов хлеба пшеничного из муки II сорта, 100 граммов овощей, 20 граммов сахара, 50 граммов мяса, 300 миллилитров молока коровьего, 40 граммов масла коровьего, 1 грамм крахмала картофельного, 5 граммов фруктов сушеных, 50 граммов творога, 1 яйцо куриное.

При этом мука соевая текстурированная данным категориям лиц не выдается.

Питание детей, находящихся с матерями в следственных изоляторах, осуществляется по нормам питания, установленным для детей, находящихся в домах ребенка системы Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

3. Утвердить прилагаемую минимальную норму материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время.

Дополнительно к указанной норме выдается (на 1 человека в месяц): осужденным, занятым на тяжелых работах и работах с вредными условиями труда, а также больным, находящимся на стационарном лечении в лечебных исправительных учреждениях, – 50 граммов хозяйственного мыла;

осужденным, содержащимся в воспитательных колониях, в том числе находящимся на стационарном лечении, – 200 граммов хозяйственного мыла, а осужденным мужского пола, кроме того, – 50 граммов туалетного мыла;

осужденным, размещенным в карантинных отделениях исправительных учреждений, – 50 граммов хозяйственного мыла.

4. Министерству юстиции Российской Федерации по согласованию с Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации установить повышенные нормы питания для осужденных беременных женщин, кормящих матерей, несовершеннолетних, осужденных, являющихся инвалидами I и II групп, а также больных осужденных, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

5. Признать утратившими силу:

постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 1992 г. № 935 «Об утверждении норм суточного довольствия осужденных к лишению свободы, а также лиц, находящихся в следственных изоляторах, лечебно-трудовых и лечебно-воспитательных профилакториях Министерства внутренних дел Российской Федерации», за исключением положений, касающихся изоляторов временного содержания и приемников-распределителей Министерства внутренних дел Российской Федерации;

постановление Правительства Российской Федерации от 8 июля 1997 г. № 833 «Об установлении минимальных норм питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 28, ст. 3447).

Председатель Правительства
Российской Федерации М. Фрадков

УТВЕРЖДЕНА
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 11 апреля 2005 г. № 205

МИНИМАЛЬНАЯ НОРМА

**питания для осужденных к лишению свободы, содержащихся
в учреждениях Федеральной службы исполнения наказаний и
Федеральной службы безопасности Российской Федерации,
на мирное время**

Наименование продуктов	Количество на 1 человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной I сорта	300	200
Хлеб пшеничный из муки II сорта	250	250
Мука пшеничная II сорта	5	5
Крупа разная	100	90
Макаронные изделия	30	30
Мясо	90	90
Рыба	100	100
Маргариновая продукция	35	30
Масло растительное	20	20
Молоко коровье (миллилитров)	100	100
Яйца куриные (штук в неделю)	2	2
Сахар	30	30
Соль поваренная пищевая	20	15
Чай натуральный	1	1
Лавровый лист	0,1	0,1
Горчичный порошок	0,2	0,2
Томатная паста	3	3
Картофель	550	500

Наименование продуктов	Количество на 1 человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Овощи	250	250
Мука соевая текстурированная (с массовой долей белка не менее 50 процентов)	10	10
Кисели сухие витаминизированные или фрукты сушеные	25	25
	10	10

УТВЕРЖДЕНА

постановлением Правительства
Российской Федерации
от 11 апреля 2005 г. № 205

Н О Р М А

питания для подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время

Наименование продуктов	Количество на 1 человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Хлеб из смеси муки ржаной обдирной и пшеничной I сорта	300	150
Хлеб пшеничный из муки II сорта	200	200
Мука пшеничная II сорта	5	5
Крупа разная	90	90
Макаронные изделия	30	30
Мясо	100	100
Рыба	100	100
Маргариновая продукция	25	20
Масло растительное	20	20
Молоко коровье (миллилитры)	100	200
Сахар	30	30
Соль поваренная пищевая	15	15
Чай натуральный	1	1
Лавровый лист	0,1	0,1
Горчичный порошок	0,2	0,2
Томатная паста	3	3

Наименование продуктов	Количество на 1 человека в сутки (граммов)	
	мужчины	женщины
Картофель	500	450
Овощи	250	250
Мука соевая текстурированная (с массовой долей белка не менее 50 процентов)	10	10
Кисели сухие витаминизированные	25	25
или фрукты сушеные	10	10

УТВЕРЖДЕНА
постановлением Правительства
Российской Федерации
от 11 апреля 2005 г. № 205

МИНИМАЛЬНАЯ НОРМА

материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на мирное время

Наименование	Единица измерения	Количество на 1 человека в месяц	
		мужчины	женщины
Хозяйственное мыло	граммов	200	200
Туалетное мыло	"-	50	100
Зубная паста (порошок)	"-	30	30
Зубная щетка (на 6 месяцев)	штук	1	1
Одноразовая бритва	"-	6	–
Средства личной гигиены	"-	–	10
Туалетная бумага	метров	25	25

Москва,
12 апреля 2005 г.,
№ 0558

Виталий Лозовский**Арест****Допрос, протокол, адвокат**

ЭТО случается всегда неожиданно. Даже если вы уже ждали и знали, что этого не избежать. Но...

Сразу признаюсь, я не юрист, а врач, но в этом, думаю, есть и свои плюсы. Я постараюсь провести вас через возможные перипетии ареста, основываясь на собственном опыте и на обмене опытом с прошедшими этот путь, в том числе через мой интернет-проект на www.tyurem.net. Можно было бы подкрепить мои советы номерами статей, но не в этом суть. В такой ситуации вы вряд ли вспомните номер и название статьи, да вам это и не нужно. Главное – уяснить принципы, в них изложенные. Принципы, на которых строятся ваши права и обязанности.

Первое, о чем хотелось бы предупредить: постарайтесь понять и войти в положение сотрудников правоохранительных органов, которые вас «обслуживают». Что бы там не говорили о «волках позорных», «мусорах», – это ваша защита и безопасность. Без милиции в обществе никак не обойтись. А вопрос ее морального облика – это вопрос морального облика всего общества. Поэтому я советую вам относиться к этим людям по-человечески и с пониманием. Кроме всего прочего, это – обычно – намного упрощает ваше вынужденное общение с ними. Если, по крайней мере, вы лично не уверены в обратном – перед вами порядочный человек, находящийся на государственной службе.

Когда я говорю так, часто слышу: «Вы, вероятно, не имели дела с нашей милицией», «А вот если бы вас в кутузку...». Имел дело. Побы-

вал в КПЗ, в 11 тюрьмах. Не раз избивали, морили голодом, было и многое другое. И тем не менее все равно так говорю.

Но также хочу предостеречь и от излишнего доверия следователю. Как бы он вам ни был симпатичен. Быть симпатичным и внушать доверие – его работа. Это входит в обучение. Либо внушать страх – у кого что лучше получается. Не надейтесь на помощь.

Я пропущу тему «случайного» задержания, когда вас доставили в отделение только потому, что вы показались подозрительным, а документов у вас при себе не было, и вас задержали для «выяснения». Остановимся на том варианте, когда вы задержаны вполне преднамеренно.

Разберемся в терминологии: существует задержание, арест и тюремное заключение. Задерживают до предъявления обвинения, то есть по подозрению в совершении преступления, и в этот период вы – «подозреваемый». Предъявить обвинение должны максимум в течение 42 часов¹, либо по истечении этого срока немедленного освободить². Арестовать, то есть избрать в качестве меры пресечения содержание под стражей (СИЗО), может только суд³, и теперь вы – «обвиняемый». После вынесения приговора – это уже заключение, то есть наказание в виде лишения свободы, а вы – «осужденный».

Итак, если вы задержаны, то вы автоматически стали подозреваемым. Сразу же прошу заметить: подозреваемый и обвиняемый вправе не давать показания, а также давать заведомо ложные показания, придумать разные версии, используя это как способ своей защиты⁴. Тем он отличается от свидетеля, который обязан говорить все, что знает, и несет уголовную ответственность за молчание и дачу ложных показаний. Этим частенько и пользуются опера и следователи. Человека вызывают и объявляют ему, что он проходит в качестве свидетеля по определенному делу и должен дать показания, и, конечно, рассказывают о грозящей ему ответственности за отказ или неправду. Затем, получив показания, вдруг «принимают», что этот самый свидетель является и подозреваемым. Приеха-

¹ По УПК РФ предъявить обвинение должны не позднее трех суток после его вынесения. Если в деле участвует защитник, то постановление предъявляется в его присутствии. При предъявлении постановления следователь обязан разъяснить обвиняемому существо предъявленного обвинения, а также его права. Обвиняемому обязаны предложить расписаться в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, но он имеет право отказаться от подписи. В этом случае следователь делает соответствующую отметку в постановлении о том, что обвиняемому текст постановления объявлен. (УПК РФ – ст. 172)

² То же самое предписывает и УПК РФ.

³ В России также только суд имеет право применить меру пресечения в виде ареста.

⁴ Право не давать показания также закреплено за подозреваемыми, обвиняемыми и подсудимыми.

ли... Кстати, не забудьте, что по делу против ваших родных (супруги, родители, дети) вы вообще вправе отказаться давать свидетельские показания. А также помните, что ответственность наступает за заведомо ложные показания. А это еще доказать надо. Человек может помнить не все или не так... К тому же Конституционный суд счел, что человек, привлекаемый в качестве свидетеля, также имеет право на адвоката.

Чтобы избежать этой уловки, надо, во-первых, требовать адвоката или сразу приходиться на допрос с адвокатом, если у вас есть подозрения, что не зря вами интересуются. Помните, что Конституция гарантирует вам адвоката, и никто не может требовать от вас никаких показаний без вашей предварительной консультации с ним. Даже если вас задержали среди ночи, дежурный адвокат в закрепленной за участком конторе всегда доступен. Также в прошлом году Конституционным судом было принято определение о том, что понуждать человека к использованию в качестве защитника только адвоката значит ограничивать его права. Поэтому в качестве защитника вы можете требовать представителя правозащитной организации, да и любого человека, родственника, знакомого, который, по вашему мнению, способен помочь вам⁵. Например, человека, прошедшего в свое время тюремные «академии».

Теперь об адвокатах. Хорошо, конечно, иметь своего, проверенного. Но не всегда это возможно. Бывает, приходится довольствоваться бесплатным, которого вам предоставят, и иногда это лучше, чем ничего. Так что в любом случае требуйте адвоката, это, по крайней мере, даст вам время собраться с мыслями. Кроме того, бесплатный адвокат, если реально и не поможет, то все же обязан дать вам ответы на интересующие вас вопросы по вашим правам и обязанностям и по сути обвинения. И, хорошо ли, плохо ли, но он должен будет следить за законностью процесса дознания. Хотя нередко рассказы о том, что бесплатные адвокаты сливали потом полученную у своего клиента информацию операм или следователям.

От адвоката, который вам не понравился, вы можете отказаться и потребовать другого. Вообще работа адвоката сродни работе врача: чтобы нормально заработать, клиента вначале надо запугать – все, мол, практически безнадежно, а потом предложить помощь: «я, думаю, все-таки смогу кое-что для вас сделать». Пускай не примут это на свой счет порядочные люди, но такое случается. Бывает, впрочем, и хуже.

⁵ В России согласно ст. 49 УПК РФ в качестве защитника могут выступать: адвокаты (по предъявлению ими удостоверения адвоката и ордера); один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый (по определению или постановлению суда).

Очень важно понимать разницу между «задержали» и «пригласили». От «приглашения» вы можете отказаться и попросить прислать вам повестку, если вы так необходимы следствию. Как проверить, задержаны вы или приглашены? Просто сказать: «Ну, я пошел. Приятно было познакомиться». Если вам не позволят, тогда нужен наводящий вопрос: «Так я задержан?» В случае отрицательного ответа задается еще один, уже риторический, вопрос: «А почему ж тогда мне нельзя уйти?» Этого достаточно. Вас либо отпустят, либо объявят, что вы задержаны. Когда вас объявляют задержанным, то должны объяснить причину – в чем именно вы подозреваетесь. Примерно в такой формулировке: «Вы задержаны по подозрению в совершении преступления, предусмотренного такой-то статьей Уголовного кодекса РФ, а именно...» С этого момента вы уже ничего не должны никому рассказывать, и можете давать показания только по доброй воле.

Еще одна уловка, которой пользуются следователи, чтобы получить показания немедленно. Могут пообещать домой отпустить, облегчить судьбу, а могут и угрожать – посадить в камеру к уголовникам, намекнуть на допрос с пристрастием и поломанную жизнь или даже ударить. Очень рекомендую ни в коем случае не давать показания под таким давлением. Как правило, все эти обещания не более чем уловки и средство оказать на вас давление (уголовно наказуемые, между прочим) с целью получить показания, пока вы находитесь в состоянии душевного смятения и растерянности. Лучше ночь переночевать в камере, чем потом долго сожалеть.

Еще один часто используемый вариант давления – приглашать дать показания в пятницу после обеда. И если человека при этом «закрывают», то дальше наступают выходные: начальство как сквозь землю провалилось, адвокат не может получить разрешения на встречу с задержанным, родные не могут ничего передать. Человек два дня и три ночи проводит в камере без всякого контакта с миром. «Крышу» за это время срывает – после трех бессонных ночей на деревянных нарах... можете себе представить. Поэтому, если вас пригласили повесткой в такое время, задумайтесь. И постарайтесь перенести срок – простой больничный лист в этом поможет.

Очень важный аспект – протокол допроса. От того, что там будет записано, будет зависеть ваша дальнейшая судьба. Заметьте: не от того, что вы говорили, а что записано в протоколе. Если вы видите, что при разговоре с вами протокол не ведется, откажитесь от беседы. Это, скорее всего, лишь средство вымотать вас. Никаких «разговоров по душам», «без формальностей». Прокуратура или милицкий участок не место для светской беседы.

Очень важно – первая страница должна быть заполнена! Потребуйте, чтобы это сделали в самом начале и показали вам. Там должно быть указано, в качестве кого – свидетеля или подозреваемого – вы допрашиваетесь, а также статьи кодекса. Это еще один тест на ваш статус. На словах вам могут сказать что угодно, слово к делу не подошьешь. Должны быть записаны дата, время, место, звание, должность, имя и фамилия допрашивающего. Если же вы постеснялись это сделать в самом начале (что обычно и происходит – вы все еще не лишены доверчивости), то это должно быть обязательно сделано в конце. Ни в коем случае не «ведитесь» на заверения следователя, что он запишет «потом», что он, мол, спешит или еще что-нибудь. Здесь уступать нельзя.

В конце вам дадут протокол на подпись. Перечитайте его очень внимательно. Не там поставленная запятая может оказаться роковой. Если вы не согласны с чем-то из написанного, подробно запишите свои замечания. Скажем: «относительно такого-то факта я высказал предположение, тогда как в протоколе это записано в виде утверждения, с чем я категорически не согласен». Либо требуйте переписать протокол. Подписана вами должна быть каждая страница. Стоит пронумеровать все листы, если это еще не сделано, а также проставить дату и время возле каждой подписи. Все пустые места, где может быть что-то дописано, должны быть вами перечеркнуты. Не обращайтесь при этом на крики и давление следователя – это ваше право, и это очень важно. Многие этого не делают, потому что им неудобно. Они якобы этим выражают свое недоверие, боятся обидеть. Тем более, если беседа прошла вроде бы без эксцессов. На такую реакцию следователь, вероятно, и рассчитывал.

Если один и тот же вопрос в разных вариациях вам задают не один раз, потребуйте, чтобы он был записан в протокол, и потребуйте дать вам возможность ответить на него письменно. Вообще, вы имеете право не отвечать на вопрос, который не записан в протоколе: если вы видите, что вас хотят сбить с толку, запутать, то становитесь в глухую оборону: «Вопрос записывается в протокол, я его читаю и затем отвечаю». Вы имеете также право собственноручно записать ответы в протокол. Правда, иногда это может быть для вас полезно, а иногда – не очень. Записанное с ваших слов еще как-то можно оспорить, написанное вашей рукой – вряд ли. Не забывайте об этом, даже если вы свидетель. Свидетели, особенно по хозяйственным статьям, очень легко превращаются в обвиняемых. Если вы подозреваемый, то имеете право не отвечать на вопросы – воспользуйтесь им, если чувствуете подвох, если не уверены. Почаще пользуйтесь универсальной фразой: «Не помню...»

Если же вы видите, что в протоколе править нечего – там одни лишь домыслы следователя и перекрученные факты, если вы не понимаете, что происходит, находитесь в растерянности, оцепенении, найдите в себе силы ничего не подписывать. Это ваше право. Даже если вы свидетель: это еще не отказ от дачи показаний, а требование перенести процедуру в связи с состоянием здоровья.

Камера

Итак, рассмотрим случай, когда вам приходится провести несколько дней в камере.

Очень часто КПЗ и ИВС становятся не местом содержания подозреваемых до выяснения обстоятельств, а средством давления. Только намеки на то, что вас «закроют» даже на одну ночь, способен привести обычного гражданина в ужас. Если еще добавить намек на обыск у вас в квартире с приглашением понятными ваших соседей, то этого бывает достаточно, чтобы человек согласился давать показания по линии, назначенной ему следователем.

Нужно иметь очень закаленную психику и философский взгляд на жизнь, чтобы хладнокровно пройти первое знакомство с тюрьмой. Тем более, если вы не относитесь к братве, которая хоть как-то морально к этому готова. Попав туда второй раз, вам уже, скорее всего, не будут страшны понты следователя, простые фокусы ментов и даже пытки и избиения, которые имеют место в наших «кичах». Да и вести себя с вами будут совсем по-другому.

Вас, конечно, обыщут, при этом разденут, отнимут часы и все содержимое карманов, а также ремень, шнурки, галстук, все запишут в протокол. Сильно не напрягайтесь из-за того, что ваши деньги и ценные вещи уйдут в «фонд» милиции: об этом много говорят, но это больше разговоры, хотя дыма без огня не бывает. Если вас захотят обобрать, то на этой стадии это не составит труда. Хотя, конечно, проследить за тем, что бы все было подробно записано в протокол, надо.

Затем будет камера, санитарное состояние которой напечалит вас туалет на провинциальной станции. Лавка вдоль стены или деревянный помост, на котором можно отдохнуть и даже поспать, если сможете, конечно. Очень вероятно, что где-то под потолком, в одном из углов, напротив лежаков, спрятан объектив видеокамеры, монитор которой выведен в дежурку, и микрофон. Те, кто там уже не первый раз, если таковые будут, об этом вам скажут. Внизу, в углу под видеокамерой, как правило, мертвое пространство, для нее не видимое, и если у вас есть что перепрятать, делайте это там.

Если в камере вы не одни, вот вам сразу два правила. Во-первых, в тюрьме не приняты рукопожатия, так что не тяните руку и не дергайтесь, когда вам руку подают, и сами не удивляйтесь, если никто не реагирует на ваш жест. Произнесенного имени достаточно.

И второе: поменьше спрашивайте и еще меньше отвечайте. Скорее всего, с вами в камере стукач («ментовской», «кумовской», «курица», «наседка»), особенно, если вы представляете определенный интерес для следствия. Учтите: вы не всегда можете оценить этот фактор – кто его знает, что у вашего «следака» на уме. «Курицей» может оказаться и штатный сотрудник, но, вероятнее, это будет арестант, которого заставили или которому пообещали определенную «скачку» за добытую информацию. Бывают еще и просто любители «постучать». Это еще одна, и не последняя, причина, почему вас могут поместить в КПЗ или ИВС. Поэтому все время, пока вы там находитесь, не расслабляйтесь и ведите себя точно так же, как и на допросе. На любой вопрос отвечайте не более того, что вы сказали бы следователю, и ведите ту же линию. Помните: следствие продолжается, только другим способом.

Чтобы выудить у вас что-то, «наседка» всеми силами будет стараться войти к вам в доверие – обычно это достигается тем, что он «по секрету», «откровенно», «только тебе, потому что вижу: ты пацан правильный» расскажет вам свою «делюгу», даст вам пару советов, прикинется крутым парнем, которого ментам не сломать, «защитит» вас от сокамерников, поделится «последним»... В ответ вы и сами изольете душу или ответите на вроде бы невинные вопросы, хвастнете своей крутизной... У вас даже окажутся общие знакомые (опер об этом позаботился), что внушит вам еще больше доверия, и вы, вероятно, захотите им что-то сообщить. «Меня завтра выпустят, у них на меня ничего нет, поугаю и обломаются». Поверьте: попадаются очень многие. И потом горько сожалеют. Поэтому лучше молчите. Потерпите передавать весточку домой и тем более какие-либо инструкции. И сами никого ни о чем не расспрашивайте, иначе вас могут принять за «курицу», а расправа обычно за это очень жестокая.

Если у вас есть жалобы к содержанию, а вам не дают бумагу для их изложения, пожаловаться можно прямо на допросе или даже просто записать в протокол, когда следователь даст вам его на подпись. Также можно сделать и с другими жалобами по процедуре допроса, если таковые имеются. Не бойтесь, хуже не будет, обычно дальше обещаний типа «я тебя сгною» и грозного сверкания глазами не идет – теплое местечко кому охота терять?

Вообще, надо понимать, что милиционеры – это ваша прислуга, в чьи обязанности входит вас охранять, о вас заботиться, кормить, в туалет вы-

водить, не дать вам с собой что-нибудь сделать. Вроде медсестры в больнице. Так что на них тоже давить можно и нужно. Только не очень старайтесь – обычно это ранимые люди с хрупкой психикой, их беречь надо.

Пытки и избиения

И если уж мы говорим о задержании, то надо обязательно вспомнить тему пыток и избиений. Лично меня на стадии задержания это не коснулось – тому были свои причины. Но, думаю, никого не удивлю, если скажу что у нас это явление весьма распространенное.

Все обычно делается так, чтобы не оставлять следов. Подвешивают на длительное время за руки (ссадины при этом, правда, остаются). Бьют по голове, подложив книгу или самой книгой – обычно для этого используется имеющийся всегда под рукой Уголовный кодекс. Лучше с комментариями – он толще, и следов от удара практически не остается. А сотрясение мозга – да.

Застегнутые наручниками сзади руки сцепляют с ногами – «колесо», при этом еще можно положить на что-то ребристое, например, на тот же УК. Зимой закидывают без верхней одежды в холодные неотпливаемые камеры, где иней на стенах. «Слоник» – в надетом на голову противогазе пережимается шланг. Или просто надевается полиэтиленовый пакет на голову. Хуже всего переносятся пытки, растянутые во времени. Просто бить – толку мало, только разве что в расчете на испуг. После первых ударов тело немеет, происходит выброс гормонов и боли вы не чувствуете. А вот оставить в «колесе» на несколько часов, а то и на ночь – это дело совсем другое...

В общем, неважно, как пытать, фантазии на такое дело обычно хватает с избытком, важнее то, что большинство пыток не выдерживает. Иногда это, наверное, помогает раскрыть тяжкие преступления, найти опасных преступников и даже маньяков, а иногда на человека вешают чужих дохлых кошек, делают инвалидами невиновных. Сталинское «лес рубят – щепки летят» у нас все еще в ходу. Это в крови – власть силы, а не власть закона. Этим также зачастую просто компенсируют непрофессиональность.

Что могу сказать по этому поводу: если вам придется попасть под такой пресс, прикиньте, что для вас хуже – день пыток или несколько лет по тюрьмам? А время в тюрьме тянется ой как долго. Хотя не выдержавших пыток осуждать не принято – кто знает свой порог страха и боли? Осуждают обычно те, кто сам однажды не выдержал или боится, что не выдержит – ради того, чтобы скрыть свой позор или страх от других и от самого себя.

Несколько советов. Во-первых, не всегда надо демонстрировать свой героизм. Пытающие, как правило, начинают получать от своей

работы патологическое удовлетворение и входят в раж, когда вы героически и с улыбкой смотрите им в глаза. Нелишне иногда имитировать потерю сознания. По крайней мере, чтобы получить передышку. Можно предупредить, что у вас большое сердце – врожденный порок (для молодых), перенесенный инфаркт (для старших), – и вы уже несколько раз по этому поводу были в реанимации. Или – у вас сахарный диабет. К тому же обычно все эти упражнения имеют целью испугать, настоящие увечья («отбить почки», например) мало кто рискнет наносить. Разве что обкурившись или напившись. А страх – дело очень субъективное. И здоровью не так грозит. Так что смотрите сами.

Если же пытки имели место и вы сдались, то еще не все потеряно. Если вас после отпускают – оформят подписку о невыезде, например, то, выйдя из участка, вызывайте «Скорую» с ближайшего телефона, падайте, симулируйте потерю сознания, инфаркт, кровохарканье, стоните. Наряд «Скорой» должен будет зафиксировать время и место и сообщить по инстанциям. Факт нанесения телесных повреждений должен быть расследован прокуратурой. Запоминайте номер машины, имена, номер наряда. Или немедленно идите в травмпункт и фиксируйте ссадины, кровоподтеки. С этими документами идите в прокуратуру. Вас, конечно, при выходе из участка или от следователя предупредят, что «руки у нас длинные», но тут уж решайте сами – бояться или бороться.

Если вас передадут в СИЗО, то здесь также есть свои возможности. Следственный изолятор – это уже другое министерство, и там другое начальство. Во-первых, при передаче вас спросят, есть ли у вас претензии к милиции. Вот тут можно и заявить (даже если и не спросят), что вас пытали, что вы себя очень плохо чувствуете. СИЗО в таком случае как минимум откажется вас принимать без врачебного заключения. Если сроки вашего содержания поджимают, то вас вынуждены будут везти в больницу на освидетельствование. Если же вас в СИЗО все-таки приняли, вас в тот же день должен осмотреть врач. Настаивайте на осмотре тела и записи ваших жалоб в карточку, симулируйте боли, обмороки, потерю памяти – все, что угодно. Если вы умрете от внутреннего кровотечения в изоляторе, то в вашей смерти будет обвинена его администрация. А чужие грехи кому охота тянуть, и поэтому шансы у вас есть. Сразу, немедленно, пишите во все инстанции жалобы о том, что показания вы давали под давлением и пытками. Без таких мер ваши дальнейшие заявления в суде об отказе от показаний будут иметь очень мало шансов на успех. Вот такие вот ужасики. В любом случае и при любом исходе не отчаивайтесь. Даже в тюрьмах есть жизнь, и заключение – это еще не конец света. Относитесь ко всему по-философски. Жизнь прекрасна во всех ее проявлениях. Уж поверьте старому арестанту...

ВСЕ О ЖИЗНИ В ТЮРЬМЕ

Авторские материалы Виталия Лозовского
и не только ...

Сайт «Все о жизни в тюрьме» на www.tyurem.net был создан всего три месяца назад на основе интернет-рассылок Виталия Лозовского «Как выжить и провести время с пользой в тюрьме», «Жизнь и психология тюрьмы» и «Взгляд из тюрьмы». Первая состояла из воспоминаний самого автора о недавней трехлетней отсидке в тюрьмах и зонах России и Украины, во второй публиковались материалы о жизни в неволе других авторов (А. Кудин, А. Павлов, С. Параджанов, О. Уайльд, В. Майер, Э. Зейналов). Третья была составлена из писем автору и ответов на них. Сейчас появилась еще и четвертая тема – «История пыток, тюрем, казней и наказаний». Общий число подписчиков на рассылки составляет около 14 000. Количество статей по самым различным аспектам арестантской жизни – от задержания до выхода – более 60. Сайт постоянно обновляется авторскими материалами Виталия Лозовского, подключаются и другие авторы.

Также на сайте представлен, с разрешения авторов, ряд книг: «Должно было быть не так» Алексея Павлова о его опыте пребывания в Матросской Тишине, Бутырке, Серпах, «И возвращается ветер...» В. Буковского, «Отсюда не выходят» Эльдара Зейналова о смертниках. Библиотека постоянно пополняется. Есть советы родственникам заключенных, анекдоты.

Кстати, сайт открыт и для других авторов, готовым рассказать о жизни в тюрьме. Для вас может быть создан даже отдельный сайт, как, например, <http://zhiganets.tyurem.net>, где представлен проект известного журналиста, исследователя блатного жаргона и истории уголовного мира Александра Сидорова «Зона Фимы Жиганца».

Особо хотелось бы отметить форум, где народ делится своим опытом, отвечает на самые разнообразные вопросы, спорит. Здесь вы встретите и представителей УИНа, и правоохранительных органов, и бывших арестантов, и писателей, и просто любопытных и не равнодушных к данному вопросу граждан.

Хотелось бы обратить внимание также правозащитных организаций, адвокатов, юристов: для ваших проектов могут быть созданы отдельные субдомены, на которых вы сможете разместить свои сайты. Ваши статьи могут быть размещены и на основном сайте с тем, чтобы в целом мы получили реальный, полноценный портал, который будет в состоянии помочь нашим гражданам, а также поднять больные вопросы сегодняшней пенитенциарной и правоохранительной систем.

Герман Дрюбин

Ночь последняя, ночь первая

Это случилось на рассвете 25 июня 1941 года. Уже трое суток шла война. Но я пребывал все еще в безмятежном существовании мальчика, выросшего в родительском доме, по мере сил огражденного от трудностей, хоть отец мой и мать много, очень много успели к тому времени пережить. Я еще крепко спал в ту пору и даже не догадывался о том, что на свете есть снотворное.

Тревожный сон, прерываемый какими-то странными звуками (позже я понял, что это были звонок в дверь, вход незваных ночных гостей, мамин крик, громохание сапог в коридоре), перешел в не менее тревожную явь... Я проснулся, разбуженный человеком в военной форме, который, вероятно, долго пытался привести в состояние бодрствования дюжего молодца, спящего насмерть.

Наконец, до моего сознания дошли его слова: «Иди, – говорил он мне, – успокой мать...» Я не понимал: зачем он здесь, в нашем доме? И зачем мне нужно было успокаивать маму? Тогда солдат проговорил главное: «Отца забирают, а мать переживает».

Первый раз в жизни я, должно быть, почувствовал, как меня пробирает дрожь. Солдату, видимо, не полагалось оставлять меня без присмотра. Я спал в маленьком папином кабинете у самой входной двери. Рядом, в моей детской квартировали актеры Курского театра, только что приехавшие на гастроли в Москву и застигнутые войной в столице. Они затаились втихую и не выходили часов до одиннадцати.

В двух наших главных комнатах – спальней и столовой – все уже были давно на ногах. Отец был почти одет. Мама собрала ему вещи в небольшой заграничный чемоданчик. Этот чемодан отец привез из командировки в Берлин в 1922 году.

Мать хлопотала как наседка. Она издавала какие-то сдавленные звуки, что-то среднее между плачем и причитанием. Но она-то и со-

хранила способность к действию. Пока отец собирался, мать быстро надела на себя немногие дешевые драгоценности, доставшиеся еще от бабушки... Мать сунула отцу деньги. Их прислал ленинградский дядюшка специально для поездки отца на курорт. Но отцу, видимо, предстоял другой курорт. Грузин рванулся посмотреть, какую сумму денег берет с собой «государственный преступник». Однако сумма была столь незначительна, что гости разрешили ее взять.

Несмотря на то, что события, происходящие в нашей квартире, потрясли меня, нельзя сказать, что я полностью утратил возможность соображать. Меня сразу резанула мысль, что необходимо уничтожить мой дневник. Об этом отец упомянул чуть ли не в первый вечер объявления войны. В том дневнике не было ни одной действительно крамольной фразы, но мне, сыну интеллигента, полагалось бы знать, что предавать бумаге свои мысли было вообще недозволительно в эпоху 1937 года.

Дневника было два: большая тетрадка и маленький блокнотик. Никому бы не пришло в голову обратить внимание на ученическую тетрадку и блокнот, исписанные мальчишеским почерком. Но таково уж было эгоцентрическое чувство страха, что одной из первых мыслей, возникших в моем воспаленном мозгу в ту странную ночь, был тот злополучный дневник.

Незванных гостей было трое: грузин-офицер, руководивший операцией; высокий красивый оперативник в штатском, который позже проводил обыск; молодой солдат, который меня будил. С собою они привели, вероятно, в качестве понятого, дворника Павла, грузного и сиплого мужика.

Приведенный солдатом в столовую, я был так озабочен мыслями о дневнике, что отпросился под каким-то предлогом обратно в кабинет, где ночевал. Туда со мной был отправлен Павел. Я стал шарить при нем в стенном шкафчике и обнаружил одну дневниковую тетрадку. Не смущаясь Павла, я сунул ее за пазуху и продолжил поиски блокнотика. Его я все никак не мог отыскать. Тогда я решил разделаться с тетрадкой. По пути в столовую я зашел в туалет, вырвал из тетради исписанные страницы, изорвал их на мелкие кусочки и спустил в унитаз.

Почему Павел позволил мне это проделать и не рассказал о случившемся?

Наступил час прощания. В последний раз у старого буфета стояли мы трое – отец, мать, сын. «Я люблю тебя, Рафа, я люблю тебя именно таким, как сейчас...» Отец пытался ее успокоить: «Не волнуйся, я ведь ни в чем не виноват». Это была дежурная формула тех лет, и все ее повторяли. Никто не виноват, что арестовывают невинных людей, что рушатся жизни, никто не виноват: ни палачи, ни сами жертвы. Все это, верно, неумолимая сила свыше...

Наконец, я припал к груди отца. Мы никогда не были с ним особенно нежны. Но тут я словно приклеился к нему. Мне все говорило: больше никогда...

В последний момент отец и мать как бы поменялись ролями. Мать зарыдала, а отец – этот еле-еле живущий интеллигент в прединсультном состоянии – с высоко поднятой головой уходил в последний раз из своего дома. Его повели по нашему длинному узкому коридору, а я шел сзади и сопровождал процессию. У входной двери отец остановился. «Гаррик, – сказал он, – запомни, сейчас главное, чтобы разбили гитлеровскую банду!» Это были последние слова, которые я от него услышал. Я хотел пойти дальше, но меня остановили у порога.

Первая часть ночной сцены была закончена. Теперь предстоял обыск. Что, собственно, искать в доме бедного советского чиновника? Уцелевшие побрякушки были уже надеты на маме. Денег и сберегательных книжек, мехов и богатого платья у нас не было. Отец ушел в своем единственном костюме.

Машина, однако, была заведена, и ее колеса крутились. Среди нескольких фотографий, выбранных вдумчивыми цензорами, была та, где отец был снят в группе знакомых вместе с нашим послом в США Трояновским. Я помню тот чудесный вечер. Трояновский, вернувшись из США, хотел свидеться со своими прежними друзьями по ВСНХ и Иноязычи. Местом встречи была выбрана квартира отца. На другом изъятном фото был изображен мамин брат дядя Мотя из Ленинграда. Это обстоятельство позже было предметом маминого беспокойства, потому что дядя Мотя уже был жертвой НКВД: отсидев в ленинградских Крестах полтора года, он чудом выпущен был оттуда в 1939 году.

Оперативник прошел со мной к стенным полкам в коридоре, где стояли книги. Нижняя полка была занята моими шахматными книжками. «Вы шахматист?» – спросил меня вежливо оперативник. Я смотрел на него – высокого красивого молодого мужчину, лет под тридцать. Помню, что поймал себя на мысли: как он будет оценивать книги, ведь это же книги по гуманитарной профессии. Но может быть, оперативник учился на том же историческом факультете Московского государственного университета, куда я стремился попасть, окончив за неделю до ареста отца среднюю школу № 126 Советского района г. Москвы? Только вот не пошел в аспирантуру – там мало платили... его завербовали на Лубянку, и он стал помощником следователя... стал ходить рано по утрам по квартирам, обнюхивая имущество обреченных людей, вредных с точки зрения режима.

Несколько книг ему все же надо было отобрать. В стопку легли «Воспоминания» Ю. Стеклова; брошюра, где были помещены вместе статьи В.И. Ленина и Н.И. Бухарина; «Эрфуртская программа» Карла Каутского. Последняя книжка считалась особенно зловредной. Теперь она стоит на моей книжной полке, переизданная (так же, как и «Воспоминания» Ю. Стеклова) массовым тиражом Политиздата – 100 000 экземпляров.

Когда с книгами было покончено, оперативник еще раз огляделся в поисках наживы – что можно еще взять в квартире? Аресту подлежали все личные вещи преступника. Высокий развернул лицевой стороной вверх папино зимнее пальто. Выглядело пальто, надо сказать, совсем неприглядно. Оно было, видимо, с тех же «берлинских времен» процветания отца и уже приобрело темно-зеленый цвет. Красивый повертел в руках пальто и обратился к телефону. Он позвонил куда-то и сообщил, что речь идет о зимнем пальто арестованного гражданина Дрюбина. Видно, каждый арест сопровождался наполнением добычей какого-то неведомого цейхгауза.

Итак, оперативник дал телефонограмму о существовании зимнего пальто, «старого, для носки не годного». Получив по телефону указание означенное пальто не брать, статный шатен отложил его в сторону. Остается добавить, что через несколько месяцев мать послала старое пальто с передачей отцу в тюрьму и, может быть, оно пригодилось ему в его первую и последнюю тюремную зиму 1941–1942 годов.

Между тем в разгар обыска наступило шесть часов утра, радио должно было передать очередную сводку «от Советского Информбюро». По моей инициативе репродуктор был включен, и мы выслушали сводку вместе – палачи и жертвы, мы одинаково ждали и молили о победе советского оружия.

Раздался телефонный звонок в столовой. Оперативник снял трубку и ответил кому-то с работы отца, что гражданин Дрюбин Рафаил Германович арестован и потому не придет на работу. Обыск завершился в папином кабинете, где я ночевал. В центре был узкий стенной шкафчик, где должен был находиться злополучный блокнотик. Обыск в маленькой комнате производил грузин с солдатом (оперативник куда-то исчез). Никто и не догадался бы взять этот несчастный блокнотик. Но я был выведен из равновесия. Я копошился с солдатом в шкафчике, как бы помогая ему и одновременно перебирая вещи, словно для порядка. Все это укладывалось в общую схему: сын врага народа сам помогает представителям карающей руки НКВД производить обыск в доме отца.

Молодой солдат не очень понимал, что надо, собственно, делать. В сторону летели школьные учебники, сборники стихов, старые номера

«Сатирикона» за 1912 год и, наконец, где-то сбоку обнаружился маленький безобидный дневник десятиклассника. Мне бы не обратить внимания на него. Куда там.... Утратив остатки соображения, я схватил блокнотик и сунул его за пазуху. Мое любительское воровство собственного дневника не скрылось от внимания хищного грузина, который наблюдал, сидя у стола, за действиями своего подопечного. Маленькая книжица была истребована у меня и легла на письменный стол с прочими вещами, подлежащими конфискации.

В протоколе изъятых вещей значился дневник сына Дрюбина Р.Г., принадлежащий Дрюбину Г.Р. Целую неделю после этого я не буду спать по ночам, панически воображая, что теперь – моя очередь, что меня придут брать из-за каких-то там неудачных фраз, написанных в дневнике. С тех пор я узнал, что в жизни существуют страх и бессонница. И теперь, когда моя жизнь, увы, кончается, я должен признаться, что не сумел избавиться ни от одного, ни от другого.

Воевода-грузин отстранил меня от дальнейшего ведения обыска, отношение его ко мне резко изменилось, оно стало злобным и подозрительным. Я раскрылся во всей своей наготе как сын преступника и был, вероятно, тем «яблоком», которое «падает недалеко от яблони», волчком из вражьей стаи или чем-то вроде этого.

Теперь молча я глядел из своего угла на продолжающийся обыск. Несмотря на все старания, солдат так и не нашел в шкафчике больше ничего существенного.

В нашей четырехкомнатной квартире две комнаты были позже опечатаны. Кажется, мама пробовала слабо возражать, но функционер резко ей ответил: «Вы знаете, что с вами сделали бы у Гитлера в Германии?!» – «Да, – нашлась мама, – но я живу в СССР, а не у Гитлера». Меня в это время не было в Москве, я рыл противотанковые рвы на Десне, в районе Ельни, куда поехал добровольцем с тысячами моих сверстников через неделю после ареста отца.

Обыск кончился, протокол подписан, ночные посетители ушли. И квартира, совсем немного перевернутая, выглядела так, как будто бы ничего особенного не произошло. Только ее хозяин отлучился на время и скоро вернется. Вариации этого возвращения годами возникали в моих сновидениях, причем чаще всего отец появлялся в сопровождении каких-то неведомых личностей. Появлялся на время, говорил о чем-то чрезвычайно важном, был нежен с матерью и со мной. А потом должен был уйти в том же сопровождении.

Так продолжалось довольно долго, уже тогда, когда отца не стало на свете. Друг моего отца Вольф Самсонович Г. уговорил мать через несколько лет послать запрос в официальные инстанции о судьбе арестованного Рафаила Дрюбина. Через несколько месяцев пришел самодовольно улыбающийся милиционер и сообщил мне, что Рафаил Германович Дрюбин умер в апреле 1942 года в Саратовской тюрьме, отбывая срок заключения. «Вы довольны ответом?» – нахально спросил он меня. Я струсил. Не надо забывать, что дело происходило в сороковые годы, при Сталине. Разведя руками, я сказал, что теперь мы будем по крайней мере знать, что с ним произошло...

В 1956 году мы вместе с тысячами людей получили короткое извещение Верховного суда СССР: «Дело против Р.Г. Дрюбина прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления». Как и миллионы погибших, отец имел право на посмертную реабилитацию. Несколько брошюр, которые он успел издать в свои лучшие двадцатые и тридцатые годы, стоят в каталоге Библиотеки имени В.И. Ленина. При получении реабилитации я, 32-летний мужчина, окрыленный ветром XX съезда КПСС, долго пытался узнать, кто именно входил в тройку, осудившую моего отца. Естественно, узнать эти фамилии мне не удалось. «Персональную ответственность» нести за данный случай (как и за многие, многие другие) никто не будет...

...А тогда, рано утром 25 июня 1941 года мама умылась, оделась и поехала на работу. Она тотчас сообщила своему школьному директору, что ее муж арестован, но была милостиво допущена к работе. Маленькая школа-семилетка на Переяславской с самых первых дней войны стала сборным пунктом и была наполнена будущими солдатами и офицерами, мрачными, оторванными от семьи, но исполненными злой и безотрадной решимости. И мама, жена репрессированного, садилась за рояль и играла «духоподъемные» революционные и советские песни и марши... Семья отца была настигнута немецкими танками в Риге.

Их свезли в гетто, и дни их были сочтены.

Что касается меня, то когда окончился весь ночной спектакль и актеры в форме и без формы покинули нашу квартиру, я первый раз в жизни ощутил какой-то страшный провал в груди. Я взял снотворные порошки и постарался заснуть. Мне удалось это на час-другой. Но мне кажется, что по-настоящему крепко я не сплю всю жизнь после той ужасной ночи.

Александр Маланкин

В государевых тюрьмах

Развитие института содержания под стражей в дореволюционной России

Содержание под стражей в России подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений практиковалось с древнейших времен, однако правовой регламентации его длительное время не было. Лишенных свободы содержали под стражей на основании сложившихся в том или ином княжестве или земле обычае.

С созданием централизованного Русского государства большинство обвиняемых до решения их дел оставались на поруках у «мира» и частных лиц, отвечавших головой в случае побега обвиняемых. Под стражу («отдача за пристава») брали только тех, у кого не было поручителей. Их заковывали в деревянные колоды или кандалы и держали в подземных погребах, ямах, либо в клетках в доме пристава или в приказах, земских и гэбных избах, при которых приставы состояли на службе. Только в 1560 г. было запрещено устраивать подземные остроги.

В тюрьмы заключали по государеву приказу провинившихся в злоупотреблениях и редко по сыскным делам. На наиболее опасных узников там надевали металлические ошейники и цепи. Бывало и так, что крестьян заключали вместо барина, сына вместо отца, жену вместо мужа.

Правительство не обеспечивало колодников пищей и одеждой. Более того, они сами должны были платить за содержание («пожелезное») пристава, которому государство на эти цели средства не отпускало. Те лица, которые не имели поддержки от родни или собственные средства, скованные по двое, ходили по дворам в сопровождении стражника и просили милостыню. Поступавшие в тюрьмы также должны были платить определенную сумму («влазное») тюремным сидельцам за то, что те до-

Продолжение статьи будет опубликовано в следующем номере журнала «Неволя». А.Н. Маланкин – полковник внутренней службы, заместитель начальника отдела по соблюдению прав человека в УИС управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России.

пускали их к пользованию всеми преимуществами тюремной общины, в том числе и правом питаться добытою милостынею. Просящие милостыню колодники, стоявшие на центральных улицах Москвы, в том числе на Красной площади, со следами пыток на теле, едва прикрытом лоскутами остатков одежды, представляли собой жалкое зрелище.

В середине XVII века последовал ряд указов, направленных на постепенное сокращение практики отдачи на поруки и за пристава и более широкое применение тюремного заключения. Государство постепенно брало содержание под стражей в свои руки.

С 1653 г. приставы стали получать жалование, были отменены «пожелезный» (1656) и «влазной» (1680) сборы.

В 1667 г. вследствие значительного скопления колодников было предписано оправданных судом отпускать по домам без порук, а также разобратся, правильно ли содержатся люди в тюрьмах.

В эпоху Просвещения взоры властей предрержавших обратились и на условия содержания в тюрьмах. В 1717 г. вышло распоряжение, касавшееся замены соломы, служившей подстилкой для колодников. В 1720 г. было предложено кормить их за счет челобитчиков, в связи с чем в 1722 г. колодникам было запрещено собирать милостыню. Однако пропитание, доставляемое челобитчиками, оказалось столь скудным, что в 1726 г. чиновным подсудимым было назначено содержание, а остальным колодникам вновь разрешено собирать подаяния и питаться ими.

С увеличением количества колодников подаяний для их пропитания стало не хватать, и правительство по ходатайству ряда губернаторов в 1736, 1737 и 1744 г.г. давало им разрешение на обеспечение колодников казенным продовольствием.

Кроме того, в 1744 г. был издан указ о раздельном содержании лиц мужского и женского пола. Поводом к нему послужил ставший известным правительству случай в Новгородской губернии, где содержались под стражей сын дьякона Марков и его жена. При этом Марков две недели просидел в одном помещении («палате»), скованный нога к ноге с чужой женой, а его супруга в это же время скованная находилась в другом помещении.

Указ 1765 г. запрещал отдавать колодников на тяжелые работы.

Императрица Екатерина II определила количество кормовых здоровым и больным колодникам (1778) и разрешила пользоваться последних за счет казны (1796 г.). Однако прочная и определенная система обеспечения арестантов продовольствием за казенный счет сложилась только к концу XVIII столетия. В то же время содержавшиеся под стражей при полиции довольствовались одними подаяниями до 1810 г.

В 1787 г. матушкой-императрицей собственноручно был написан проект общего тюремного устава, предусматривавшего раздельное содержание подсудимых от других категорий арестантов, мужчин от женщин, а также разобщение лиц, оказывавших вредное влияние друг на друга. Нормальным наполнением арестантских камер признавалось содержание вместе не более 2–3 человек. Указанный проект не был реализован, и единый нормативный акт, определявший порядок содержания под стражей, в России отсутствовал вплоть до 1831 г.

С 1786 по 1788 г. губернатором Тамбовской губернии был известный поэт и государственный деятель Г.Р. Державин. К моменту его вступления в должность колодники без всякого попечения содержались по несколько сот человек в одной яме, огороженной палисадником, и умирали от голода, стужи и духоты. Г.Р. Державин велел распределить их в соответствии с законом по степени вины, некоторых отпустить, других содержать строже и всех рассадить по разным камерам в соответствии с виной и совершенным преступлением. На месте старых построек была возведена тюрьма с кухней и лазаретом, где губернатор приказал соблюдать чистоту и порядок¹.

Вплоть до XIX века условия подсудимого заключения мало чем отличались от срочного, обращение с подсудимыми строилось на признании их виновности до суда (презумпция виновности), и для того, чтобы определить степень вины, применялись жестокие пытки. Нередко подсудимые и осужденные, мужчины и женщины, несовершеннолетние и взрослые арестанты, должники и привлекаемые к ответственности за уголовные преступления содержались вместе, скованные одной цепью или колодкой².

В 1802 г. законом из числа лиц, заковываемых для пресечения побега в кандалы, железа и цепи были изъяты офицеры и другие военные чины из дворян. Через двадцать лет после этого от цепей и кандалов были освобождены заключенные под стражу женщины (кроме ручных цепей во время перевозки) и малолетние арестанты обоего пола.

После Отечественной войны 1812 г. идеи об общественном переустройстве обрели новую силу и были поддержаны императором Александром I. Проявляя интерес к получившей распространение в Европе прогрессивной пенитенциарной системе Говарда, император пригласил в Россию его сторонников, предложив им посетить тюрьмы в

¹ Записки Г.Р. Державина 1743–1812. М., 1860. С. 286.

² Заковывание в колодки было запрещено указом императора Николая I в 1827 году после ставшего ему известным случая смерти арестанта в неподвижной колодке.

Санкт-Петербурге, Москве, Новгороде, Твери и подготовить записки по реформированию тюремной системы.

Наибольшую известность получили выводы и предложения известного английского филантропа Вальтера Венинга.

Побывав в 1819 г. в съезжих домах полицейских частей, куда доставляли задержанных по подозрению в совершении преступлений, он наблюдал, как мужчины и женщины, виновные и невиновные, молодые и старые, толпились в одной комнате или двух смежных комнатах, разделявших мужчин и женщин, между которыми помещался караул. Все комнаты были подвальными, сырыми, темными, с нездоровой атмосферой и без кроватей. Порой в них одновременно находилось до 60 человек, которые были ничем не заняты и жаловались на недостаток хлеба. Эти места Венинг назвал «кистинными рассадниками порока».

В казематах Управы Благодочиния были две сырые комнаты с нездоровым климатом. В одной готовили пищу и размещались женщины. Спали они на голых досках. В другой комнате было 26 мужчин и 4 мальчика. Иногда в ней размещалось до ста человек, которые ни днем ни ночью не имели возможности даже присесть.

В Кордегардии Губернского Правления нужник не чистили несколько лет. Солдаты водили в него мужчин и женщин одновременно. В камерах было темно и грязно. Сидели в одной комнате 200 человек, среди которых вместе с закоренелыми преступниками содержался мальчик, потерявший паспорт. А в женской камере круглосуточно дежурили три солдата.

Городская тюрьма, по описанию Венинга, выглядела ненамного лучше. Камеры были переполнены. С тех, кого выпускали на свободу, администрация взыскивала по 15 копеек за каждый день заточения, а при отсутствии денег освобождение задерживалось.

Для улучшения положения в местах лишения свободы Венинг сделал ряд предложений:

- 1) установить бдительный надзор за арестантами;
- 2) разделить их по полу, возрасту и роду преступления;
- 3) наставлять их в религии и нравственности;
- 4) заставлять их заниматься разными ремеслами, рукоделиями и не позволять быть в праздности;
- 5) в виде дисциплинарных взысканий подвергать их заключению в уединенном месте, а за важные проступки переводить на хлеб и воду с отменой одновременно всяких телесных наказаний;
- 6) к этой системе приспособить и тюремные здания.

Наблюдение за точным выполнением этих пунктов Венинг предложил возложить на членов попечительного общества, проект которого был им разработан и представлен императору Александру I. 19 июля 1819 г. проект «Общества, попечительного о тюрьмах» был утвержден.

Это общество формировалось как самостоятельное учреждение, подчиненное самому императору и назначенному им президенту Общества. Членами и благотворителями могли быть лица обоего пола, благородного, духовного и купеческого звания, которые должны были ежемесячно или единовременно (благотворители) вносить взносы. Общество также принимало благотворительные пожертвования вещами и продуктами. Членам Общества вменялось в обязанность бдительно надзирать за разделением заключенных по полу, возрасту и роду преступления; наставлять их в религиозном и нравственном предметах; занимать их умственной, а по возможности и физической работой; строптивых и закоренелых преступников отделять от прочих и приводить в покорность и раскаяние мерами кротости и человеколюбия.

Пользуясь высочайшим покровительством, Общество быстро расширило свое влияние и к 1838 г. имело 100 комитетов и отделений в различных городах империи, а к 1855 г. – 355 комитетов и отделений.

Деятельность Общества оказала большое позитивное влияние на развитие тюремной системы России. Этому способствовал ряд условий. Во-первых, благодаря членам Общества, эта система стала более открытой и обрела общественную значимость. Ее проблемы обсуждались на самом высоком уровне. Во-вторых, проблемами тюремной системы занялись активные и обладавшие высоким общественным положением люди, с мнением которых не могли не считаться даже самые консервативные тюремные и полицейские чины. В-третьих, Общество вносило в поддержание и развитие тюремной системы огромные деньги (за 60 лет более 21 миллиона рублей).

Комитеты Общества снабжали арестантов пищей, одеждой, бельем, обувью, книгами, устраивали при тюрьмах больницы, церкви, организовывали обучение малолетних, мастерские для занятия арестантов работами. Закрепленные за местами лишения свободы члены комитетов Общества вникали во все сферы деятельности тюремной администрации, из-за чего нередко возникали конфликты, для решения которых порой приходилось прибегать к содействию высокопоставленных лиц вплоть до самого императора.

Например, в российских тюрьмах издавна существовал обычай впускать в тюремные камеры всякого, кто хотел лично оделить арестантов провизией, вещами и деньгами. Эти деньги лица, лишенные сво-

боды, нередко использовали для подкупа тюремных смотрителей и конвойных стражников, что приводило к различным беспорядкам. Поэтому Петербургским комитетом Общества этот порядок был отменен. При входе в тюрьмы установили кружки, куда благотворители опускали деньги. Тут же от них принимали продукты, которые шли в пищу всем арестантам. Так возник прообраз действующего в настоящее время порядка денежных и продуктовых передач. Деньги использовались для награждения лиц, освобождавшихся из-под стражи, поведение которых в тюрьме не вызывало нареканий.

Так же вместо ежедневного посещения арестованных родственниками непосредственно в камерах были установлены свидания три раза в неделю в особых комнатах.

Такие новшества вызвали недовольство со стороны как арестантов, так и тюремных смотрителей. Последние лишались дополнительного источника дохода. Для разрешения конфликта потребовалось вмешательство императора Александра I, который распорядился следующим образом: «Из тюрем должно быть изгнано всякое изобилие, а заключенные должны содержаться в чистоте и опрятности и пользоваться здоровою, но умеренною пищею».

Приведенные примеры показывают, что деятельность членов Общества не была ориентированной односторонне в пользу заключенных, а диктовалась прежде всего заботами об общественном благе и развитии тюремной системы в целом.

Можно дополнительно привести много примеров, когда деятельность Общества приносила положительные результаты.

Так, узнав, что пересыльным арестантам, в том числе и подследственным, не полагалась выдача кормовых денег, одежды и обуви, Общество добилось решения императора об обеспечении данной категории лиц за счет казны (1818).

Общество ввело в тюрьмах обучение малолетних; оплачивало работу священников; добилось, чтобы заключенных регулярно водили в баню; приобретало им постельное белье; ввело в практику кандалы по английскому образцу стандартного веса, взамен отечественных разного веса, тесных и острых; добилось также выделения кормовых денег на детей арестантов, содержащихся вместе с родителями; организовало огороды при тюрьмах, собранные на которых овощи шли на стол арестантов; добилось наказания нескольких тюремных смотрителей, занимавшихся поборами с арестантов, что способствовало если не полному искоренению, то, во всяком случае, существенному уменьшению количества таких фактов.

Основанное с филантропическими целями, Общество постепенно расширилось, обратилось в распорядительный орган, получило в заведование казенные суммы. При таком положении дел оно уже не могло сохранять частный характер и в 1851 г. было причислено к Министерству внутренних дел, а в состав его местных комитетов и отделений в качестве обязательных членов были введены губернатор, епархиальный архиерей, председатели губернских присутственных мест и другие чины.

Однако несмотря на усилия членов Общества, условия содержания под стражей, в том числе задержанных и арестованных, оставались скверными. Благотворительных средств явно не хватало, а государственная казна не жаловала места лишения свободы.

В 1830 г. съезжие дома по-прежнему были переполнены. Быт содержащихся в них людей характеризовался теснотой, сыростью, вонью, скудностью пропитания. Женщины находились вместе с мужчинами в помещениях, лишенных света.

В 1840 г. оберполицимейстер Санкт-Петербурга, в чьем ведении находились съезжие дома, докладывал императору о том, что их помещения весьма тесны, сыры, пришли в ветхость, через крыши протекала вода. Из-за переполнения люди вынуждены были проводить ночи, стоя на ногах.

В 1843 г. генерал-губернатор Санкт-Петербурга А.А. Кавелин осмотрел съезжий дом Рождественской полицейской части и отметил, что арестанты спали очень тесно на нарах и еще теснее под нарами. В своем приказе от 22 марта того же года он потребовал не держать арестантов при частях более одного месяца, а отправлять их в тюрьмы, даже если расследование дел не было завершено. На первых порах этот приказ строго соблюдался, но потом, как это часто бывало в России, исполнялся от случая к случаю.

В конце первой половины XIX века в России обострилась политическая ситуация, заставившая власти пойти на проведение широкомасштабных государственных реформ. Важнейшие из них были связаны с отменой крепостного права (1861), судебной реформой, отменой телесных наказаний. Началась подготовка тюремной реформы. Перечисленные мероприятия, носившие безусловно прогрессивный характер, для тюремной системы имели критические последствия.

Места лишения свободы начали наполняться арестованными и осужденными. Бывшие крепостные крестьяне, с которыми прежде за различные проступки разбирались, не прибегая к помощи государства, их помещики, теперь представляли перед судом и оказывались в тюрьмах. Шире стало применяться тюремное заключение и за преступления, за которые прежде полагались телесные наказания.

Ожидание тюремной реформы, подготовка которой затянулась на 15 лет, в значительной степени парализовало работу государственных органов в этом направлении; ограничились ассигнования на первоочередные нужды.

С 1855 по 1881 годы Министерство внутренних дел ни разу не получило кредита на ремонт и расширение тюремных зданий в полном объеме. Так, в 1879 г. по заявкам с мест потребность на эти цели составила 737 тыс. рублей, а ассигновано было всего 177,5 тыс. рублей.

В результате тюрьмы пришли в антисанитарное состояние. Некоторые разрушались, в других не хватало пекарен, бань, прачечных, сушилок, погребов, кладовок, что отражалось на условиях содержания арестантов. Существовавшие прежде тюремные мастерские закрывались и переоборудовались в камерные помещения. Во многих тюрьмах не было женских отделений³.

Материалы, поступившие в Министерство внутренних дел от начальников губерний в 1865 г. свидетельствовали о губительном влиянии на арестантов отсутствия какой-либо занятости в тюрьмах.

Так, по серпуховской тюрьме Московской губернии сообщалось, что нравственность арестантов сильно страдала от бездействия. Они решительно ничего не делали, не выходили даже на свежий воздух. Вся их деятельность ограничивалась чисткой двора тюрьмы раз в две недели. Постоянно дыша спертым воздухом в камерах, арестанты часто страдали общей слабостью, головными болями и головокружениями и беспрестанно просили, чтобы им пустили кровь. От скуки они прибегали к самым странным забавам. Например, они привязывали к веревке гвоздь и били им с размаху по руке. Выигрывал тот, кто выносил больше ударов.

В звенигородской тюрьме наблюдалось то же самое. Арестанты бездействовали. Лишь иногда их выводили на колку дров и уборку двора. Гулять их никогда не выводили, что вредно отражалось на их здоровье. В баню водили два раза в месяц. Для того чтобы убить время, арестанты играли в плевки или устраивали скачки разных насекомых⁴.

Как пишет А. Стангинский, тюрьма в этот период подчинялась нехитрым этическим нормам: «не выдавай товарища», «старайся, где можно, надуть начальство», «уважай сильного в своей среде», «не делай того, что может ухудшить условия жизни заключенных в тюрьме», «плати долги и особенно картежные» и т.д. Власть в среде заключен-

³ Андрианов С.Д. Министерство внутренних дел. Исторический очерк. С-Пб., 1902. С. 135.

⁴ Тюремный вестник. 1898, № 2. С. 75.

ных держали тюремные «Иваны» или «головка» – наиболее авторитетные уголовные преступники⁵.

Кризис коснулся и Общества попечительного о тюрьмах. Если в начале своей деятельности оно пользовалось покровительством в высших сферах, то постепенно обращения Общества стали встречаться равнодушно. Сократился и приток средств от частной благотворительности. К 1880 г. их не хватало даже на собственные нужды. Упала активность членов Общества, томившихся в неизвестности ожидавшей его судьбы в ходе предстоявшей реформы.

К 1880 г. на 76 090 арестантских мест приходилось 94 769 заключенных – на 24% больше лимита. А в отдельных учреждениях переполнение достигало пятикратного уровня. На каждого тюремного надзирателя приходилось от 20 до 80 арестантов.

Непомерная теснота, сырость, недостаток самого необходимого, болезни, высокая смертность, произвол администрации, отсутствие различий по полу, возрасту, совместное содержание обвиняемых и осужденных, закоренелых преступников с лицами, совершившими преступление впервые, – вот основные черты тюремного заключения второй половины XIX века, нашедшие отражение в результатах официального обследования⁶. Само начальство называло тюрьмы «школами порока», «академиями преступлений», в которых хорошему человеку достаточно было пробыть три дня, чтобы окончательно испортиться⁷.

Характеристику петербургским местам заключения 70-х годов XIX века дал В.Н. Никитин⁸.

На тот период в Санкт-Петербурге было 28 полицейских участков, в каждом из них были выделены для содержания задержанных и арестованных небольшие помещения, лишенные в большинстве случаев света, длиной 6 шагов и шириной 2–4 шага. В них не было никакого инвентаря, постельных принадлежностей. Задержанные или арестованные доставлялись в участки и, пока шло оформление документов, запирались в камеры на 2–3 часа, а при доставке ночью – до утра. В камере они спали на голом полу. Затем арестованные переправлялись в частные полицейские дома.

Таких домов в Санкт-Петербурге было 12. В них имелось по 3–6 общих и столько же одиночных камер. Мужчины размещались отдель-

⁵ Стангинский А. Очерки тюремного быта // Каторга и ссылка. 1922. № 4. С. 17–33.

⁶ См.: Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1879. С. 6.

⁷ Мещанинов И.В. Из истории русской тюрьмы // Тюремный вестник. 1905. № 5, приложение.

⁸ Никитин В.Н. Указ. соч. С. 491.

но от женщин, а где позволяли условия, несовершеннолетние отделялись от взрослых.

Арестованные находились в собственной одежде и обуви. Общие камеры в полицейских частях представляли из себя большие светлые комнаты. Простолюдины размещались по 10 и более человек на сплошных нарах и постельниках. Лица, относившиеся к привилегированным сословиям, размещались по 2–4 человека. В их камерах стояли кровати, выдавались матрацы из мочала, подушки, суконные одеяла.

Питание одного арестанта, находившегося в ведении полиции, в 1868 г. стоило 10 копеек в сутки. Пища состояла из двух блюд: щей и каши в обед, и одного блюда – щей – на ужин.

Содержавшиеся в полицейских частях вели праздный образ жизни. Два-три раза в неделю их посещал священник. Обучение грамоте не велось. Книги поставляли благотворители. Арестанты использовали их не только для чтения, но и для различных нужд. Врачи, как правило, арестантов не осматривали. Свидания с родственниками разрешались арестантам по четвергам, а также в праздничные и воскресные дни. Несовершеннолетние содержались обычно вместе со взрослыми. Смотрители не только не соблюдали требования инструкции, касавшиеся порядка содержания, но некоторые из них имели о ней смутные представления.

В 1877 г. в полицейских частях России содержалось 57 374 мужчин и 5082 женщин.

В январе 1875 г. в Санкт-Петербурге открылся Дом предварительного заключения.

Дом был рассчитан по кубическому содержанию воздуха на 700 человек. В нем имелось 317 одиночных камер (285 мужских и 32 женских) и 68 общих камер. В 1876 г. в нем содержалось 1502 мужчины и 173 женщины. Численность персонала была определена в количестве 70 человек.

Дом состоял в ведении Санкт-Петербургского Градоначальника на общем с другими местами заключения столицы основании. Характерно, что он, очевидно с целью обеспечения более строгой изоляции заключенных, сразу был изъят из ведения Санкт-Петербургского губернского правления и Комитета Общества попечительного о тюрьмах и находился в непосредственном подчинении двух министерств: внутренних дел и юстиции.

В отношении порядка содержания арестованных, управляющий Домом действовал под непосредственным надзором прокурора, до сведения которого доводил о всех обстоятельствах, могущих иметь какое-либо значение для производящихся об арестованных дел.

Порядок содержания под стражей в Доме предварительного заключения регламентировался специальной «Инструкцией по управлению Домом предварительного заключения»⁹.

Заключенные во время содержания под стражей должны были подвергаться лишь таким ограничениям, которые вызывались необходимостью предупредить уклонение от следствия, суда и исполнения приговора, а также не допустить их к воспрепятствованию раскрытию преступления.

Арестованный немедленно после привода обыскивался надзирателем в присутствии управляющего Домом или его помощника и доставившего его полицейского служителя. Лица женского пола обыскивались надзирательницей в присутствии помощницы управляющего Домом, но при этом обыске воспрещалось находиться лицам мужского пола за исключением врача, который приглашался в необходимых случаях. Заклученные подвергались обыску и при возвращении после любой, даже кратковременной отлучки из Дома.

Найденные при арестованных деньги, ценные вещи (кроме креста и образа на шее, обручального кольца и часов), письма, бумаги, документы и другие предметы отбирались и записывались в особую книгу.

Потом арестованный помещался предварительно в особый приемный покой до медицинского освидетельствования.

Врач вносил подробное описание примет арестованного в особый протокол, который отсылался для приобщения к следственному производству. По требованию судебной власти и полицейского начальства с арестованного мог быть снят фотографический портрет.

Арестованный, признанный при врачебном освидетельствовании здоровым, обязан был прежде перевода его в камеру принять ванну.

При поступлении в Дом предварительного заключения арестованные помещались в одиночные камеры, из которых могли переводиться в общие камеры не иначе как по распоряжению судебной власти. Приговоренные к пожизненному лишению свободы содержались в одиночных камерах до вступления приговора в законную силу и отправления по назначению. Совершеннолетних полагалось содержать отдельно от несовершеннолетних.

Арестованным предоставлялось право во время заключения носить казенное или собственное белье и платье. Порядок же употребления того и другого определялся градоначальником.

⁹ «Инструкция по управлению Домом предварительного заключения». 1875 г. (СУ, 1875, № 62);

Лицам привилегированных сословий при поступлении предлагалось по желанию вместо установленного продовольствия получать определяемые законом кормовые деньги, однако в случае незаявления о том в течение недели эти лица теряли право на получение денег и довольствовались на общем основании. Кроме того, содержащиеся под стражей могли довольствоваться и на собственный счет с соблюдением порядка, установленного градоначальником.

Курение табака разрешалось лицам мужского пола, но они лишались этого права, если были уличены в неосторожном обращении с огнем.

Содержавшимся в одиночных камерах разрешалось в течение дня спать на постели.

Распорядок дня арестантов утверждался градоначальником и распределялся следующим образом: в 7.00 часов утра подъем, туалет, уборка постели, утренняя молитва. В 8.00 часов содержащиеся в общих камерах переводились из ночных каморок в дневные помещения. Днем они не выпускались в помещения, предназначенные для содержания ночью. Затем шла утренняя поверка, выдача хлеба и кипятка. С 8.30 до 10.00 часов сидевшие в одиночных камерах выводились на прогулку во двор, с 10.00 до 12.00 часов им на смену выводились лица, содержащиеся в общих камерах. На прогулку заключенные выходили по желанию. С 12.00 до 13.30 все обедали, затем отдыхали. С 14.00 до сумерек поочередно выводились на прогулку те, кто размещался в одиночных камерах. В 16.00 часов все получали кипяток для чая, затем до 19.00 часов осуществлялся прием писем, прошений и заявлений. В 19.00 часов все заключенные ужинали. В 20.00 производилась вечерняя поверка и все, кто находился в общих камерах, переводились в ночные каморки. В 21.00 час назначался общий отбой.

Одиночные камеры полагалось освещать до 21.00 часов вечера. Управляющий Домом мог, однако, позволить заключенному пользоваться собственной лампой или свечой.

В баню (ванну) арестанты выводились в следующем порядке: мужчины по четвергам и пятницам с 13.00 до 17.00, женщины – по субботам с 15.00 до 18.00. По воскресениям и в праздничные дни, а также накануне их проводились богослужения.

Содержание в чистоте носимой одежды и обуви, уборка постели, а для содержащихся в одиночной камере также и уборка этой камеры входили в обязанность каждого заключенного.

Заключенным запрещалось заниматься пением и музыкой и не разрешались всякого рода игры (в карты, кости, шашки и прочее), а также

шум, крики, свист, громкие разговоры и вообще действия, нарушавшие спокойствие и благочиние.

От них требовалось во время заключения, по возможности, сохранять в своей наружности тот вид, который они имели при взятии под стражу. С этой целью носившим усы, бакенбарды и бороду не разрешалось стричь и брить их, а не носившим – отпускать.

Помещения для арестованных и сами они подвергались не менее одного раза в месяц внезапному обыску и если при этом обнаруживалось что-либо принесенное без разрешения, то найденное отбиралось, причем съестные припасы и напитки уничтожались, а деньги и вещи передавались в канцелярию для хранения.

Совершеннолетних заключенных запрещалось принуждать к каким-либо работам, но предлагалось оказывать содействие тем из них, которые изъявили желание работать. В то же время лица, не достигшие 21 года обязательно должны были или заниматься работами или обучаться в школе.

Желающий заниматься работой заявлял о том через надзирателя управляющему Домом. Работа, требовавшая использования инструментов, заключенным разрешалась только с согласия прокурорского надзора.

Материалы для работы покупались управлением Дома на средства арестованного или на специально ассигнованные для этой цели деньги. Материалы и инструменты, которые доставлялись в Дом родственниками или знакомыми арестованного до передачи ему тщательно осматривались.

Заключенному, работавшему своими инструментами и из материала, приобретенного на его собственные средства, заработок начислялся полностью.

Предметы, сделанные заключенным из материала, данного ему от управления Домом и при использовании казенных инструментов, подлежали продаже хозяйственным управлением.

Из заработка заключенного, после вычета стоимости материала, три четверти суммы отчислялись в его пользу, а последняя четверть – в пользу Дома для приобретения инструментов, учебных и ремесленных руководств и пособий к работе.

Если заключенный был приговорен судом к возмещению вреда или убытка, причиненного преступлением, или на него были возложены судебные издержки, то предназначавшаяся ему часть заработка выдавалась только с разрешения прокурора. Также с разрешения прокурора заключенный мог пользоваться полагающейся ему частью заработка во время содержания под стражей на такие нужды, удовлетворение которых не было запрещено инструкцией.

Обучение в школе было обязательным для несовершеннолетних заключенных, в то время как остальные лица обучались по желанию в случае подачи ими о том заявления или просьбы. Учащимся преподавались закон божий, чтение, письмо и начальные правила счета. Занятия вели священник и псаломщик утром с 9.00 до 11.00 часов и вечером с 17.00 до 18.30. В 1877 г. в школе Дома предварительного заключения обучалось 134 человека.

Для обучения в школе заключенные делились на разряды, соответственно их способностям и степени развития. Те несовершеннолетние, которые обнаруживали лень, нерадение и явно уклонялись от занятий, в случае безуспешности применения к ним мер педагогического воздействия подлежали исключению из школы.

Для чтения заключенными в Доме имелось собрание книг духовного и нравственно-поучительного содержания, исторические и географические сочинения, описание путешествий, повести, руководства для изучения ремесел и учебники. В 1877 г. библиотека насчитывала 1347 книг. Каталог предъявлялся прокурору окружного суда, которому принадлежало право по своему усмотрению запрещать чтение заключенными тех или иных книг. Раздача по камерам книг осуществлялась по понедельникам, средам и субботам. Заключенные могли пользоваться и собственными книгами, а также книгами, доставленными им родственниками и знакомыми, которые выдавались им на руки с разрешения прокурора и после самого тщательного осмотра.

Каждому заключенному разрешалось по мере надобности писать письма родным, всякого рода деловые бумаги, касающиеся его лица и имущества, а также жалобы на неправильные действия должностных лиц управления Дома, касающиеся лица, приносящего жалобу. Все письменные занятия разрешались заключенному только с согласия прокурора окружного суда.

Вся переписка заключенных и подаваемые ими жалобы передавались на рассмотрение прокурора, от которого зависело или отослать письма по назначению или возвратить заключенному с объяснением причин.

Письма и деловые бумаги, поступавшие в Дом на имя арестованного, передавались на предварительное рассмотрение прокурору окружного суда и с его разрешения выдавались адресату.

Переписка, по каким-либо причинам не переданная заключенным, выдавалась им при освобождении из Дома, кроме той, в которой были обнаружены признаки преступления.

Свидания заключенных с их родственниками и знакомыми проводились по вторникам, пятницам и воскресениям с 13.00 до 15.00 ча-

сов на основании письменного разрешения прокурора. В особых случаях управляющий Домом мог разрешить свидания с заключенными лицам, получившим разрешение прокурора, и не в назначенное время. Каждый посетитель, получивший от прокурора разрешение на свидание с заключенным, снабжался «именным бланковым билетом», который им предъявлялся при входе в помещение для свиданий.

Заключенные за всякое нарушение порядка и установленных правил, а также за неповиновение распоряжениям начальства подвергались соразмерно тяжести вины водворению в карцер на срок до шести дней включительно с содержанием на хлебе и воде. Через три дня на четвертый отпущалась горячая пища, соль давалась ежедневно.

В случае болезни заключенного, подвергнутого наказанию, применение его приостанавливалось и продолжалось по выздоровлении виновного. Исполнение наказания приостанавливалось также накануне дня, в который было назначено разбирательство дела о заключенном.

Меры взыскания записывались в особую книгу, которая лицам прокурорского надзора предъявлялась по первому требованию.

Заключенные, которые умышленно или по небрежности испортили казенные вещи, находящиеся в их употреблении, обязаны были возместить из собственных средств стоимость ремонта.

В случае смерти заключенного его тело передавалось для погребения родственникам, а при их отсутствии или отсутствия у родственников необходимых средств заключенный погребался за счет казны. Информацию о каждом заболевшем или умершем заключенном требовалось доводить до сведения прокурора.

В конце 70-х годов содержание каждого заключенного в Доме обходилось в сумму около 230 рублей в год.

По сравнению с действовавшей на тот период инструкцией губернских тюремных замков (1831) указанная инструкция предоставляла заключенным право пользоваться казенными постельными принадлежностями, а также собственными платьем и пищею, что ранее запрещалось. Она также возложила на содержащихся в одиночных камерах лиц благородных сословий, прежде освобожденных от всякой работы, обязанности убирать камеры, а также чистить себе сапоги и платье.

Кроме того, по инструкции 1831 г. разрешение заключенному написать что-либо мог дать смотритель тюремного замка, а новая инструкция возлагала эту функцию на прокурора.

Современники обращали внимание на невыполнимость требования инструкции о ежедневном обходе доктором всех 385 камер, а также на необоснованное запрещение тюремному священнику в любое

время посещать заключенных, что он мог делать только получив предварительное разрешение судебной власти.

Определение порядка снабжения арестованных продовольствием за их счет инструкция возлагала на градоначальника, которым были разработаны следующие правила.

Доставка пищи непосредственно из частных домов, трактиров, лавок не допускалась, но арестованные могли получать ее и другие необходимые предметы через управление Домом. Для этого им предоставлялся список кушаний с указанием цен, из которого они могли выбрать необходимое. Другие продукты, такие как чай, сахар, булки и прочее, а также папиросы они могли получить по более дорогим ценам, действовавшим в лавках. Желавший получить пищу за свои деньги снабжался книжкой, где было указано количество его денег, хранившихся в кассе Дома. В книжку заключенный ежедневно записывал свои требования на следующий день. Вечером дежурный собирал книжки и передавал их эконому Дома, который обеспечивал приготовление пищи и покупку других предметов. Все это вместе с книжкой вручалось заключенному под расписку. Выполнение заказов осуществлялось до тех пор, пока на счету заключенного в кассе оставались деньги.

Те заключенные, которые привыкли употреблять вино или рюмку водки при обеде и чувствовали в этом крайнюю необходимость, могли заявить об этом управляющему Домом или дежурному помощнику. Заключенного осматривал врач. Он удостоверился в необходимости разрешения ему употреблять вино или водку, определял количество напитка и разрешал выдачу его в присутствии дежурного помощника. Употребление спиртных напитков допускалось только лицам, содержащимся в одиночных камерах.

Следует заметить, что стоимость кушаний, предлагаемых заключенным за их деньги, соответствовала их стоимости в лучших гостиницах города. Например, порция щей и кусок жареной говядины стоили 1 рубль 50 копеек, одна папироса предлагалась за копейку¹⁰.

Несмотря на то, что Дом предварительного заключения строился с учетом содержания подсудимых, уже вскоре после заселения арестантами выяснилась его непригодность для обеспечения строгой изоляции.

Об этом, в частности, свидетельствуют воспоминания бывших заключенных.

¹⁰ Для сравнения – годовое жалование надзирателя составляло в тот период 151 рубль, что примерно соответствовало заработной плате квалифицированного рабочего. При этом четверть из этой суммы он вносил в страховую кассу тюрьмы с правом получения накопленной суммы по окончании контракта.

В апреле 1876 г. после двухлетнего содержания в Петропавловской крепости в Дом предварительного заключения был переведен князь П.А. Кропоткин, арестованный за политическую деятельность.

По его воспоминаниям, это была четырехэтажная тюрьма, построенная по типу западноевропейских образцовых тюрем с одиночными камерами-кельями. Камера, где размещался П.А. Кропоткин, имела четыре шага по диагонали. Воздух в ней из-за малого объема помещения был спертый, особенно зимой, когда включали паровое отопление.

Здесь, по сравнению с крепостью, было гораздо больше возможностей вести переписку и переговариваться между камерами, легче было добиться свидания с родственниками. Целыми днями П.А. Кропоткин перестукивался с соседними камерами.

Ему было разрешено получать пищу из дома. Однако подорванное во время пребывания в крепости здоровье продолжало ухудшаться, а медицинская помощь от врача не поступала. Хлопотами родственников П.А. Кропоткина перевели в Николаевский военный госпиталь, где он быстро начал поправляться и откуда совершил побег¹¹.

Сходные воспоминания об условиях содержания в Доме оставил другой революционер – В.Н. Катин-Ярцев. Там он провел больше года.

В декабре 1897 г. после содержания в Петропавловской крепости Дом предварительного заключения произвел на него впечатление шумной гостиницы.

Сначала арестованный попал в одну из камер первого этапа – сырую и грязную. Камера имела шесть шагов в длину, три в ширину. В ней находились кровать, металлический столик, откидная металлическая скамейка, стульчак. Пол – асфальтовый. Желаящим предоставлялась возможность самим натирать его воском или же это делали уголовные арестанты, убиравшие камеры под присмотром надзирателя.

Вентиляция была плохая. Пища, по сравнению с той, что давали в крепости, также неважная. Жидкий суп с какими-то перьями вместо мяса, каша, хлеб. Поэтому автор воспоминаний стал брать обед за свои деньги – 35 копеек в день, 10 рублей 50 копеек в месяц. За эти деньги доставляли очень хороший обед из двух блюд. Кроме того, с воли беспрепятственно шли продуктовые передачи. Передавались также книги и цветы. Иногда заключенный для отвлечения ходил в церковь.

Баня показалась ему довольно грязной. Установив контакты с тюремным врачом, Катин-Ярцев пользовался по его назначению ваннами, а также более продолжительными прогулками.

¹¹ *Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1988. С. 320–368.*

Прогулочные дворики располагались секторами по кругу вокруг наблюдательной вышки. Из окон камер было видно прогуливавшихся и они общались с другими заключенными. Обычно прогулки длились 20–30 минут, а по назначению врача до полутора часов в два приема.

Свидание автор получил впервые месяцев через десять после ареста. К заключенным, которые не имели близких родственников, под видом невест, кузин, женихов или братьев на свидания приходили друзья. Свидания давались двух видов, «личные», где заключенный в одной из камер нижнего этажа встречался лицом к лицу с посетителем в присутствии дежурного помощника, и «общие», когда заключенные размещались в одной комнате в клетках, а от посетителей их отделяли две решетки, между которыми прогуливался надзиратель. При последних свиданиях чаще удавалось передать какие-либо сведения, чем при личных.

Режим в Доме был либеральнее чем в крепости и надзиратели были настроены не так враждебно. Некоторые из них во время дежурства заходили украдкой от начальства в камеры и беседовали с заключенными на политические и религиозные темы.

Внутри тюрьмы между заключенными шла активная переписка через книги, выдаваемые из тюремной библиотеки. С воли записки передавали в книгах, продуктовых передачах и при личных свиданиях. Кроме того, заключенные имели возможность переговариваться через отверстия ватер-клозетов. Еще одной формой общения было перестукивание с соседями¹².

Особый режим существовал в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, который был превращен в место предварительного заключения под стражу. Строго одиночное заключение в темных и сырых камерах угнетающе действовало на состояние здоровья и психики заключенных, из которых многие потом переправлялись в больницы, а некоторые пытались покончить жизнь самоубийством.

Узникам предоставлялась ежедневно 15-минутная прогулка по тюремному дворику, на которую заключенных выводили по желанию. Перед выходом арестанты были обязаны заменять в своих камерах тюремные халаты и обувь на собственную одежду и обувь, а по возвращении вновь переодеваться. Их собственная одежда и обувь хранились на складе. Заключенным не разрешалось заниматься ремеслом, но представлялась возможность читать и заниматься научными и литературными занятиями. Все написанное за день вечером отбиралось¹³.

¹² Катин-Ярцев В.Н. В тюрьме и ссылке // Каторга и ссылка. 1925, №2 (15). С. 183–211.

¹³ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1951. Т. 4. С. 17.

Подробные воспоминания о содержании в Петропавловской крепости оставил князь П.А. Кропоткин, арестованный в 1874 г. Он был помещен в одноместную камеру, переоборудованную из каземата крепости, предназначенного для большой пушки. Амбразура стала окном камеры. Через него из-за толстых стен солнечные лучи никогда не проникали в помещение.

В камере были оборудованы железная кровать, дубовые столик и табурет, у внутренней стены был умывальник.

Пол был застелен крашеным войлоком, стены оклеены обоями, под которыми за полотном скрывались проволочная сетка и слой войлока. В толстой дубовой двери было прорезано запиравшееся квадратное отверстие для подачи пищи и продолговатый глазок для наблюдения за узником.

В крепости стояла глубокая тишина, нарушать которую запрещалось. В камеру выдавались книги из тюремной библиотеки. Для письма давали грифельные доски, в то время как перья, чернила и бумага выдавались только по специальному разрешению царя. Для автора воспоминаний такое разрешение было получено и он занимался научной работой, что поддерживало его силы.

Ежедневно, если не было дождя или пурги, П. А. Кропоткина выводили на прогулку во внутренний двор редута.

Зимой каземат топили так жарко, что заключенный задыхался от угара и страдал от головной боли. Однако, когда по его просьбе перестали закрывать рано трубу, в камере становилось сыро и холодно.

В 1875 г. в соседних камерах появились новые арестанты и П.А. Кропоткин наладил с ними перестукивание по специальной азбуке. Так он узнал, что его сосед-крестьянин, сошел с ума, не выдержав одиночного заключения и полного бездействия. Из-за увеличения тюремного населения прогулки арестантам были сокращены до 15–20 минут в день.

После двух лет содержания в крепости здоровье автора воспоминаний сильно пошатнулось, у него появились признаки цинги, нарушилось пищеварение.

В апреле 1876 г. предварительное расследование было завершено, дело перешло к судебным властям и в связи с этим П. А. Кропоткина перевели в Дом предварительного заключения.

Содержавшийся в Петропавловской крепости в 1897 г. В. Н. Катин-Ярцев так описывал условия содержания в ней.

«Ввели в камеру, предложили раздеться, очень тщательно обыскали, одели в халат синего сукна, казенное белье и желтые туфли.

Камера 10 шагов в длину и 6 в ширину. Окно с решеткой под потолком. Стол прикреплен к стене. Железная кровать привинчена к полу.

Сносная постель с двумя подушками. На ночь давали свечу, которую нельзя было тушить. В углу ведро (параша).

В коридоре всегда были дежурный жандарм и тюремный надзиратель. В камеру всегда входили вдвоем. Уборку камеры осуществлял солдат.

Разрешалась переписка. Бумаги выдавали один почтовый лист на письмо. По написании письменные принадлежности отбирались.

Для прогулки служил дворик с садиком внутри бастиона. Гуляли по одному. Продолжительность прогулки зависела от числа заключенных.

Питание было не вполне достаточное, но неплохое. Два блюда на обед, одно на ужин. Через администрацию разрешалось покупать молоко, яйца, булки и другие продукты.

Автор воспоминаний с воли получал записки, зашифрованные в книгах. За попытку передать через солдата записку на волю попал в карцер на три дня и был лишен права переписки на несколько месяцев.

Карцер представлял собой такую же камеру, но перегороженную пополам. Окно загораживала ставня. Из-за слабого света читать можно было только с напряжением. Постель была похуже, чем в камере.

В камеру для занятия арестантов выдавались грифельные доски и грифели. Книги допускались только неразрезанные (то есть новые). Кроме того, их можно было приобрести через администрацию на деньги заключенных.

В 1896 г. по инициативе коменданта Петропавловской крепости генерала Эллиса высшее военное командование выступило с предложением упразднить политическую тюрьму в крепости. В письме от 29 июля 1897 г. военное министерство обратилось к министру внутренних дел за поддержкой.

В письме были представлены следующие мотивы для положительного решения вопроса: увеличилось поступление в крепость арестованных за различные государственные преступления, количество которых ежедневно колебалось от 10 до 27 человек против четырех содержавшихся в ней политических преступников (отбывавших наказание); находившиеся под следствием, степень вины которых еще не была выяснена и приговоренные за тяжкие политические преступления осужденные отбывали почти одинаковое заключение; в связи с размещением в крепости подследственных арестованных помещения Трубецкого бастиона превратились в подобие Дома предварительного заключения; условия содержания арестованных в Доме предварительного заключения Санкт-Петербурга, где имелись мужские и женские (с соответствующим штатом служащих) отделения, лазарет, церковь, комнаты для посетителей и т. д., несомненно были лучше, чем в крепости.

На это обращение министерство внутренних дел ответило отказом, ссылаясь на историческую традицию и необходимость обеспечения безусловной изоляции наиболее важных политических арестантов, чего невозможно было достичь в Доме предварительного заключения¹⁴.

Кроме того, министерство внутренних дел вынуждено было признать, что в отношении пищи, прогулок и чистоты воздуха содержание в крепости имело некоторые преимущества и отдельные арестанты, переведенные в Дом предварительного заключения, даже просили вернуть их обратно в крепость. Что касалось содержания подследственных в условиях существовавшего в крепости сурового режима, то и в этом министерство внутренних дел не видело никакого препятствия, поскольку это соответствовало тяжести обвинения и вполне оправдывалось целями предварительного ареста¹⁵.

В Харьковской тюрьме в 1876 г. оказался «семидесятник» Н. Вишневецкий. Его водворили в одиночную камеру, где на пол бросили тюфяк, полный тараканов. Стены камеры были влажными. Курить запрещалось, но на курение нелегально добытого табака администрация не обращала внимания¹⁶.

В 1879 г. пропагандист С. Лион содержался после ареста сначала в полицейском участке Одессы, где ему запомнились клопы, а затем в одиночной камере городской тюрьмы под усиленной охраной. Один часовой находился снаружи под окном камеры, а другой у двери в коридоре. Камеру убирал уголовный арестант, через которого Лион получил записку из соседней камеры. Позже он налазил постоянную переписку с волей через надзирателя. После визита в тюрьму генерал-губернатора Одессы арестованного перевели в другую камеру, окна которой были на три четверти замурованы. Отняли книги, прогулки сократили до 15 минут. За год пребывания в тюрьме он имел одно свидание, во время которого получил записку с воли¹⁷.

¹⁴ В своих воспоминаниях В. Н. Катин-Ярцев пишет, что следственные власти отчетливо себе представляли режим Дома предварительного заключения («предварилки»). «Что же “предварилка”?! – обронил ему как-то во время допроса прокурор. – Карточный домик! Там так сношения с внешним миром устанавливаются. Крепость надежнее: лучше изоляция». *Катин-Ярцев В. Н.* Указ. соч.

¹⁵ Увязывание режима содержания под стражей с тяжестью обвинения противоречило принципу презумпции невиновности.

¹⁶ *Вишневецкий Н.* Из тюремных воспоминаний семидесятника // Каторга и ссылка. 1924. № 4 (11). С. 212–219.

¹⁷ *Лион С.* От пропаганды к террору // Каторга и ссылка. 1924. №6 (13). С. 9–24.

В последней четверти XIX века тюремные власти были озабочены решением двух проблем: во-первых обеспечить условия содержания под стражей в соответствии с европейскими стандартами и, во-вторых, обеспечить изоляцию арестованных и прежде всего обвиняемых в государственных преступлениях. На примере Дома предварительного заключения в Санкт-Петербурге отчетливо видно, что решить эти проблемы властям не удалось. Даже в условиях Трубецкого бастиона арестанты налаживали связь с волей. Тем не менее, попытки изолировать их предпринимались не только в центре, но и на местах, причем нередко это влекло ухудшение условий содержания, осуществлялось в ущерб здоровью подследственных заключенных.

В марте 1882 г. киевский генерал-губернатор Стрельников для прекращения политическим заключенным способов связи между собой через окна приказал навесить на них металлические щиты в виде прямоугольного ящика без крышки и без одной стороны. Щит плотно прилегал к окну снаружи, оставляя одно отверстие снизу. В результате заключенные практически полностью лишались естественного света и притока свежего воздуха. После убийства генерала его преемники поспешили снять эти сооружения.

На суде над цареубийцами в 1881 г. в Санкт-Петербурге защитник политических обвиняемых обратил внимание на то, что из тысячи с лишним лиц, арестованных с 1872 по 1875 годы за революционную пропаганду и содержавшихся в одиночном заключении от одного до четырех лет, суду были преданы только 193 человека, из которых 90 человек были оправданы. В то же время в период содержания под стражей 80 обвиняемых лишили себя жизни или сошли с ума¹⁸.

С середины 80-х годов XIX века народовольческое движение пошло на убыль, на политической арене наступило некоторое затишье. Этим воспользовались тюремные власти. Для этого в 1879 г. при Министерстве внутренних дел было образовано Главное тюремное управление, призванное вывести тюремную систему из кризиса, в котором она оказалась.

(Продолжение следует.)

¹⁸ Кеннан Ж. Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. С-Пб., 1906. С. 16. По сведениям Н.Н. Евреинова в конце 70-х годов XIX века в Петербургском Доме предварительного заключения по распоряжению градоначальника был «высечен розгами один интеллигент, сошедший от этого с ума». См.: *Евреинов Н.Н.* История телесных наказаний в России. С-Пб., 1913. С. 192.

Алексей Мокроусов

Страна особого назначения

Когда именно Сергей Миронович Киров получил в подарок от Управления Соловецких лагерей этот коричневого цвета альбом в кожаном переплете, доподлинно неизвестно. Вероятно, дело происходило зимой 1929–1930 годов. В библиотеке первого секретаря Ленинградского обкома ВКП(б) хранится номер журнала «Соловецкие острова» за октябрь–ноябрь 1929 года. Новый год Киров как раз встречал в Хибинах на Кольском полуострове, где обсуждал, в частности, возможность использования в новом промышленном центре труд эзков Соловков.

Сейчас «Кировский альбом» издан в Петербурге совместными усилиями музея Кирова (входящего в Музей истории Санкт-Петербурга) и Соловецким историко-архитектурным и природным музеем-заповедником. Его публикация приурочена к 65-летию формального закрытия СЛОНа (так долгое время назывался Соловецкий лагерь особого назначения).

И хотя репринтного воспроизведения «кировского альбома» в книге не найти, есть лишь краткое описание оригинала, фотографии печатаются в первоначальном формате и практически без изъятий. Помимо фотоснимков, выполненных (либо собранных в такой последовательности), судя по всему, исключительно в рекламных целях, книга включает материалы журналов «СЛОН» и «Соловецкие острова», документы из фондов Соловецкого музея-заповедника и фрагменты мемуаров бывших заключенных, опубликованных большей частью либо за границей, либо в труднодоступной ныне периодике перестроечной поры.

СЛОН, на протяжении своей истории несколько раз менявший и официальное название, и юридическую принадлежность, изначально задумывался как образцово-показательный проект, призванный продемонстрировать возможности перевоспитательной системы. Иначе стали бы сюда, как и на строительство Беломоро-Балтийского кана-

ла, возить журналистов и литераторов? Многие из них – даже такой либеральный мыслитель, как Пришвин, – отработали долг перед партией и написали верноподданнические тексты. Трудно их упрекать за трусость в обстановке, больше всего напоминающей кафкианский роман, но и в заслугу эти очерки и статьи поставить невозможно.

Первый лагерь на Соловках был создан еще в 1920 году – как отделение Северных лагерей принудительных работ ОГПУ. А 2 ноября 1923 года Совнарком издал с пометой «Опубликованию не подлежит» постановление «Об организации Соловецкого лагеря принудительных работ». Согласно постановлению, «все угожья, здания, живой и мертвый инвентарь, ранее принадлежавший бывшему Соловецкому монастырю», передавались ОГПУ безвозмездно. Первой стояла подпись зампредсовнаркома Рыкова, за секретаря расписалась Фотиева.

Тщательно прописанное положение о Соловецких лагерях ОГПУ подготовило ровно через 11 месяцев, 2 октября 1924 года. В первом же абзаце положения фиксировались целевые группы, ради которых лагеря создавались: *«для изоляции особо вредных государственных преступников, как уголовных, так и политических, деяния которых принесли или могут принести существенный ущерб спокойствию и целостности Союза Советских Социалистических Республик»* (особенно здесь хорошо по-фрейдистски отдающее кладбищем слово «спокойствие»).

Но в целом, как сталинская конституция была на бумаге едва ли не лучшей конституцией в мире, так и представления ОГПУ о лагерной жизни выглядят порой утопиями в духе Томаса Мора. Заключение делилось на пять категорий, причем «осужденные за политические преступления (меньшевики, эсеры и анархисты)» параграфом 76 выделялись из общей массы. Дальнейшими параграфами они освобождались от работ на производственных предприятиях СЛОНа, и даже в случае помещения в штрафной изолятор на них не распространялись так называемые «особые работы» вроде уборки выгребных ям. В течение дня «казрам» (контрреволюционерам) и их единомышленникам разрешались прогулки продолжительностью не менее пяти часов, а длительность свидания для них устанавливалась ОГПУ в каждом отдельном случае.

Всем заключенным разрешалось прибегать за свой счет к услугам сторонних врачей и получать с воли литературу посылками.

Фотолетопись «Соловецкие лагеря особого назначения» построена как системный путеводитель по всем сторонам жизни концлагеря (так его называли сами заключенные в официальной лагерной прессе середины 20-х). Составленные воедино, они рождают портрет государства в государстве. Присмотревшись, понимаешь, что малая страна

является полной копией страны большой. Только то, что в большой размывается расстояниями или подавляется силой пропагандистских динамиком, в малой проявляется отчетливее и резче. Шелуха благих намерений здесь облетает куда быстрее.

Если попытаться абстрагироваться от своих уже существующих знаний о Соловках и заново взглянуть на лагерную структуру, то она и впрямь выглядит вполне гуманным космосом, где только ленивый не перекуется на счет «раз – два – три». «КВЧ» (культурно-воспитательная часть) и «Транспорт», «Связь» и «Быт» – кажется, впервые за многие годы феномен ГУЛАГа анализируется как культурно-исторический, а не только политический. Конечно, от нравственной оценки описываемого уклониться невозможно, она проявляется даже невольно, в самом сопоставлении материалов лагерной прессы, пропагандистских фотографий – и воспоминаний заключенных, рассказывающих об унижениях со стороны надзирателей, хроническом недоедании (неработающий получал лишь половину необходимых ему калорий, а работающий – едва ли треть) и в прямом смысле слова убийственных бытовых условиях. Но все же некоторые связанные с Соловками мифы не подтверждаются многими источниками¹, а иные подробности повседневной жизни и вовсе оказываются неожиданными.

Так, вопреки некоторым мемуаристам, театр на Соловках существовал задолго до приезда Максима Горького в 1929 году (написавшему сакраментальное: «Мне кажется – вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки...»), и одно время театральные объединения было даже несколько сразу. Одним из них руководил, например, прославленный Лесь Курбас, другой назывался «ХЛАМ» («Художники, литераторы, артисты, музыканты») и сейчас описывается как труппа авангардистской направленности. В 1924 году уголовники создали театр «Свои» с хором из 150 человек (ассоциации с движением «Наши» неуместны). В репертуаре встречались пьесы, уже запрещенные к тому времени в РСФСР. Общее число зрителей достигало в год 80 000 человек. Впрочем, через три года обе труппы были закрыты, остался лишь центральный театр.

¹ Впрочем, их рождение часто вызвано смешением дат: так, до начала 30-х не было непримиримой вражды между уголовниками и «политическими», о чем пишет и Д.С. Лихачев, а вот в середине 30-х, когда газеты запестрели понятием «враги народа», от былого миролюбия не осталось и следа; об этом уже пишет А.И. Солженицын, и его видение Соловков в этом отношении принципиально отличается от лихачевского. Другой пример: многие мемуаристы выражают сомнение в том, что жесточайшие казни в Секирном отделении были массовыми.

Среди разных психологических моментов, связанных с театром, примечательно наличие входных билетов, которые заключенные покупали за свои деньги: это сохраняло видимость хоть какой-то свободы, напоминало о прежней жизни и ее правах. Платными были и концерты классической музыки – например, вечер к 100-летию со дня смерти Бетховена, состоявшийся 10 августа 1927 года. На сохранившейся афише можно даже прочитать цены местам – от 25 копеек до рубля.

«Кировский альбом» создавался до 1931 года, и это важно для понимания запечатленной им атмосферы. Резкие перемены в жизни лагеря произошли как раз в 1931 году, и одним из первых симптомов стало полное исчезновение продуктов из тюремного ларька.

Впрочем, ради пропагандистских целей можно симитировать любую счастливую действительность. Но и в 20-е Соловкам не удавалась образцово-показательная роль. Если здесь и было что-то действительно «полезное» для исправительной системы – кожевенное и кирпичное производство, рыболовный и звероловный промыслы, то оно механически перекочевало сюда еще из монастырской жизни, а при новых властях постепенно и верно приходило в упадок. И в 20-е, конечно же, в полной мере проявлялась иррациональность тоталитаризма. Так, моряк Альфред Бекман (1896–1991) вспоминал об истории, произошедшей вскоре после смерти Дзержинского. Начальник лагеря Эйхманс приказал группе заключенных тащить волоком лодки. *«И вот когда эта группа заключенных была занята этим делом – они вдруг обнаружили, что их окружают выходящие из леса стрелки охраны во главе с Эйхмансом, раздались выстрелы, обезумевшие люди бросались в разные стороны, но никто не ушел. Потом Эйхманс заявил одному из вольнонаемных работников, что “теперь я отомстил за смерть своего учителя товарища Дзержинского!”»*.

Нет свидетельств о том, что эту историю знал Горький. Во время посещения Соловков он всегда был окружен специальными людьми. Как рассказывал о беседе с автором «Буревестника» тот же Бекман, *«свита большого писателя была немаленькой, и люди в кожанках, сопровождавшие Горького, очень внимательно слушали его вопросы и мои ответы. (...) Те, кто открыто пожаловался на судьбу, вскоре после отъезда Горького были расстреляны. Для остротки остальных, чтоб не жаловались...»*. Солженицын, впрочем, рассказывает о подростке, решившимся открыть пролетарскому литератору всю правду о Соловках. Он рассказал и о жутких пытках вроде зимнего стояния раздетым на пне или сидения провинившегося на тонкой жердочке. Неизвестно, зашла ли речь о медицине – порой по своим условиям

она была хуже карцера. Даже в документах официального расследования описываются грязь и вши, один матрац на трех человек в тиф-изоляторе, издевательское равнодушие врачей... После беседы с подростком один на один Горький якобы вышел утирая слезы, но после отъезда его собеседник прожил недолго.

Еще бы, на Соловках ценили литературу и ее работников. Не зря здесь собрали практически весь цвет невысланной интеллигенции. Собственные журналы Соловков печатали высококлассные пародии на русскую поэзию, возможную лишь в обстоятельствах давно случившегося, но так и не отпетого ухода. «Незнакомка» Блока обернулась текстом, где есть и такие строфы:

... А рядом у дневальных столиков
Поверок записи торчат
И ротные противней кроликов
«Сдавайте сведения» кричат.

И каждый вечер в час назначенный,
Иль это только снится мне,
Девичий стан, бушлатом схваченный
В казенном движется окне...

В журнале появлялись произведения, которые вряд ли бы опубликовали на материке. Чего стоит один шедевр из первого номера «Соловецких островов» за 1926 год о прибытии бывшего монастырского парохода, переименованного еще при жизни одного из начальников СЛОНа в его честь, «Глеб Бокий»:

Ура! «Параша» возвещает:
Проветрить соловецкий склеп
На той неделе приезжает
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб.

Настроен я пессимистично.
Весь мир мне кажется нелеп, –
Но это даже... экзотично:
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб.

Зачем он едет? Помолиться:
Отведать арестантский хлеб?

Иль просто хочет прокатиться
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб?

Даст ли он высылку каэрам,
Иль шпанский разгрузит вертеп?
Плывет навстречу всем химерам
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб?

Но, право, будет не до смеха,
Когда, к надеждам нашим слеп, –
Так и уедет, как приехал,
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб.

Промчится год. Треска и каша
Сорвут с надежд печальный креп.
Вновь едет – возвестит «параша», –
На «Глебе Боком» – Бокий Глеб!

В этот момент журнал уже распространялся по открытой подписке во всем СССР; в момент неожиданного закрытия в мае 1930 года его тираж достигал 3 тысяч экземпляров².

Как видно из цитат, журнал делался живым и по-своему веселым, что должно было, видимо, лишний раз доказать социальный успех затеянного перевоспитания. Соловки должны были стать визитной карточки социализма, продемонстрировать новую пенитенциарную систему нового общества. На крахе этого отдельно взятого утопического проекта можно проследить историю советского государства – для теоретического взгляда чуть ли не идеального, невыносимого и бессмысленного изнутри. Последующие тоталитарные режимы отказались от неудавшейся практики пропаганды концлагерей как способа перековки инакомыслящих. Ни в нацистской Германии, ни в Китае не найти было столь обширных площадей, отданных под места заключения, имитирующих обыденную жизнь, ни посвященных им журналов.

Киров с удовольствием пал жертвой этой соловецкой пропаганды (или все-таки был ее соавтором?). Приветствуя участников торжественного заседания в честь XV годовщины ВЧК–ОГПУ, он так определил жизненные установки собравшихся: *«Карать, а если попросту*

² Неизвестно, поступал ли в открытую подписку другой соловецкий журнал, юмористический – «Стукач».

изобразить это дело, – не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был заметен прирост населения, благодаря деятельности нашего ГПУ». И далее: «У многих людей мы прекратили их физическое существование, на многих мы нагнали такой величайший, подобающий революции страх, что они и сейчас ходят с согбенными головами».

Любимец партии, возможный наместник генсека, он оставался его эрзацем во всем, разве что был откровеннее.

Тем более что откровенность входила в середине 30-х в моду. 28 ноября 1936 года СЛОН был преобразован в СТОН – Соловецкую тюрьму особого назначения (новых смыслов в новом названии не заметили, кажется, лишь чекисты). Режим ужесточился, камеры стали запираются, внешние работы прекратились. Вскоре из-за нерентабельности стали постепенно закрываться все производства, пока в 1939 году и сам СТОН не прекратил своего существования. Тюрьму ликвидировали, передав острова в ведение Северного флота.

Среди немногих вопросов, остающихся без ответа после прочтения «Кировского альбома», есть один, не связанный напрямую с нашей историей.

Что было бы с Германией сегодня, если бы первые альбомы о нацистских концлагерях начали бы выходить там лишь к 65-летию их закрытия?

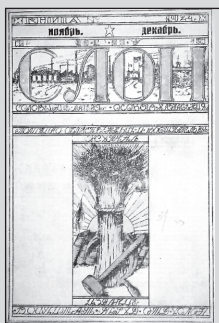
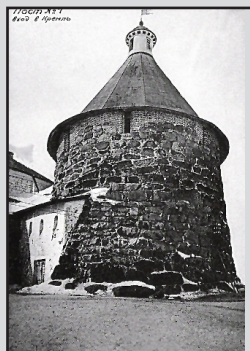

Соловецкие лагеря особого назначения. Фотолетопись.

С-Пб., Государственный Музей истории Санкт-Петербурга, Музей С.М. Кирова, Соловецкий Государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, 2004.

«Соловецкие лагеря принудительных работ особого назначения организованы Объединенным государственным политическим управлением для изоляции особо вредных государственных преступников, как уголовных, так и политических, деяния коих принесли или могут принести существенный ущерб спокойствию и целостности Союза Советских Социалистических Республик». (Из «Положения о Соловецких лагерях особого назначения Объединенного государственного политического управления».)

В основе настоящего издания – уникальный фотоальбом, подаренный Управлением Соловецких лагерей особого назначения первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирову. Издание дополнено документами и фотографиями из фондов Соловецкого музея-заповедника, материалами из журналов «СЛОИ» и «Соловецкие острова», издававшихся в лагере, воспоминаниями бывших заключенных, бежавших с Соловков, нормативными документами, регламентировавшими жизнь СЛОНа.

Публикация книги приурочена к 65-летию закрытия Соловецких лагерей – Соловецкой тюрьмы особого назначения ОГПУ–НКВД.

История Соловецких лагерей ведет свой отчет с мая 1920 года, когда на островах было организовано одно из отделений Северных лагерей принудительных работ. Сюда были переведены большие партии заключенных из Пертоминского, Холмогорского и Архангельского концлагерей. Это были в основном участники белого движения...

Юрий Александров

«Шаг на 50 лет назад»

11 мая 2005 года Конституционный суд РФ принял поистине «революционное» решение, поразившее видавших виды всех российских юристов.

«Реакционное и примитивное», – именно так прокомментировала это решение Конституционного суда РФ Елена Мизулина, бывший депутат и разработчик нового Уголовно-процессуального кодекса РФ, а ныне представитель Госдумы в КС. «Все, заново надо начинать судебную реформу!.. все пошло прахом... отбросило страну на 50 лет назад», – в сердцах добавила разработчица УПК РФ.

Что же в решении суда вызвало такую негативную реакцию не только Елены Мизулиной, но и многих, не менее известных юристов?

Дело в том, что КС признал противоречащей Конституции статью 405 Уголовно-процессуального кодекса, согласно которой не допускается пересмотр в порядке надзора решения суда, влекущий ухудшение положение осужденного, а также отмена оправдательного приговора и постановления о прекращении уголовного дела.

Инициатором рассмотрения этого дела в КС выступил уполномоченный по правам человека в РФ Владимир Лукин, а также ряд граждан, по мнению которых оспоренное положение нарушало права потерпевших, так как фактически запрещало надзорной инстанции пересматривать приговор даже при наличии существенных нарушений закона, повлиявших на исход дела.

Конкретно в постановлении говорится, что данная статья противоречит Конституции РФ «в той мере, в какой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда не допускает поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представ-

лении прокурора в случаях, когда в предшествующем разбирательстве были допущены существенные нарушения, повлиявшие на исход дела».

Теперь впредь до внесения изменений в ст. 405 УПК РФ пересмотр в порядке надзора соответствующих дел возможен только в течение года с момента вступления в силу решения суда предыдущей инстанции.

То есть на ближайший год Конституционным судом, по сути, установлен порядок, который применялся по старому «коммунистическому» УПК РСФСР.

Получается, что теперь возможен «поворот к худшему», что вообще-то запрещается во всем цивилизованном мире. Кстати сказать, этот самый «поворот к худшему», который был возможен согласно статье 373 УПК РСФСР, в свое время тем же Конституционным судом был признан противоречащим Конституции (такое решение было вынесено 17 июля 2002 года). Теперь же, по странной логике КС РФ, подобная норма, но уже УПК РФ, Конституции вовсе и не противоречит.

Чем же это грозит гражданам России на практике? По большому счету – ничем. Дело в том, что процент оправдательных приговоров в России настолько мал (менее 1%), что говорить о том, что вот теперь последуют массовые протесты со стороны прокуратуры или потерпевших, попросту не приходится. Значительно больше оправдательных приговоров выносят суды присяжных (примерно 10%), и то они никак не «дотягивают» до уровня развитых демократических стран, в которых этот процент в среднем равен 25–30, а бывает, доходит и до 50. (Правда, статья 405 УПК к суду присяжных отношения не имеет, так как в судопроизводстве с участием присяжных порядок обжалования приговоров отличается от обычного.)

Другое дело, что речь может идти о некоем повороте в практике Конституционного суда, которой до сих пор славился своим либерализмом по сравнению с судами общей юрисдикции. Это решение позволит прокурорам опротестовывать сколь угодно долго те немногочисленные оправдательные приговоры, которые их не устраивают.

Известный юрист, профессор, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия генерал-майор милиции Сергей Вицин полностью солидарен с оценкой, данной этому решению Еленой Мизулиной. Более того, Сергей Вицин убежден, что надзорной инстанции вообще не должно быть, а коль скоро она есть, то она не должна иметь права отменять оправдательные или обвинительные приговоры. «Во многих странах, – говорит С. Вицин, – вообще отсутствуют надзорные инстанции, и любой приговор – оправдательный или обвинительный – уже не может быть отменен, если он вступил в

законную силу, то есть был рассмотрен апелляционной или аналогичной ей судебной инстанцией. Другое дело, что с течением времени могут открыться какие-то доселе неизвестные обстоятельства, ранее не исследованные судом. Но для этого существует порядок возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. Такой порядок прописан и в УПК РФ. Более того. Во многих странах в юриспруденции существует такое понятие, как «право на один выстрел». И относится оно именно к органам, проводящим расследование и поддерживающим обвинение. И это означает, что данные органы, являясь государственной структурой, обладают всеми возможностями, всей мощью государства, которые им позволяют собрать и представить доказательства вины. И ошибиться они не имеют права. Ну а коли ошиблись, то...».

Одним словом, это решение КС неоднозначно принято в среде российских юристов. Если прокуроры и следователи его всецело поддерживают, то адвокаты в большинстве своем считают его ошибочным.

Неизвестно, правда, как отреагируют на него законодатели. Изменят они статью 405 УПК или нет? Да и непонятно, что хуже: принятие решения КС в виде обязательной установки или его игнорирование и, тем самым, отказ от самого фундамента правовой системы страны...

Центр содействия реформе уголовного правосудия

ТЮРЬМА И ВОЛЯ

Центр содействия реформе уголовного правосудия – старейшая правозащитная организация, которая занимается проблемами заключенных, уголовного правосудия и исполнения наказания.

Центр был создан в 1988 году бывшими политзаключенными при поддержке академика Андрея Сахарова.

Директор центра – Валерий Абрамкин – бывший политзаключенный, сегодня – член Совета при Президенте Российской Федерации по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека.

Центр осуществляет разработку законодательных и других предложений, направленных на гуманизацию условий содержания заключенных, на проведение тюремной и судебной реформ, внедрение в пенитенциарную практику альтернативных методов наказания, на сокращение численности тюремного населения России.

В последние годы Центр ведет большой **проект по социальному сопровождению** несовершеннолетних правонарушителей.

Ведется **пропагандистская и информационно-просветительская работа**, призванная обеспечить общественную поддержку реформаторским силам.

Центр выпустил сотни книг, брошюр (в том числе серии «Знай свои права!»), буклетов, листовок и плакатов, подготовил более тысячи публикаций, аудио- и видеосюжетов для СМИ.

Нашу **еженедельную радиопередачу «Облака»** о проблемах заключенных (выходит на волнах «Радио России» с 1992 года) слушает 25% взрослого населения России, не считая заключенных.

Работу Центра всесторонне отражает **сайт** <http://www.prison.org>

Здесь вы найдете информацию: о тюремных нравах и обычаях, о сегодняшнем положении в местах заключения, о своих правах на защиту, о важнейших текущих изменениях в законодательстве и многое другое.

Внимание! На сайте опубликованы подробные разъяснения в связи с вступившими в силу в декабре 2003 года новыми поправками в УК, УПК и другие законодательные акты, направленными на смягчение уголовного законодательства.

Адрес редакции:
119021, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 447
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: 201-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 16.05.2005 г.
Отпечатано в типографии

Тираж 2000 экз. Заказ №
Цена свободная